В. ЯН

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

В. ЯН

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

ПОВЕСТЬ

Переработана автором для детей

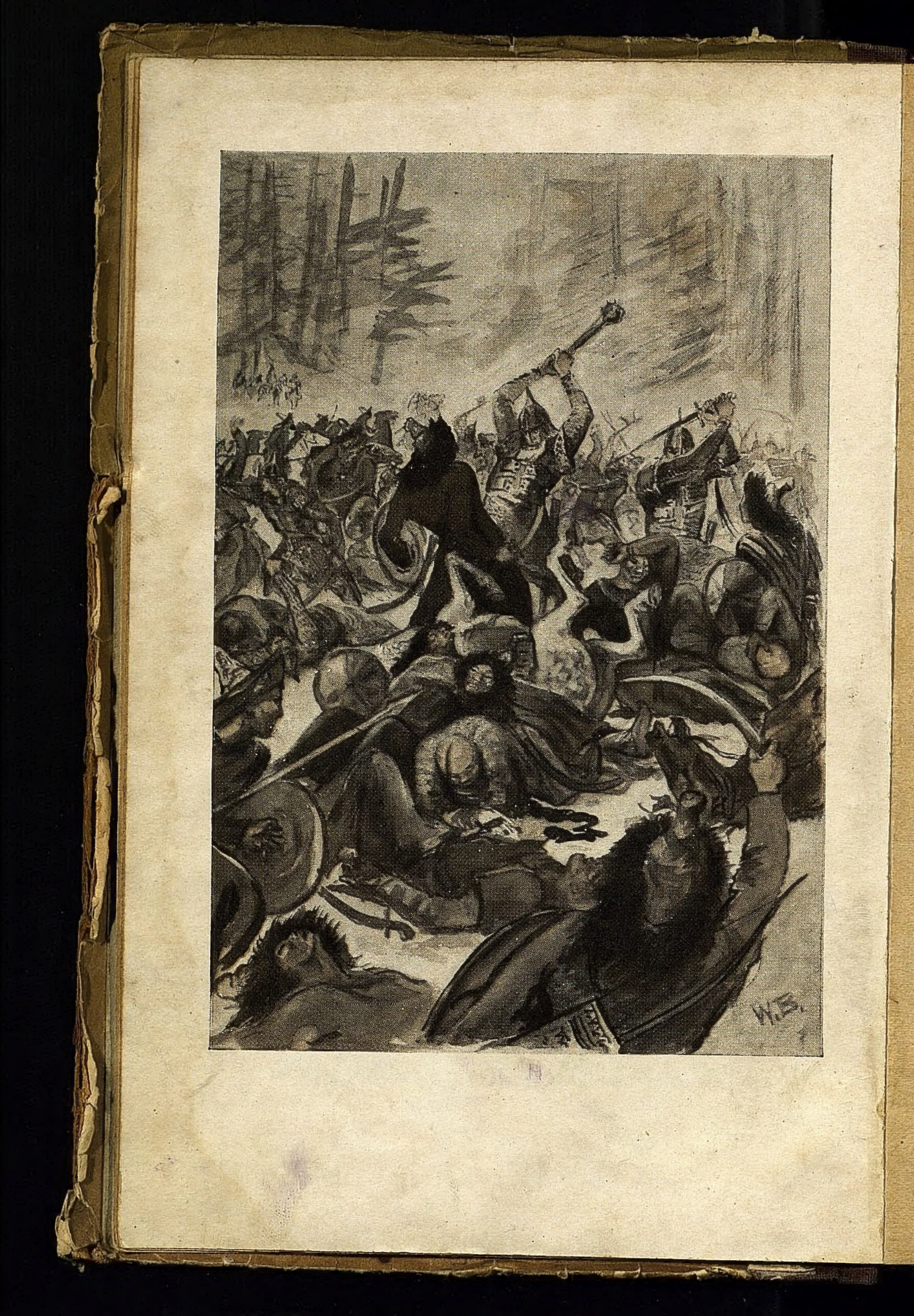
Рисунки
В. БЕХТЕЕВА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *А. Наумова.*
Подписано к печати 5/VI 1941 г. $17^{1}/_{8}$ печ. л. (13,94 уч.-изд. л.). 35 088 зн. в печ. л.
Тираж 50 000 экз. (6—50 тыс.). А39128. Заказ № 575. Цена в переплете 4 руб.

Отпечатано с матриц 17-й типографии треста «Полиграфкнига» на Фабрике детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.



«... С каких облаков сорву я сверкающие молнии разящих слов? Где я найду раскаленный котел кипящей смолы, чтобы ею начертать полные жгучей жалости и пылающего негодования картины горя, отчаяния и безутешных слез, которыми сопровождается каждый шаг железного монгольского войска, уничтожающего все на своем пути?.. Каждый человек, каждая женщина или ребенок становятся беспомощными жертвами неумолимых степняков. Всякое сопротивление карается смертью, всякая покорность влечет тяжелое рабство...

Где же те смелые удальцы, которые не дрогнут перед трехсоттысячной грозной ордой и бесстрашно отбросят ее?»

(Из «Путевых записок» арабского летописца Хаджи-Рахима)

«...Итак, отправимся в далекий путь, в неведомые страны где и завтрашний день, и сегодняшний, и послезавтрашний покажут тебе, читатель, то, чего ты еще не знаешь...»

(Из древней арабской повести)

Часть первая

ЗАВЕЩАНИЕ ЧИНГИЗ-ХАНА[1]

Мы бросим народам грозу и пламя
Несущие смерть Чингиз-хана сыны.
Монгольская песня

1. Храбрый Назар-Кяризек

Старый Назар-Кяризек, вернулся в свою юрту с базара в Сыгнаке[2] полный тревоги.

— Эти новости вызывают дрожь, — бормотал он. —

---

[1] Чингиз-хан (1155—1227) — монгольский полководец и крупнейший завоеватель Азии, создатель гигантской Монгольской империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря. Передовые отряды войска Чингиз-хана под начальством Джебэ и Субудай-Багатура (упоминаемого в настоящей повести) дошли до Днепра, встретились с русскими и половецкими войсками и отступили до берегов Азовского моря, где в 1223 году близ реки Калки произошла битва, в которой русские и половцы были разбиты. Нашествие внука Чингизова Батыя на Русь и далее на запад (1236—1243) было выполнено монголами по плану, задуманному Чингиз-ханом.

[2] Сыгнак — в XIII веке богатый торговый город в низовьях реки Сыр-Дарьи в Средней Азии. Теперь от Сыгнака остались только пустынные валы, ямы и много развалин. Действие повести начинается в 1236 году.

Отправлюсь-ка я к великому хану Баяндеру, проведаю там, верно ли все, что говорят...

Назар стал торопливо одеваться.

— Надо успеть, пока не увидела Кыз-Тугмас [1]. Опять начнет ворчать, что я не работаю, без дела шатаюсь... Все жены ворчат. Пусть сунется, побью ее. Я хозяин!

Назар вытащил из мешка желтые покоробившиеся сапоги с острыми каблуками — их надевал еще его отец, отправляясь в набег, затем натянул на себя старый чапан [2]. От ветхости он совсем расползался, и старик надел поверх него длинную козлиную шубу, подпоясался сыромятным ремнем, на голову нахлобучил овчинный малахай [3] и засунул за пояс плеть.

— Теперь я могу предстать перед светлыми очами грозного хана Баяндера, — прошептал он, оглядывая себя. — Надо спешить, нельзя откладывать такого важного дела.

Турган, младший сын Назара, прибежал из степи, где он с другими мальчиками пас аульных жеребят. В удивлении Турган широко открыл рот.

Что такое? Отец в козлиной шубе? В такую жару! Значит, что-то стряслось! Что он надумал? «Прикажи мне итти с тобой», чуть было не сорвалось с уст мальчика, но Турган побоялся испортить дело. Сжавшись, он притаился около входа и блестящими, как у зверька, глазами следил за каждым движением отца. Рядом с ним опустилась на колени Юлдуз, девушка-сирота. Назар подобрал ее во время нашествия монголов и воспитал как родную дочь. Она подтолкнула локтем Тургана и показала глазами на Назара.

— Приведи коня, — строго приказал отец.

«Верно я догадался», торжествующе подумал Турган. Он стремглав побежал в овраг, где паслась их старая лошадь, взобрался на ее тощую спину и вернулся к юрте.

Назар обтер лошаденку пучком соломы, положил на

---

[1] Кочевники, давая новорожденным имена, часто выражают в самом имени заветные пожелания ребенку. Например, мальчикам: Турсун — «Пусть живет», Ульмас — «Да не умрет»; девочкам: Юлдуз — «Звезда», Кыз-Тугмас — «Да не будет иметь дочерей», и т. п.

[2] Чапан — просторная верхняя одежда, похожая на халат.

[3] Малахай — остроконечная меховая шапка с наушниками.

ее костлявый хребет кусок войлока, старательно приладил связанное веревками деревянное седло и перекинул ремень. Она подогнула заднюю ногу и оглядывалась, пытаясь схватить хозяина, когда Назар затягивал подпругой ее раздувшееся брюхо.

Жена Назара, Кыз-Тугмас, худая, с впалыми щеками, низко склонившись, возилась подле котла. Она бросала исподлобья взгляды на мужа, не решаясь спросить, куда он собирается. «Старый задумал новую причуду», подумала Кыз-Тугмас, но перечить все же боялась. Только спешно замесила несколько горстей муки и стала печь лепешки.

— Куда наш собрался? — шопотом спросила Юлдуз, когда Назар вышел из юрты.

— Ясно куда, на войну! — уверенно ответил мальчик.

— Что ты болтаешь! Какую войну? — воскликнула испуганно мать.

— Все мальчики говорят, что скоро будет война. Смотри, смотри, что делает отец!

Назар, вернувшись в юрту, подошел к решетчатой стенке и снял старую, в кожаных ножнах, кривую саблю с узким ременным поясом. Он важно прицепил ее поверх шубы, завязав узлом концы ремня. Жена и дети, застыв с разинутыми ртами, следили за каждым его движением.

Назар-Кяризек, тяжело ступая в ссохшихся сапогах, вышел из юрты, стараясь придать себе гордый, торжественный вид. Перекинув повод на шею коня, он поднялся в седло и бросил косой взгляд на дверь юрты. Кыз-Тугмас завернула в розовую тряпку горячие дымящиеся лепешки. Юлдуз взяла их и протянула Назару. Заслонив рукой глаза от яркого солнца, она всматривалась в изборожденное морщинами лицо Назара, ожидая, что он скажет.

Назар понимал, какие мысли волнуют всех. Но разве можно при серьезном решении посвящать женщин и детей в свои планы? Он торжественно спрятал за пазуху розовый узелок и произнес:

— Я отправляюсь к хану Баяндеру!

Затем ударил каблуками в костлявые бока лошади. Она медленно поплелась по тропинке, уходившей в степь.

Турган подбежал к матери и сказал шопотом, точно отец мог еще услышать:

— Я пойду за отцом к хану Баяндеру. Разве это далеко? Я раньше его добегу и скоро вернусь.

— Хорошенько присмотри за отцом.

Мать отвернулась и медленно пошла в юрту. Сунув пучок сухой колючки в потухающие угли, она раздула огонь.

— Вот еще что выдумал! Ему ли, старому, итти на войну? Он там свалится в первый овраг и назад не вернется. Кто тогда меня, вдову, пожалеет?.. Ну чего же ты медлишь, Турган? Беги за отцом да следи, чтобы он тебя не заметил. А то рассердится и побьет...

Турган подтянул шаровары и побежал в ту сторону, куда уехал отец.

2. Ханская щедрость

Весть о задуманном монгольским властителем и утвержденном на курултае[1] походе на запад пролетела по кипчакской степи подобно ветру, который вдруг проносится средь тихого летнего дня по равнине, крутя песчаные столбы, вырывая кусты и опрокидывая плохо прикрепленные юрты. Во все стороны помчались гонцы, чтобы оповестить о крупнейшем событии в жизни кочевников: все двенадцать родов великого кипчакского[2] народа созываются для нападения на вечерние страны.

Назар-Кяризек миновал прибрежные ивы, за которыми поблескивала мутная после дождей река Сейхун. Перед ним расстилалась широкая равнина. С разных сторон появлялись всадники, мерно шагали вереницы двугорбых верблюдов, нагруженных детьми и женщинами, решетками юрт, шестами, войлоками, мешками, котлами и разными прокопченными предметами кочевого обихода. Рядом с верблюдами шли кочевники; полуголые рабы подгоняли стада овец и коров. Степь, обычно дремлющая и безмолвная, пробудилась и казалась встревоженной.

[1] Курултай — совет феодальной монгольской аристократии, утвердивший поход на запад в 1229 и затем в 1235 году.

[2] Кипчаки, или половцы, — племена тюркского корня, предки нынешних казахов, киргизов и др., жившие на территории от Аральского моря до Днепра.

Назар-Кяризек доплелся наконец до становища одиннадцатой жены хана Баяндера. Старый кочевник удивился: здесь все было попрежнему. Необычайное смятение, царившее в степи, не дошло сюда. Хан Баяндер оставался, как всегда, невозмутимым. В становище шли приготовления к соколиной охоте. Оседланные нарядные кони нетерпеливо взрывали копытами песок. Десять ловких юношей — туленгутов[1], с соколами и кречетами на перчатке правой руки, выстроившись у шатра, ожидали выхода своего господина. Поджарые узкомордые собаки яростным лаем проявляли свое нетерпение.

Назар слез со своей клячонки, спутал ей передние ноги и стал степенно подниматься на вершину одинокого холма, к ханским юртам.

Хан Баяндер вышел из юрты. Лицо его лоснилось от пота и обильной еды. Он был в нарядной охотничьей одежде: в желтом шелковом халате, засунутом в широкие длинные замшевые шаровары, вышитые яркими шелками. Шаровары спускались на красные верховые сапоги с загнутыми кверху носками. Поля белой поярковой шапки были подняты спереди и сзади опущены на шею, закрывая затылок. Толстый живот хан туго затянул пестрым шарфом, за который засунул два индийских кинжала с ручками из слоновой кости.

Хан узнал старого Назара[2]. Острым взглядом окинул он его покорно согнутую спину, долгополую козлиную шубу и кривую саблю.

«Старик приехал о чем-то просить, — подумал хан. — Иногда полезно приласкать простого кочевника, чтобы слава о щедрости хана Баяндера пронеслась по степи от костра к костру. Это особенно важно теперь, после решения курултая, когда степные ханы собирают боевые отряды, чтобы двинуться в далекий поход, на завоевание новых земель».

— Да живет сто один год славный хан Баяндер! Да хранит аллах благословенные стада и табуны хана Баяндера! — громко выкрикивал нараспев Назар-Кяризек и низко кланялся.

Хан остановился и засунул руку за пестрый пояс.

---

[1] Туленгуты — сыновья рабов, считавшиеся наполовину свободными.

[2] Все кочевники в то время были в полной зависимости от степных ханов-феодалов.

— Здравствуй, дед Назар-Кяризек! Куда ты в такой нарядной шубе отправляешься?

— Великая весть летит через кипчакские степи...

— Что же ты услышал?

— Сейчас, мой хан, сейчас расскажу. Был я в Сыгнаке на базаре. Сидел в чайхане в сторонке и слушал, что важные люди говорят. Был среди них один купец в дорогом шелковом халате, — он поставляет монгольским князькам муку, часто беседует с ними и много знает того, о чем мы, простые люди, и не догадываемся. Рассказывал он, что в Сыгнак прискакали самые важные монгольские царевичи, внуки великого Чингиз-хана, покорителя вселенной.

Назар остановился, желая узнать, какое впечатление произвела его новость. Хан стоял спокойный, с насмешливым взглядом человека всемогущего и всезнающего. Сопровождавшие его джигиты[1] насторожились, подтянулись и придвинулись на шаг вперед.

— То, что ты слышал, похоже на истину, — протянул Баяндер. — Что же еще говорили в чайхане?

— Говорил этот купец, что за царевичами спешно идет войско монголов и татар, такое большое, что оно займет наши степи на десять дней пути. Грозный каган[2] Чингиз-хан завоевал половину вселенной, а теперь его внуки хотят покорить вторую...

Баяндер покачал головой.

— Легкое ли это дело! Сколько народов живет во вселенной, а Чингиз-хана-то нет! Кто его заменит? Кто поведет войско? Эй, джигиты, подайте мне коня!

— Постой, мой славный хан! — воскликнул жалобно Назар. — Взгляни на своего старого конюха. Ты более могуч, чем все другие степные султаны. Прошу тебя, мой хан, не забудь и меня в походе. Я сорок лет верно служил тебе и днем и ночью, и в снег и в бурю, пока не состарился. Теперь на мое место встали мои пять сыновей, все пятеро — молодец к молодцу! Они берегут и холят твоих коней и сберегли их до грозного дня, когда уже всюду слышатся боевые ураны[3] двенадцати

[1] Джигит — вооруженный всадник на службе у кипчакского феодала. Джигит — по-тюркски то же, что нукер у монголов.

[2] Каган — повелитель, император всего монгольского народа.

[3] Уран. — У кипчаков каждое колено, каждый род имели свой особый боевой клич, или уран. В бою, в драке, в толпе этим кличем члены одного рода сзывали друг друга.

родов кипчакского племени: «Уйбас, токтабаевцы! Дюйт, батыры[1] дурутаевцы! Даукара́, джерсайцы, опрокидывающие все на пути! Берите острые мечи, садитесь на коней, выступайте в поход».

Хан Баяндер старался сохранить свой величественный вид, только левый глаз его сощурился; в нем мелькнула веселая искорка, когда он смотрел на кричащего ураны старого Назара, который выхватил кривую саблю и размахивал ею над головой.

— Ты лихой воин, Назар! Твои заслуги я помню. Что же ты хочешь?

— Мои пять сыновей готовы выступить в поход под твоим славным бунчуком[2]. Но на чем? Много коней они тебе вырастили, а своего коня у них нет. Ты недаром щедрый, хан Баяндер[3]. Дай каждому моему сыну коня с седлом. Пойдут они с тобой верными защитниками в бою, будут твоими меткими стрелами: куда их пошлешь — туда полетят, что прикажешь — выполнят!

Хан Баяндер коснулся тремя пальцами острого конца своей бороды и сказал:

— Но если я своим джигитам раздам табуны, мне придется плестись по степи оборванным нищим. Однако я помню твою долгую службу и дам по коню твоим сыновьям. Только о седле и уздечке пусть они позаботятся сами... И пусть каждый из твоих пяти сыновей, вернувшись после похода, приведет мне взамен молодого коня, покрытого ковром. А пока твои сыновья на войне будут добывать себе славу, пусть их жены соткут мне по бархатному ковру.

— Преславный хан, смилуйся, у меня нет шерсти...

— Ты получишь шерсть у моего управляющего. Если ты согласен, то твои сыновья могут взять себе по коню. Я зачислю всех пятерых в мою отборную тысячу джигитов.

— Да хранит аллах тебя за твою щедрость, мой пресветлый хан! — воскликнул Назар и, сложив руки на животе, низко поклонился садившемуся на коня хану Баяндеру.

Раздался сигнал к началу охоты. Назар выпрямился,

---

[1] Батыр — по-тюркски храбрец, удалец.

[2] Бунчук — особый украшенный конскими хвостами значок на длинном шесте, который возили перед начальником.

[3] Баяндер — по-кипчакски — щедрый.

вздохнув вложил обратно в ножны старую саблю и, покачивая головой, хмуро смотрел вслед ускакавшему со своей свитой хану. Но тут Назар перевел взгляд и заметил Тургана. Мальчик сидел на пятках, обняв руками колени. Его черные глаза напряженно следили за отцом. Заметив на его лице грусть, Турган вскочил и подбежал к Назару.

— Чем ты огорчен, мой отец? Я все слышал. Теперь, кроме нашей лошадки, у нас будет еще пять хороших коней. Разве трудно будет вернуть их этому жадному хану? Да нет! Ведь братья едут на войну и пригонят оттуда целый табун собственных коней.

— Один аллах ведает, что кони привезут с войны: славных ли воинов или их окровавленные мечи.

— Поезжай скорее за конями! Торопись, тату[1], пока хан не раздумал. Прикажи мне бежать за тобой! Можно?

Турган помог отцу сесть на лошадь, и оба направились по тропинке в ту сторону, где паслись полудикие табуны хана Баяндера.

3. Белый конь

...Легко несется его конь;
На полсажени быстрее мысли тот конь,
На сажень быстрее ветра.

«Джангар»

В зеленой степи на свободе паслось несколько тысяч коней, медленно передвигавшихся по равнине. Табунщики на крепких горбоносых скакунах, с гиканьем носясь среди коней, умело разгоняли дерущихся жеребцов.

Среди конюхов-табунщиков были сыновья Назара-Кяризека. Старшему — Демиру — было лет тридцать, младшему — Мусуку — шестнадцать. Они славились как смелые укротители коней и бесстрашные охотники на волков: с одной плетью бросались они на них. Зимой и летом, днем и ночью, в проливной дождь и в стужу оберегали они табуны хана Баяндера, отгоняя хищников.

Хан Баяндер не очень заботился о своих верных конюхах. Он часто обещал наградить их по-хански, но ни разу не выполнил обещания. На табунщиках были лохмотья вместо одежды, на ногах — самодельные сапоги.

[1] Тату — отец.

сшитые из невыделанных шкурок сусликов, а шапку обычно заменяла собственная грива спутанных волос. Обожженные солнцем, почерневшие, они сжились со степью, как их кони, и сами стали частью барханов [1], ковыльной равнины, ветра и плывущих в небе облаков.

Назар-Кяризек въехал на холм. С его вершины открылся далекий вид на цветущую зеленую равнину. Справа у подножья холма стоял шалаш из камыша, в котором круглый год жили табунщики.

Неожиданно к мирно пасущимся коням подскакал стройный белый жеребец. И расшитое шелками седло его и красная сбруя имели необычайно нарядный вид. Жеребец выскочил из густых камышей. Раздувая ноздри и фыркая, понесся он между косяками, наслаждаясь привольем, смело схватываясь с другими жеребцами. С диким визгом вцепился он зубами в шею рыжего коня, опрокинул его и поскакал дальше по степи. Ветер развевал его серебристую гриву.

Табунщики заметили белого жеребца и помчались наперерез, подготовляя арканы. Они окружили жеребца, арканы захлестнули его шею. Он остановился, весь дрожа, потом рванулся в сторону, стараясь высвободиться.

Следом за конем из зарослей выбежал человек и, догнав табунщиков, схватил коня за повод.

— Оставьте, это мой конь!

Это был молодой стройный воин, в белой чалме, красном шелковом чекмене [2], с двумя кинжалами за поясом и арабским мечом. Он держался гордо и смело, готовый вступить в борьбу со всеми.

— Уходи отсюда, пока цел! — крикнули конюхи, доставая длинные ножи.

Один табунщик спрыгнул на землю и тоже схватил за повод белого коня.

— Здесь земли и табуны хана Баяндера. Если в табун попадает бродячий конь, он делается добычей хана.

Молодой воин обнажил меч и взмахнул им над головой с таким бешенством, что табунщики попятились.

— Берегитесь, жалкие рабы Баяндера! Вы, ханские табунщики, воруете чужих коней? Не хотите ли вы

---

[1] Бархан — песчаный холм.

[2] Чекмень — кафтан.

поставить ваше паршивое тавро[1] на серебристой коже этого благородного коня?

— Хан Баяндер сам поставит свое тавро тебе на лоб! — отвечал конюх и отскочил в сторону, едва успев ускользнуть от меча бросившегося на него разъяренного воина.

Ему загородил дорогу вышедший из шалаша смуглый коренастый монгол.

— Остановись, бек-джигит! — сказал он твердо. — Ты всегда успеешь зарубить грубияна. Выслушай сперва меня.

Он сделал знак рукой, и табунщики сняли арканы, наброшенные на белого жеребца. Говоривший был молод. Темный пушок едва оттенял его верхнюю губу. Он держался с уверенностью хана, избалованного почетом. Под сдвинутыми бровями застыли темные, холодные, непроницаемые глаза.

Воин невольно остановился, пораженный властным выражением лица молодого монгола.

— Твоего жеребца никто не посмеет тронуть! — продолжал незнакомец. — Но я куплю его. Сколько золотых динаров ты за него хочешь?

— Продать моего Акчиана! — воскликнул воин. — Для смелого джигита конь — лучший друг. Разве друзьями торгуют?

— Ты хорошо сказал, — отвечал незнакомец. — На этом благородном коне должен ездить не простой джигит, а полководец, ведущий войско к победе. Твой конь мне нужен. Он принесет мне удачу. Кто ты? Из какой страны? У тебя чекмень иноземного покроя.

— Меня зовут Арапшá. Я одинок; у меня нет юрты, нет белобородого отца, нет смелого брата. Маленьким ребенком я был похищен урусутскими[2] разбойниками и продан в рабство. Я скитался, переходя от одного хозяина к другому. Наконец я отвоевал себе свободу, вступив в войско смелого Хорезм-шаха[3] Джелаль-Эддина...

[1] Тавро. — На каждом животном — коне, верблюде и пр., — принадлежавшем хану, выжигался каленым железом отличительный знак — тавро (круг, подкова, крюк и т. п.). Такое же клеймо выжигалось на бедре каждого раба, принадлежащего хану.

[2] Урусуты, или оросы, — русские.

[3] Хорезм-шах — правитель Хорезма, государства в низовьях Аму-Дарьи.

— Ты был воином Джелаль-Эддина? Это был самый храбрый противник великого Чингиз-хана. Он один не боялся вступать с ним в бой. Великий воитель всегда удивлялся доблести и мужеству Джелаль-Эддина и велел сыновьям своим подражать ему. Теперь ты свободен: Джелаль-Эддин умер. Хочешь служить у меня?

Арапше, видимо, понравились прямота и смелое лицо молодого монгола. Он скрестил руки на груди и сказал:

— Я готов служить тебе верно и бесстрашно.

— Пусть будет так. Ты обо мне скоро услышишь. Но уступи мне своего жеребца. Если ты не хочешь денег, прими взамен лучшего коня из этого табуна хана Баяндера. Согласен?

Арапша задумался на мгновение, потом тряхнул черными кудрями, падавшими на плечи, и сказал:

— Если конь мой нужен тебе не для того, чтобы под парчевым чепраком водить его по базару на удивление толпы, а для похода и для битвы, я тебе его дарю. Пусть он принесет тебе удачу! Он будет конем победителя!

Молодой монгол испытующе посмотрел на Арапшу, затем повернулся к табунщикам и сказал небрежно, как о пустячном деле:

— Удалые конюхи хана Баяндера, продайте мне коня, которого я сам выберу.

Табунщики переглянулись и пошептались между собой. Старший из них, черный от загара, сказал:

— Кони не наши, а хана Баяндера. Но мы продадим коня, если ты заплатишь не меньше, чем купцы на базаре в Сыгнаке, и дашь нам за него двадцать пять золотых динаров [1]. Тогда мы поймаем жеребца, которого ты нам укажешь, а если ты еще прибавишь нам за усердие, то укротим его на твоих глазах.

— Я не барышник, — ответил незнакомец. — Я не торгуюсь, а беру то, что хочу. Вы получите, что просите. Кроме того, я каждому прибавлю по золотому динару.

— Живи тысячу лет! — воскликнули обрадованные табунщики. — Приказывай скорей!

— Арапша, — сказал незнакомец, — выбери лучшего!

---

[1] Динар — золотая монета, ценность которой в XIII веке приблизительно равнялась пяти золотым рублям.

Арапша окинул взглядом табун и указал на молодого гнедого коня. Он был несколько выше других и гораздо беспокойней. В то время как остальные кони тихо пощипывали траву, гнедой жеребец, подняв голову, озирался, а затем стал кидаться в разные стороны к другим жеребцам.

— Ойе! Не легко будет поймать его! — сказали табунщики. — Это не лошадь, а огонь! Это зверь вольный и гордый. Его плетью не ударишь, он сам бросится на человека!

В разговор вмешался старый Назар-Кяризек. Подъехав, он слез со своей лошадки и важно, как подобает отцу, сказал:

— Мусук поймает коня, а мой маленький сын Турган усмирит его. Это ему не впервые!

Турган, взобравшись на отцовскую лошадь, жадно слушал. Он ликовал. Глаза его сверкали от гордости: ему доверяют такое опасное и лихое дело — усмирить дикого коня.

4. Укрощение дикого коня

Мусук был младшим табунщиком. За ловкость его прозвали кошкой [1]. Он туже затянулся кушаком, вскочил на оседланного поджарого коня и с тонким укрюком [2] в руке поскакал к гнедому жеребцу.

Сперва Мусук сделал широкий круг, стараясь обойти коня. Гнедой жеребец еще не догадывался, что ему угрожает близкая неволя, и бегал, заигрывая и брыкаясь.

Вдруг что-то его обеспокоило: он заметил приближающегося к нему табунщика. Матки, оберегая жеребят, отводили их в сторону, открывая всаднику дорогу.

Гнедой насторожился. Он почуял приближение врага и бросился со всех ног, стараясь затеряться в массе других коней.

Мусук ни на мгновенье не терял его из виду. Хотя он не раз был совсем близко от него и готовился уже накинуть петлю, но разгневанный конь, взмахнув хвостом и потрясая головой с поднявшейся, ощетинившейся гривой, круто бросался в сторону и исчезал среди других встревоженных коней.

---

[1] Мусук — кошка.

[2] Укрюк — длинный шест, на конце которого прикреплена петля аркана.

Мусук горячился, не помнил и не видел ничего, кроме ускользавшего непокорного зверя. Он должен был поймать его во что бы то ни стало!

Поджарый степняк, на котором, пригнувшись к шее, мчался Мусук, как будто понимал всадника. Не Мусук управлял конем, а скакун в одном порыве с охотником несся за ускользавшим диким конем, выискивая его среди сотен других коней.

Наконец молодой джигит настиг скакуна, накинул на него аркан, отбросил в сторону укрюк и одной правой рукой сдержал дикого, прекрасного в своей ярости коня.

Когда петля захлестнула его шею, следившие за охотой табунщики издали протяжный вопль в честь победы человека.

Пойманный жеребец стоял неподвижно только первое мгновение. Потом, расставив ноги и загибая голову книзу, он стал пытаться порвать аркан. Внезапно поднявшись на дыбы, он сделал отчаянный прыжок в сторону, стараясь вырвать аркан из железной руки табунщика, но петля еще сильнее стала его душить. Гнедой от ярости завизжал, бил передними ногами и высоко вскидывал задние ноги.

Конь Мусука был силен и опытен в подобной борьбе и не подавался ни на шаг. Навернув аркан на руку, Мусук зорко следил за каждым движением сильного противника. Два табунщика подбежали к взбешенному коню и крепко ухватили его за уши, в то время как два других торопились опутать ремнями его ноги.

В это мгновение на спине коня очутился босоногий мальчик в алой рубашонке и коротких засученных шароварах. Ухватившись сперва за концы веревки, просунутой в зубы коню вместо уздечки, он затем уцепился левой рукой за гриву. Табунщики отпустили петлю, отбежали в стороны. Конь молнией взвился, унося на своей спине в степь бесстрашного мальчика.

Назар-Кяризек, подняв руки, полный тревоги и восхищения, кричал:

— Берикелля![1] Из сынка выйдет хороший джигит!

Турган крепко сидел на спине мчавшегося коня.

---

[1] Берикелля — молодец.

2*

Вскоре он был уже так далеко, что казался красной точкой. Табунщики зорко наблюдали за борьбой ребенка с конем, готовые помчаться на подмогу.

Конь носился по степи, бросаясь из стороны в сторону. Он старался скинуть мальчика внезапными прыжками, бил задом и передом, подпрыгивая на месте, вставал на дыбы, шел на задних ногах и снова, разгоряченный, мчался в степь.

Турган, вцепившись изо всех сил в густую гриву коня, не терял ни смелости, ни упорства. Он то хлестал его плетью, то ободрял и успокаивал ласковыми криками и словами. Дикий жеребец стал наконец немного слушаться повода.

Это заметили табунщики. Старший брат Демир закричал:

— Мальчишка переборол коня! Пора выручать его! Он устал, и силенок нехватит.

Демир помчался к Тургану. Гнедой был измучен, истощен, наполовину укрощен, и настигнуть его казалось нетрудным. Но лишь только он заметил, что к нему приближается новый всадник, как снова разъярился и стал прыгать в стороны. Однако вскоре, утомившись окончательно и теряя силы, конь побежал дробной рысью. Его движения становились более равномерными и спокойными. Он слушался повода и делал ровный круг, приближаясь к месту, где стояли Назар и табунщики. Дикий конь был укрощен.

Демир, примчавшийся на помощь мальчику, поровнялся с ним и скакал рядом. Мальчик, улучив благоприятный момент, держась левой рукой за холку коня, привстал на колени, потом быстро поднялся на ноги. Этим воспользовался опытный табунщик и, тесно прильнув своим конем к укрощенному жеребцу, обнял ребенка и пересадил его к себе, на круп своей лошади.

Успокоенный конь уже скакал рядом на поводу. Черный, загорелый табунщик с мальчиком возвратился к шалашу. Подбежавшие братья сняли усталого, едва державшегося на ногах мальчика, и каждый старался приласкать его.

Арапша бросился к гнедому жеребцу, поймал его за повод, трепал по шее, называя ласкательными именами. Конь стоял, опустив голову, равнодушный, усталый.

Старый Назар-Кяризек сказал:

— Поводи его шагом до захода солнца, не давай воды до полуночи. Он будет конь знаменитый!

Незнакомый молодой монгол, внимательно все время следивший за укрощением дикого жеребца, повернулся к табунщикам и стал им отсчитывать из кожаного кошелька золотые динары. Он высыпал монеты в подставленные ладони старшего брата, затем вскочил на белого жеребца и, сдерживая его, сказал:

— Спасибо вам, джигиты-табунщики! Скоро вы обо мне услышите.

Он тронул коня, но вдруг остановился. На холмах, окружающих долину, показался растянувшийся длинной лентой конный отряд. По маленьким крепким коням с толстыми шеями можно было сразу узнать монгольских всадников. Ими распоряжался молодой воин с суровым лицом. Его неотступно сопровождали три монгола. Один из них держал копье с трепетавшим на ветре желтым лоскутом. Всадники быстро окружили шалаш табунщиков. Угрюмый начальник отряда подъехал к ним вплотную. Встретившись взорами с молодым монголом на белом жеребце, он сказал:

— Менду[1], Бату-хан! Не легко нам было найти тебя. Что ты, царевич, делаешь здесь, в шалаше бедняков?

— Я был без охраны, а нукеры[2] Гуюк-хана[3] преследовали меня.

— Мой почтенный отец Субудай-Багатур[4] о тебе беспокоится. Он просит немедленно прибыть в его шатер.

— Я готов, багатур Урянх-Кадан.

Монголы пустили коней вскачь и быстро скрылись за холмами.

Арапша отвернулся, не желая видеть, как удалялся его любимый белый Акчиан. Пучком травы он вытирал пот, струившийся по бокам его нового коня, шепча ему:

— Не грусти! Теперь ты стал моим другом. До сих пор неудачи играли мной, ты же принесешь мне счастье. Будешь отныне называться Ит-алмаз, станешь преданным и верным, как собака[5], крепким, как алмаз...

---

[1] Менду — здравствуй.

[2] Нукеры — монгольские воины на службе у своих феодалов.

[3] Гуюк-хан — наследник монгольского кагана, соперник Батыя.

[4] Субудай-Багатур — крупнейший полководец Чингиз-хана.

[5] Собака — по-тюркски ит.

5. Справедливые судьи

Кыз-Тугмас не раз выходила из юрты и посматривала на дорогу, поджидая возвращения старого мужа. Наконец, утомившись, села у дверей юрты и, обняв колени, молча смотрела на пустынный холм: над ним облаком кружилась мелкая розовая саранча.

«Говорила я, не к добру он поехал! — думала Кыз-Тугмас. — Чуяла, случится с ним несчастье... Куда ему, старому, ехать на войну! Он и мешок джугары[1] не принесет домой не рассыпав. Но он упрям, как старый козел, а скакать хочет, как молодой».

К вечеру приехал ее любимый сын Мусук. Он спутал передние ноги коня и пустил его пастись. Скинув разодранный чекмень и рубашку, он бросил их на колени матери.

— Пока у меня нет хозяйки, кто зашьет мне одежду?

Мусук растянулся рядом и долго лежал молча, следя за руками матери, которая ловко наметывала стежки на заплату.

Собака, лежавшая поблизости, подняла голову, заворчала и с громким лаем со всех ног умчалась в степь. Мимо проехал кочевник и что-то кричал, указывая рукой в сторону, но так как он не остановился, никто не мог понять, в чем дело.

— Вот и Юлдуз! — сказала мать.

На холме показались ягнята. Они шли, растянувшись по тропе, взбивая пыль. Среди них шагала стройная, гибкая девушка, подгоняя звонкой песенкой[2] отстающих. Услышав ее голос, из соседних юрт выбегали женщины и спешили к стаду встретить своих ягнят. Юлдуз, отдав захромавшего ягненка, которого несла на руках, бегом пустилась домой. Она сделала знак Мусуку и проскользнула в юрту. Мусук вошел. Юлдуз взволнованно зашептала ему:

— Ехал мимо человек и сказал, что видел нашу лошадь недалеко от дороги в степи. Она пасется, а седло сбилось на сторону... С отцом случилась беда! Я боялась сказать матери...

---

[1] Джугара — высокое растение, имеющее стебли, как у кукурузы, и кисти крупных зерен, из которых варится каша — обычная еда бедняков Средней Азии.

[2] У среднеазиатских пастушек имеются особые песенки для ягнят: одни для сбора, другие для пригона домой.

Мусук поспешил к своему коню и вдруг остановился. Из степи послышался тонкий плач.

— Да это Турган!

Мальчик показался на холме. Он бежал странно, его ноги заплетались, он падал, опять вставал и ковылял. Мусук подбежал и подхватил его.

— Вай-уляй! [1] — плакал Турган.

Мальчик с трудом мог говорить, подбородок его дрожал и по лицу, грязному от пыли, текли слезы.

— Что случилось?

— Его вешают...

— Кого?

— Тату!..

Мусук внес брата в юрту, зачерпнул и дал ему воды. Зубы мальчика постукивали о края деревянной чашки.

— Около города... отец ехал на базар... Его схватили какие-то джигиты. Они потащили его... Связали веревкой... Я хотел протиснуться к нему. Меня оттолкнули так, что я упал...

— Говори дальше!

— Они кричали, что отец грабитель... Отец никого не грабил, его грабили...

— Где это было?

— Около Ворот намаза, где высокие деревья...

Мусук, как был без рубашки, побежал к своему коню, сбросил путы с его ног, вскочил в седло и умчался, успев лишь крикнуть:

— Юлдуз и Турган! Бегите в степь, ищите нашу лошадь!

Большая толпа теснилась вокруг старого высокого дерева у ворот города Сыгнака. На толстых сучьях карагача [2] висело несколько человек. Их голые ноги были напряжены и вытянуты, лица страшно искажены. Два стражника, приставив к дереву лестницу, затягивали веревки на шее других. Еще несколько, с закрученными за спину руками, молча дрожали, сидя на корточках под деревом.

Благообразный и важный кадий [3], сидя на старом бе-

---

[1] Ой, беда!

[2] Карагач — дерево из породы вязов, растущее в Средней Азии, очень крупное и ветвистое, дающее прохладную тень.

[3] Кадий — судья.

лом коне, выделялся над толпой. Он громко читал приказ:

— «Слушайте все внимательно! Правитель города повелевает: за отказ уплатить объявленные налоги по случаю прибытия непобедимого монгольского войска, за сокрытие зерна и муки, необходимых для прокорма отважных воинов, присуждаются к смертной казни лукавые торгаши города Сыгнака...»

Шум и крики заставили кадия остановиться. Он строго посмотрел в сторону нарушителей порядка. Три всадника хлестали плетьми попадавшихся на пути и упорно пробивались сквозь толпу. Среди них один размахивал кривой саблей, отчаянно ругался и кричал.

Перепуганный кадий, увидев джигита, повалился с коня.

— Безумный! Что ты делаешь? — закричали в толпе. — Ты осуждаешь приказ правителя!

— К собакам все ваши приказы! — кричал джигит. — Вместо базарных воров здесь вешают храбрых воинов хана Баяндера! Сейчас он сам сюда прискачет со своими джигитами! Всех вас изрубит, как солому!..

Джигит пробился к стражникам, которые, сидя на толстом суке дерева, подтягивали на веревке отчаянно кричавшего и бившегося старика, и косым ударом сабли перерубил веревку.

— Развяжите старику руки, или я снесу вам головы! — завопил джигит.

Упавший старик был немедленно развязан.

— Здравствуй еще сто лет, отец Назар-Кяризек! — Джигит, соскочив с коня, бросился на колени перед стариком, обнял его ноги и поцеловал край одежды. — Садись скорее на моего коня! Ты рано собрался покинуть нас для плова в райских садах аллаха!

— Во-время прискакал, сынок Мусук! — ответил, едва переводя дыхание, старик. — Эти бараньи головы должны были повесить нескольких богатых купцов, спрятавших свои запасы зерна и муки. А судьи получили от купцов подарки, схватили на дороге первых встречных бедняков и повесили их вместо купцов. И меня захотели повесить! Постойте, гнусные шакалы! У меня пять храбрых сыновей-джигитов! Я пойду к главному монгольскому батыру, к самому Субудаю. Он свернет вам головы!..

Толпа зашумела, прохожие сбегались. Крики усиливались. Кадий, подобрав полы длинной одежды, удалялся быстрыми шагами. За ним поспешили и стражники. Им вдогонку полетели комья земли.

Мусук помог отцу взобраться на коня.

— Я встретил двух знакомых пастухов и подговорил их помочь мне. Хорошо, что мы не опоздали!

— Хорошо, что у меня еще крепкая шея! Старый Назар-Кяризек не из таких, чтобы висеть в петле на потеху всему базару. Я лучше отправлюсь на войну и вернусь оттуда славным батыром, с табуном коней!

6. Женский совет

Назар-Кяризек возвращался в свою юрту, окруженный толпой. Из соседних кочевий сбегались люди посмотреть на счастливца, которому удалось уйти от затянутой уже петли. Всякий хотел коснуться коня, на котором, подбоченившись, ехал старый Назар в козлиной шубе, с кривой старой саблей на поясе.

— Кто спас Назара? Где этот смельчак?

— Который его сын?

— Да вот идет рядом, копна волос вместо шапки. Он джигит хана Баяндера...

— Тогда ему, пожалуй, ничего не будет. Хана Баяндера боятся больше, чем главного судью.

Подбоченившись, важно и медленно Назар подъезжал к своей юрте. Теперь он мог предстать перед женой во всей славе. Ведь она ему все твердила, что он стар и ни к чему не годен. А он возвращается в юрту знаменитый не менее, чем сам хан Баяндер.

Однако Кыз-Тугмас при виде Назара стала плакать навзрыд, точно ей привезли покойника.

— Лучше бы ты умер, чем изо дня в день выдумывать разные затеи! Разве я не правду говорила: тебе ли ехать на войну? Не успел даже доехать до города, как уже попал в петлю.

— Вот змея, а не женщина! — закричал Назар. — Ничего не понимает! Если я спасся от судейской петли, значит мне суждена великая дорога. Меня теперь ни меч, ни стрела не заденут. Я с войны вернусь богачом, с табуном отборных коней. Меня все будут величать: «Салям тебе, ослепительный Назар-бай батыр!» Завтра же

поеду к самому главному монгольскому начальнику Субудай-Багатуру. Он даст мне в своем войске достойное место!

— Тошно слушать тебя, старая пустая тыква! — И Кыз-Тугмас, махнув безнадежно рукой, скрылась в юрте.

А Назар уселся около юрты на обрывке кошмы. Перед ним теснились соседи, и он, часто начиная сначала и все с новыми подробностями, рассказывал, как хан Баяндер подарил его сыновьям пять лучших коней из заповедных табунов, как хан обнимал его и называл старшим братом и отцом и расспрашивал, каким путем лучше повести свой пятитысячный отряд. Все, разинув рты, дивились отваге и счастью старого Назара, говорили, что следовало бы устроить особый отряд под его начальством, что этот отряд будет особенно удачливым и вернется с большой добычей. Многие же слушали, покачивая головами, и говорили: «Посмотрим, что из всего этого выйдет!..»

Поздно вечером, когда любопытные из соседних кочевий разошлись, Кыз-Тугмас подсела к Назару и, поглаживая его руку, шептала:

— И чего тебя на войну тянет? Оставайся дома!

Назар раздувался от важности и твердил, что завтра пойдет к самому важному из монголов, Субудай-Багатуру.

Узнав о том, кто такой Субудай и какие у него причуды, Кыз-Тугмас сказала:

— Хоть этот начальник и богат и знатен, ты все же к нему с пустыми руками не ходи. Богатые люди любят подарки, — хоть яйцо да принеси ему! Тогда он станет тебя слушать... А ты ему принеси знаешь что? Нашего длинноногого петуха. Он, правда, старый и почти без перьев, но это уж такая бухарская порода. Кричит же он по утрам так звонко, как азанчи [1] на минарете. Может быть, и вправду петух принесет тебе счастье.

7. Непобедимый полководец

Тумен [2] Субудай-Багатура примчался к Сыгнаку в туче пыли, покрывшей весь небосклон. Впереди ехала

[1] Азанчи — духовное лицо у мусульман, обязанность которого пять раз в сутки с высокой башни — минарета призывать всех мусульман итти в мечеть — церковь — для обязательной молитвы.

[2] Тумен — отдельный корпус в 10 тысяч всадников.

сотня разведчиков на рыжих поджарых конях. За ними следовала сотня на молочно-белых конях. Далее скакал одноглазый Субудай-Багатур, великий монгольский полководец, не знавший поражений. Велика была его слава: он победил кипчаков и урусутов в битве при реке Калке [1], разрушил три китайские столицы, покорил двадцать народов.

Субудай сидел, согнувшись, на саврасом коне с длинным, до земли, черным хвостом. Равномерно покачиваясь из стороны в сторону, конь бежал быстрой иноходью.

Еще юношей Субудай-Багатур был ранен в руку: меч рассек ему мышцы, — с тех пор правая рука всегда была согнута. Другой удар поразил его лицо. Рубец шел через бровь и щеку, правый глаз вытек, зато левый был широко открыт и, казалось, сверлящим взглядом проникал в тайные помыслы людей. Воины называли его «барсом с разрубленной лапой». Они говорили: «Как раненый барс, вырвавшийся из капкана, Субудай угадывает опасность и раскрывает хитрые уловки врага. С ним в беду не попадешь».

Сам великий Чингиз-хан назначил его аталыком — воспитателем — маленького внука, Бату-хана. Когда Бату-хан вырос, Субудай остался его военным советником.

На большой дороге, за городом, под высоким тенистым карагачем монголов поджидали знатнейшие горожане Сыгнака — длиннобородые имамы [2] и самые богатые купцы. Они приготовили на серебряных подносах угощенье и дорогие подарки — свертки шелковой ткани. Кругом теснилась тысячная толпа любопытных. Сыгнакцы хотели пригласить прославленного полководца отдохнуть в новом роскошном доме разбогатевшего купца, где имелся и персиковый сад, и бассейн среди кустов цветущих роз, и баня с мраморными лежанками.

Когда воины приблизились, имам выступил вперед и начал изысканную речь:

— О величайший из великих, храбрейший из храбрых!..

Субудай круто повернул коня, не взглянув ни на знатных стариков, ни на подносы с шелком, сладостями

[1] 16 июня 1223 года.
[2] Имам — мусульманский священник.

и ароматными золотистыми дынями. Послушный конь помчал его на север, прочь от города, в пустынную степь.

Субудая с трудом, на взмыленных конях, догнали векиль[1] и несколько знатных ханов. Задыхаясь, они кричали наперебой:

— Постой!.. Не торопись!.. Гуюк-хан и правитель области Тангкут-хан приказывают тебе прибыть во дворец для важного совещания.

Субудай-Багатур покачивал головой, слушая приглашение, но иноходец его продолжал бежать, не убавляя шага. Наконец Субудай прохрипел:

— Багатур не поедет... Багатур должен кормить золотого петуха...

Субудай тряхнул поводом, и саврасый, закусив удила, понесся вперед, как стрела. Растянувшийся по степи отряд монголов поскакал во весь дух, быстро удаляясь от Сыгнака.

В открытой степи, близ реки Сейхун[2], тумен остановился и, широко рассыпавшись вдоль берега, разбил шумный лагерь. Высокие желтые верблюды уже накануне привезли сюда разобранные юрты. Рабы натаскали сухого камыша, развели костры и варили в медных китайских котлах рис и жеребятину, ожидая прибытия грозного вождя.

Субудай-Багатур сошел с коня около приготовленной для него юрты с высокой пикой, увенчанной рогами буйвола и конскими хвостами. Дверь юрты, завешенная ковром, охранялась двумя угрюмыми нукерами. Тут же на привязи визжали от нетерпения, чувствуя запах мяса, два рыжих монгольских пса-волкодава.

Багатур вошел в юрту. Посредине тлели угли, на которых шипел китайский бронзовый котел с мясной похлебкой.

Хмурый старый раб с длинными, до плеч, седыми космами и большой медной серьгой в левом ухе подал синюю чашку. Здоровой левой рукой Субудай взял из нее горсть проса. Дремавший, нахохлившись, у решетчатой стенки золотистый петух с пышным хвостом встал, важно сделал несколько шагов и остановился. Он был привязан за ногу тонкой серебряной цепочкой.

---

[1] Векиль — смотритель дворца правителя области.
[2] Сейхун — река Сыр-Дарья.

Субудай высыпал перед петухом кучку проса. Птица, наклонив голову набок, стояла, точно прислушиваясь. Потом лениво начала клевать, разбрасывая зерна. Субудай, тоже наклонив голову, наблюдал, как петух выбирал зернышки, и ждал, пока его любимец не захлопал крыльями и не прокричал свой сигнальный призыв.

В разных концах лагеря откликнулись другие петухи.

— Маленькая птица, а подымает целое войско! — сказал Субудай и, согнувшись, прошел на кошму позади костра, на которой были разложены пушистые собачьи шкуры.

8. Мечта завоевателя

Монгольские дозорные у заставы с удивлением пропускали странных путников, направлявшихся к юрте славного полководца Субудай-Багатура, великого советника в предстоящем походе. Впереди шел тощий дервиш в высоком колпаке, с узкой белой повязкой паломника из Мекки. Его можно было бы принять за обыкновенного нищего. Через плечо у него висела сумка, из которой высовывалась книга в кожаном переплете с медными застежками. В руке он держал длинный посох и сплетенный из тростника фонарь с толстой восковой свечой. За дервишем плелся старик в козлиной шубе, с кривой саблей на поясе и с большим петухом в руках. Длинные ноги петуха были перевязаны красной тесьмой. За стариком ехали рядом молодой толмач [1] и два монгольских нукера на небольших серых конях. Оба монгола тянули бесконечную заунывную песню. Приближаясь к заставе, они время от времени выкрикивали: «Внимание и повиновение!», затем снова продолжали тягучую песню.

Очутившись возле дозорных, дервиш сдвинул на затылок колпак, и на лбу его показалась овальная золотая пайцза [2] с изображением летящего сокола.

---

[1] Толмач — переводчик.

[2] Пайцза — овальная пластинка, металлическая или деревянная, служившая своего рода пропуском или паспортом в монгольском войске и во всех монгольских владениях. Имевший пайцзу пользовался содействием властей, получал от них продовольствие и фураж для лошадей.

Дозорные смотрели, разинув рты, недоуменно перешептываясь:

— Что ищет нищий у непобедимого?

— У Субудай-Багатура девяносто девять причуд.

Возле юрты полководца Субудая дервиш остановился. Рыжие волкодавы, готовые разорвать всякого, гремя цепями, прыгали на месте, давясь от злобного лая.

Дервиш долго стоял задумавшись, опираясь на посох. Из юрты вышел нукер и сказал:

— Пусть учитель войдет.

Нукер, стоявший рядом, тронул копьем неподвижного дервиша и указал на вход.

В юрте на ковре сидело несколько монгольских военачальников, склонившихся над круглым листом пергамента, на котором были обозначены черные линии рек и маленькие квадраты с названиями городов.

Коренастый Субудай-Багатур поднял лицо, на мгновение уставился выпученным глазом на дервиша и снова склонился к пергаменту, тыча в него корявым коротким пальцем.

— Вы видите: от Сыгнака до великой реки Итиль [1] для каравана сорок дней пути. Нам же придется итти в два-три раза дольше. Как только выберем джихангира [2], войско выступит. Все пути к булгарам и буртасам [3] и в земли урусутов мне хорошо известны. По моему приказанию бухарские купцы объехали все эти земли и рассказали моим юртджи [4] все, что узнали о них. Идите!

— Да помогут нам заоблачные небожители!—воскликнули монголы и, пятясь по обычаю, один за другим вышли из юрты.

Субудай-Багатур остался один на ковре. Он прищурил глаз, точно стараясь проникнуть в тайные думы дервиша. Хаджи-Рахим стоял неподвижно, спокойно встречая взгляд полководца, прославленного победами, известного своей беспощадной жестокостью при разгроме мирных городов.

---

[1] Итиль — Волга.

[2] Джихангир — эпитет главнокомандующего: «завоеватель вселенной».

[3] Буртасы — мордовское племя.

[4] Юртджи — своего рода офицеры генерального штаба в монгольском войске.

— Привет тебе, великий аталык, советник смелого джихангира! — тихо произнес Хаджи-Рахим.

— Я слышал о тебе, что ты знаешь много.

— Всю жизнь я учусь, — ответил Хаджи-Рахим. — Но знаю только ничтожную крупинку премудрости вселенной.

Субудай продолжал:

— Ты был первым учителем моего воспитанника Бату-хана. Я вожу его уже десять лет через земли многих народов. Он в седле учился быть воином и полководцем. Ты слышал об этом?

— Теперь услышал.

— Я хочу, чтобы он закончил великие дела, которые не успел выполнить его дед, «священный воитель вселенной»[1]. Я слышал однажды, давно, твой рассказ о храбром полководце Искандере Зуль-Карнайне[2], который тоже юношей начал свои походы. У него были опытные в военном деле советники. Они помогали ему. Бату-хан еще молод, он как пантера, которая видит вокруг себя сразу многих диких коз и бросается то вправо, то влево. Возле него должен быть преданный, верный и осторожный советник, который не побоится говорить ему правду и будет направлять его.

— Я араб. Ложь у нас считается позором, — с достоинством ответил Хаджи-Рахим.

Вошел часовой и остановился у входа, приподняв занавеску.

— Внимание и повиновение! — сказал он вполголоса.

---

[1] «Священный воитель», «священный правитель» и т. п. — так после смерти назывался в разговорах и приказах Чингиз-хан. По монгольским обычаям, после смерти имя покойного, ставшего «священным заоблачным духом», больше вслух не произносилось и заменялось другими иносказательными хвалебными словами, выражающими почтение к покойному: «мудрец», «образец добродетели», «цветок небесной радости» и т. п.

[2] Искандер Зуль-Карнайн — то есть Александр Двурогий; так в Азии назван Александр Македонский, величайший полководец древности (355—323 гг. до н. э.). С небольшим сравнительно войском — 30—60 тысяч воинов, — состоявшим из македонцев, греков и некоторых других народностей, Александр Македонский разбил полумиллионное войско персидского царя Дария и завоевал всю Переднюю и Среднюю Азию. Его называли Зуль-Карнайн — рогатый, двурогий. На монетах его изображали с бараньими рогами — символ якобы его происхождения от египетского бога Аммона, изображавшегося с бараньей головой.

Субудай-Багатур, кряхтя, медленно поднялся навстречу. В юрту стремительно вошел воин в синем монгольском кафтане. Молодое темное лицо со скошенными узкими глазами горело беспокойной мыслью и тревогой.

Субудай-Багатур низко склонился перед ним:

— Ты хотел видеть многознающего факиха [1]. Вот он.

Вошедший быстро подошел к Хаджи-Рахиму и обнял его.

— Я послал за тобой, мой старый учитель Хаджи-Рахим. Отныне ты меня не покинешь. Скоро начнется еще невиданный великий поход. Ты будешь моим летописцем. Ты должен записывать мои повеления, мои подвиги, мои думы. Я хочу, чтобы правнуки наши знали, как произошло вторжение победоносных монгольских войск в земли запада. Посмотри сюда! — Молодой монгол опустился на ковер.

— Субудай-Багатур, садись здесь, а ты, Хаджи-Рахим, сядь с другой стороны.

Он заговорил с ними о предстоящем походе, перечислял названия разных местностей; видимо, он давно продумал план войны.

— Ты будешь описывать каждый мой шаг, прославлять мое имя, чтобы ничто не было забыто.

Субудай-Багатур смотрел в сторону равнодушным взглядом.

— Я должен выполнить замыслы моего деда Чингиз-хана, «великого воителя вселенной». «Монголы — самые храбрые, сильные и умные люди на земле», говорил он. Да, монголы должны и будут царствовать над всем миром. Только монголы — избранный народ, отмеченный небом. Все другие народы, — рот юноши еще больше скривился в презрительной усмешке, — должны стать нашими рабами и служить нам, если мы сохраним их жизнь. Дерзкие и непокорные будут сметены с земли; они, как кизяк [2], истлеют на монгольских кострах...

Он обратился к Субудай-Багатуру:

— Скоро ли мы двинемся в поход?

Субудай-Багатур вздрогнул, точно очнувшись.

— Когда мы прочтем войску завещание «священного правителя» и выберем джихангира. До этого прошу те-

---

[1] Факих — ученый.

[2] Кизяк — конский и коровий навоз, обычное топливо для костров у степных кочевников.

бя, Бату-хан, будь особенно осторожным. Держись неприступно и замкнуто. Берегись хмельных пиров. Нельзя подвергать себя опасности перед началом великого дела. Если ты погибнешь, войско поведет другой царевич: Гуюк-хан или Кюлькан-хан. Они никогда не сумеют выполнить замыслы «священного воителя», и твои мечты о победе не осуществятся.

— Да, да, конечно! Мне нужно иметь около себя верного, преданного человека, который бы мне говорил правду, напоминал о самом важном и срочном. Кругом я слышу только лесть и восхваление. Ты мне поможешь, мой старый учитель, факих Хаджи-Рахим! Мне также будет полезен смелый юноша, который уступил мне своего белого коня. Его зовут Арапша. Субудай-Багатур, прикажи разыскать его. Он кажется мне верным и неспособным на измену и лукавство. А ты, Хаджи-Рахим, с сегодняшнего дня начнешь описывать великий поход.

— О господин мой! Твой приказ на голове моей и на глазах [1].

— Для начала запиши мое правило: «Великий полководец должен быть молчаливым. Чтобы стать сильным, надо окружить себя тайной и безжалостно уничтожать врагов!»

9. Юлдуз

Рано утром, как всегда напевая песенку, Юлдуз погнала ягнят. За ней последовал верхом на коне Мусук. Они остановились в зеленой долине и долго сидели рядом на холме.

Юлдуз расспрашивала его о войне. Надолго ли уйдут в поход джигиты? Ее лицо, всегда веселое, с ямочками на щеках, побледнело, вытянулось, и узкие брови сдвинулись. Еще бы! Сколько раз они говорили о будущей совместной жизни, а теперь из-за этого страшного похода все мечты разлетаются, как вспуганные птицы... А вдруг Мусук не вернется? Мало ли смелых джигитов погубило свои храбрые головы в далекой стороне, в безлюдной пустыне, где шакалы растаскивали изрубленные кости!

Но Мусук посвистывал усмехаясь. Набег — это праздник для молодого джигита. Он повидает новые страны,

[1] Восточное выражение; означает: «Клянусь выполнить приказ».

он прославится удальством, станет знаменитым батыром. Вернувшись из похода, он всем привезет подарки, а для Юлдуз красную шелковую рубашку до пят, цветной пояс, вышитый бисером, зеленые стеклянные бусы, похожие на изумруды, и перстень с камнем, сверкающим голубыми искрами...

Но Мусук не мог утешить нежную смуглую Юлдуз. Слезы одна за другой катились по ее щекам.

— Для чего эта проклятая война? Все еще хорошо помнят рассказы старших о том, что было здесь, в Сыгнаке, когда пришли монголы; они резали всех, жгли дома и увезли неведомо куда женщин и детей. Не надо мне никаких подарков! Мы хотели с тобой, помнишь, поставить свою юрту на берегу ручья, где у нас будут свои ягнята и каждый день свежая тонкая лепешка да кусок творога... А ты хочешь поехать с этими безжалостными монголами убивать людей, жечь их юрты и отнимать у них последнюю лепешку и творог!

Мусук засмеялся и воскликнул:

— Не плачь, Юлдуз! Ты моя счастливая звезда. Я поеду, думая и днем и ночью о тебе. Кто рано поедет — счастье найдет. А кто сидит на месте — потеряет последнее.

И Мусук, вскочив на своего коня, беспечно махнул рукой и поскакал через степь к табунам хана Баяндера.

В пути он встретил группу всадников на отличных конях, украшенных золотой сбруей, с соколами на руках, окруженных борзыми собаками.

А вдали сотни две джигитов, растянувшись цепочкой, загоняли дичь. Мусук проехал близко от нарядных всадников. Из зарослей выскочили четыре джейрана[1] и, загнув на спину рожки, помчались по степи. За ними погнались охотники. Они направлялись в ту сторону, где Юлдуз пасла ягнят. Мусук подумал: «Как бы эти ханы, увидев красивую девушку, не приказали своим джигитам захватить ее с собой! Для хана нет закона, от его прихотей спасения нет...»

Но, понимая свое бессилие, он пригнулся к гриве коня и вскачь пустился к своему табуну.

Через день, к вечеру, Мусук вернулся в юрту отца. Там сидели Назар-Кяризек и четыре брата. Когда вошел

---

[1] Джейран — дикая коза из породы антилоп.

Мусук, все опустили глаза и замолчали. Мусук произнес приветствие и сел.

Отец и братья молча ели плов с бараниной. По очереди степенно брали они пальцами горсточки риса и отправляли их в рот.

«Почему у нас плов? — удивился Мусук. — Значит, в доме барыши? Откуда? Где отец заработал столько, что всех сыновей угощает дорогим пловом?»

Мусук оглядел всех. Почему у матери заплаканные глаза? Почему она сердито гремит посудой? Маленький Турган сидит, прижавшись к двери, точно в чем-то провинился, и робко поднимает глаза. А где Юлдуз?

— Почему ты не ешь, Мусук?—сказал старший брат.

Мусук поднял голову. Он почуял что-то неладное. Что случилось? Тревожные мысли, предчувствие беды захватили дыхание. «Неужели они способны на преступление?»

А отец достает пальцами с деревянного блюда кусочки мяса и поочередно, в знак доброжелательства, запихивает в широко раскрытые рты сыновей. Сегодня он хозяин, сегодня он угощает и может своей рукой запихнуть в рот гостя вкусный кусок. Он взял жирный кусок мяса и протянул руку ко рту Мусука.

Мусук резко отшатнулся.

— Не буду есть!

Но деревянное блюдо было вскоре и без него очищено до последней крупинки. Демир, обращаясь к Мусуку, сказал с важностью и достоинством старшего брата:

— Наш младший брат Мусук! Ты, конечно, сам понимаешь, что нам, сыновьям нашего почтенного отца Назара-Кяризека, необходимо явиться в отряд хана Баяндера на исправных конях, с хорошими для похода седлами и с отточенными клинками. Если хан Баяндер увидит нас оборванными байгушами, он с нами разговаривать не станет.

Мусук вскочил и отступил к двери.

— Так это правда? Неужели вы продали Юлдуз на базаре, как связанную курицу, жирному баю или торговцу рабами?

— Но ты сам подумай: ехали мимо, охотясь, сыгнакские богачи. Увидели Юлдуз и сказали: «Вот хороший цветок для нашего хана!» и предложили отцу очень

большую цену: двадцать четыре золотых динара! Где нам, беднякам, разыскать такие деньги? Вот твоя доля — четыре динара. Мы честно все разделили, взяв и тебя в долю. — И Демир бросил на войлок четыре золотых монеты.

Мусук гневно сжал рукоять ножа, засунутого за пестрый пояс, и тихо, но злобно сказал:

— У меня нет больше ни братьев, ни отца! Не попадайтесь мне на дороге!

И выбежал из юрты. Все молча, опустив глаза, прислушивались, как Мусук садился на коня, и ожидали, что скажет он рыдающей матери и Тургану, которые, выбежав за ним, спрашивали его:

— Но ты еще вернешься сюда?

— Никогда!

10. Избрание главного вождя

Восток разгорался. Золотисто-желтая полоса над горизонтом превратилась в огненную. Красный шар солнца медленно выкатился на небосклон. Тотчас же все ожило. Раздался хриплый рев длинных труб, возвестивших начало торжественного праздника.

По древнему степному обычаю, все монголы, сняв шапки и повесив пояса на шеи, упали на землю, поклоняясь небесному светилу. Шаманы[1], ударяя в бубны, нестройным хором запели молитвы и заклинания, прося заоблачных, всегда гневных богов стать милостивыми, просветить разумом головы ханов, съехавшихся, чтобы избрать самого умного и самого счастливого из монгольских царевичей-чингизидов. Он возьмет в сильные руки поводья Чингизханова коня и поведет войско для покорения вселенной.

Молодой Гуюк-хан сидел первым справа от пустого золотого трона. Довольная, предвкушающая победу

---

[1] Шаманством называются первобытные религии народов северо-восточной Азии. Шаманы — жрецы-профессионалы, уверяющие невежественных кочевников, что они находятся в сношении с добрыми и злыми божествами, от которых зависят здоровье, счастье и судьба человека. Шаманы совершают моления с дикой пляской, пением и ударами в бубны. Этим они будто бы призывают добрых и отгоняют злых духов. Шаманы всегда были эксплоататорами доверчивого невежественного населения. В описываемую эпоху (XIII век) монголы были шаманистами.

улыбка пробегала по его пухлым губам. Кому же быть джихангиром, как не ему, сыну великого кагана, наследнику золотого трона монгольских повелителей! Все же он беспокойным взором оглядывал других ханов, скрывающих мысли в почтительной улыбке неподвижных желтых застывших лиц. Гуюк иногда тревожно оборачивался. Его беспокоило отсутствие Бату-хана. Того нигде не было видно. Только братья его и другие ханы с мрачными, настороженными лицами сидели тесной группой в стороне.

Вопли и завывания шаманов резко оборвались. Но хриплые трубы снова заревели.

Тогда поднялся знаменитый полководец Джебэ-Нойон [1], всегда воевавший вместе с Субудай-Багатуром как начальник его передового отряда разведчиков. Широкогрудый, сильный, прозванный за стремительность стрелой [2], он стал выкрикивать могучим голосом любимые слова Чингиз-хана, обычно произносившиеся перед объявлением его приказов:

— Слушайте, войска, непобедимые, подобные бросающимся на добычу соколам! Слушайте, войска, драгоценные как алмазы на шапке великого кагана! Войска единые, как сложенный из камней высокий курган! Слушайте, багатуры, подобные густой чаще камышей, выросших тесными рядами один подле другого! Исполняйте слова «священного правителя». Только его слова мудры, только они приносят победы, только его повеления доставят вам обильные богатства, тысячные стада и немеркнущую славу!

Во всех концах нукеры закричали:

— Слушайте слова «священного правителя»! Слушайте почтительно и с трепетом!

Все бросились на колени, касаясь руками земли, и, подняв голову, вслушивались, что будет сказано.

Четыре писца Субудая, мусульмане-уйгуры [3] в белых тюрбанах, выбранные глашатаями за их зычные голоса, стали с четырех сторон кургана. Держа в руках перга-

---

[1] Нойон — князь.

[2] Стрела — джебэ.

[3] Уйгуры — тюркское племя, обитавшее в низших предгорьях Алтая. Уйгуры были значительно культурнее других кочевых племен. Монголы пользовались уйгурами как писцами, переводчиками и чиновниками.

ментные свитки, они одновременно стали читать, стараясь перекричать друг друга:

— Слушайте, непобедимые воины, слушайте! Вот что повелел десять лет назад великий «священный правитель». Вот какие слова записаны в его завещании: «Мы возвели на высокий ханский престол нашего старшего сына Джучи-хана, подчинив ему западные улусы. Мы повелели ему пойти дальше к закату солнца с войском наших храбрых монголов. Мы повелели ему итти покорять вселенную до последнего моря, до того места, куда сможет ступить копыто монгольского коня. Но тайный враг, подобно черной собаке, подползающей в дождливый день, подкрался к нашему непобедимому сыну и обратил багатура Джучи-хана в прах, развеянный ветром...» Слушайте, верные сподвижники, багатуры и нойоны! «Мы назначаем повелителем монгольского войска, идущего на западные страны, моего смелого и доблестного внука Бату-хана, сына Джучи-хана. Он поведет к новым победам и прославит собранный мною монгольский народ, для чего я даю ему знамя с рыжим хвостом моего боевого коня. Мы приказываем нашему верному помощнику и слуге, опытному в военных делах аталыку Субудай-Багатуру помогать нашему внуку Бату-хану твердо держать золотые поводья, а внуку повелеваем во всем слушаться советов осторожного и мудрого Субудай-Багатура. Тогда Бату-хан сорвет с неба утреннюю звезду, уничтожит всех врагов, покорит вселенную до того места, где проваливается солнце. Тогда водворится всюду монгольская власть, прекратятся мор, голод и засуха и настанет всеобщий мир». Слушайте, воины! Если таково завещание «священного правителя», то таким должно быть и желание всего монгольского народа!..

— Пусть так будет! — закричали монголы и татары, стоявшие на коленях вокруг кургана. — Пусть воля «священного правителя» опять поведет нас войной на другие народы! Пусть указывает нам дорогу знамя Чингиз-хана! Покажи нам его!..

Из сотни лихих всадников, стоявших на страже у подножья кургана, отделился молодой монгол на белоснежном жеребце. Он легко взлетел на вершину кургана и осадил коня на краю ската. За ним мчались три мон-

гола. Средний держал белое пятиугольное знамя[1] с девятью трепетавшими по ветру широкими лентами. На золотом острие древка развевался длинный рыжий хвост, хорошо известный всем старым монголам, соратникам непобедимого Чингиз-хана.

— Это Бату-хан! — в один голос закричала, приветствуя его, толпа.—Это Бату-хан, сын Джучи, внук Чингизов! Под ним Сэтэр, белоснежный конь великого бога войны Сульдэ! Веди нас в бой, Бату-хан!

Утреннее солнце ярко освещало золотой шлем Бату-хана, его серебристую кольчугу и плясавшего горячего жеребца со сверкающими глазами. Бату-хан левой рукой натянул золотые поводья, правой выхватил кривую саблю и поднял ее над головой.

— Слушайте, смотрящие мне в глаза воины великого монгольского войска! — крикнул он сильным, звучным голосом, и равнина затихла. — Великий дед мой, «священный воитель вселенной», приказал мне завоевать все земли на западе до последнего предела, и я клянусь, что с вами, не превзойденными в храбрости багатурами, я сделаю это!

Гул радостных восклицаний прокатился по рядам воинов и затих.

— Я обещаю, что шелковыми тканями оберну животы монгольских воинов! Я захвачу тысячи тысяч быков и баранов и буду кормить мясом досыта все войско! Я обещаю, что каждый получит новую шубу! Впереди богатые страны, где народы разленились от спокойной жизни. С вами, непобедимые багатуры, я покорю трусливые, не умеющие драться народы. Ваши плети будут гулять по их жирным затылкам.

Крики снова понеслись по равнине.

— Ты настоящий внук «священного правителя»! С тобой мы покорим все народы!

— Клянусь еще в одном: я не забуду своих врагов! Я разыщу тех ночных желтоухих собак, которые погубили моего отца, я сварю их в котлах живыми! Хотя бы виновником оказался мой брат, — клянусь, что и с ним я поступлю точно так же! Больше мы медлить не будем! Завтра на рассвете выступаем в поход. Первый

[1] Монгольские и китайские источники указывают на белое и черное знамя Чингиз-хана. Белый цвет у монголов считался священным, черный — угодным подземным богам.

сбор всего войска будет на берегах великой реки Итиль. Оттуда начнется буйная и веселая охота на племена и народы. Там я выпущу в бой моих смелых орлов и кречетов!..

Каждый кипчакский род, каждое колено выкрикивало свои боевые ураны: «Манатау! Карабура! Аманджулы! Уйбас! Дюйт! Ээ-буганам-кайда-гуляйм...»

А вновь избранный джихангир, повернув плясавшего белого жеребца, медленно подъехал к юрте старого Субудай-Багатура. Несколько ханов подбежали к нему, ухватили золотой повод, коснулись стремени и потерлись бородой о замшевый сапог Бату-хана.

— Умоляем тебя, великий джихангир, сойди с коня, сядь на трон, который отныне принадлежит тебе! Радуясь твоему избранию, мы устроим торжественный пир. Все ханы хотят целовать перед тобой землю и выказать тебе преданность.

Бату-хан снисходительно улыбнулся и соскочил с коня. Ханы расступились, давая ему дорогу к узорчатому ковру перед золотым троном.

Но стоявший у юрты на страже молодой воин в белой чалме на длинных черных кудрях, грубо оттолкнув ханов, бросился вперед и загородил копьем доступ к трону.

— Назад, Бату-хан! Ни шагу вперед!

Воин с силой метнул копье в середину узорчатого пестрого ковра перед троном, и копье, пробив ткань, исчезло. Схватив ковер за край и оттолкнув сидевшего на нем старого угрюмого шамана, он отвернул ковер: под ним зияло черное отверстие глубокого колодца...

Бату-хан крикнул воину:

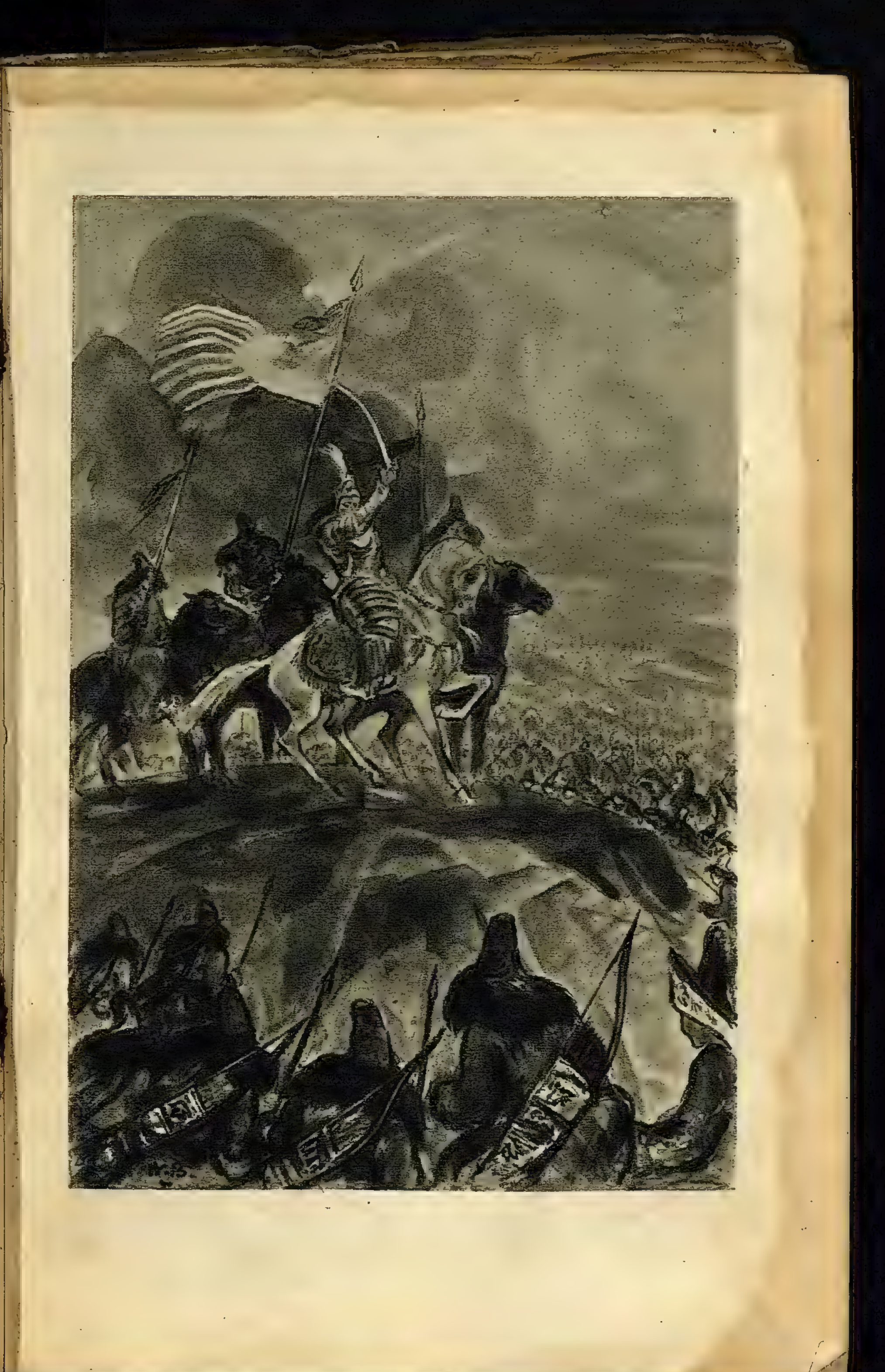
— Арапша, за мной! — и, бросившись к юрте Субудай-Багатура, исчез за входной занавеской.

— Какие хитрые злодеи, какие желтоухие собаки могли подготовить такую западню? — шептали ханы и теснились к колодцу, стараясь заглянуть в его глубокое дно.

— Субудай-Багатур идет! — пронесся гул толпы.

Старый сутулый полководец, прихрамывая, медленно подходил к трону. Вытаращенным, неморгающим левым глазом он обвел безмолвную толпу ханов и гостей и прохрипел:

— Два дня я отсутствовал, два дня только, а черные



ночные мангусы[1] успели вырыть западню возле трона джихангира. Пока я жив, этим ядовитым чудовищам не удастся погубить молодого вождя, назначенного «священным воителем»! Я вырву клещами языки всех, кто готовит ему гибель! Посмотрю, будут ли они так же храбры со мною, как были хитры, готовя западню. Мы не станем медлить, мы выступаем в поход не завтра, а сегодня, сейчас! Сворачивайте шатры! Седлайте коней! Нукеры, зажигайте костры!

Кряхтя и еще более согнувшись, старый полководец повернулся и медленно зашагал к своей юрте.

Ветер стих, в неподвижном воздухе над курганом потянулись к небу девять[2] столбов дыма. Это расторопные нукеры Субудай-Багатура разожгли заранее приготовленные костры, извещая все кочевые племена, что начался великий поход на запад.

---

[1] Мангусы — сказочные кровожадные чудовища, вампиры, вредящие человеку и обладающие сверхъестественной силой. Войной с мангусами занимались герои-богатыри монгольских былин.

[2] Цифра 9 у монголов считалась священной и счастливой.

Часть вторая

БАТЫЙ ДВИНУЛСЯ НА ЗАПАД

1. Войско выступило

Сидя в плетеной корзине на спине верблюда, Хаджи-Рахим, держа на коленях лист серой самаркандской бумаги, на остановках, а иногда и на ходу дрожащими руками старательно писал свои «Путевые заметки».

«...Выйдя из Сыгнака весной, огромное монголо-татарское войско[1] шло на запад в течение всего лета, сухого, знойного, без дождей. На пути, проложенном веками, встречались степные ручьи, так что громадное скопище коней не особенно страдало от жажды и бескормицы. Степь зеленела весенними побегами, и чем

---

[1] Монголо-татарское войско. — «Монголы» и «татары» в то время были названия не двух разных народов, а два названия одного и того же народа. Только значительно позднее название «татары» стало применяться исключительно к тюркским народностям Восточной Европы. Чингиз-хан был из сравнительно небольшого племени, жившего по рекам Онону и Керулену и носившего название «монголы». После своего возвышения Чингиз-хан повелел называть монголами все подчиненные ему племена Центральной Азии.

дальше, тем больше попадалось сохранившихся после весенних разливов поемных лугов, болот и речек с камышами, где было достаточно корма для неприхотливых татарских коней.

Тридцать три тумена, каждый в десять тысяч всадников, широкой лавой [1] двигались по тридцати трем дорогам. Понадобилось бы три дня пути, чтобы проехать от левого до правого крыла монгольского войска.

Каждый тумен знает только свою тропу и останавливается особым лагерем. Его передовые разведчики отыскивают заблаговременно удобные для стоянки места, с камышами или ковыльной травой.

Самое крайнее к северу правое крыло ведут два брата Бату-хана — Тангкут и смелый Шейбани. Каждый из них имеет свой тумен; они поддерживают друг друга и с помощью гонцов находятся в постоянной связи. Они выполняют приказ джихангира: покорить северное Булгарское царство [2], лежащее на реке Каме, впадающей в Итиль. Середину войска занимает Гуюк-хан, а дальше к левому крылу движутся тумены других царевичей-чингизидов. Гуюк-хан нарочно избрал себе середину войска: он все еще надеется, что власть над всеми отрядами перейдет к нему, что Бату-хан будет смещен или внезапно умрет, — да сохранит его небо от этого! — и тогда, уже без спора, Гуюка объявят джихангиром.

Где находится Бату-хан, никто никогда не знает. Он обычно вместе с Субудай-Багатуром, а этот старый полководец, прославленный своими стремительными переходами, проносится, как ураган. То он со всем своим туменом внезапно появляется на правом, то на левом крыле, то в середине войска, то делает ночную остановку и опять исчезает в неизвестном направлении.

Ошибается, кто думает, что царевичи-чингизиды в самом деле являются начальниками своих отрядов. Они только называются начальниками. К каждому из них приставлен опытный монгол—темник [3], изучивший воинскую

---

[1] Лава — движение широким развернутым строем. Впоследствии движение лавой было принято в казачьих войсках.

[2] Булгарское царство — на месте нынешней Татарской АССР. Коренное население, булгары, принадлежало к урало-финскому племени; в дальнейшем оно смешалось с племенами тюркского корня.

[3] Темник — начальник тумена (отряда) в 10 тысяч воинов.

науку в походах «воителя вселенной» непобедимого Чингиз-хана. Темники распоряжаются, ведут за собой отряды, указывают остановки, рассылают разведчиков и гонцов и поддерживают связь с Субудай-Багатуром. Как главный, самый опытный вождь он руководит всем войском в походе. Каждые девять дней из всех туменов к Субудай-Багатуру приезжают гонцы и докладывают, где находится их отряд, как охотятся с соколами и борзыми, как обедают и проводят время царевичи-чингизиды, какие в пути корма для лошадей, в каком теле кони, есть ли еще жир на их ребрах и каким путем направится дальше отряд.

Субудай внимательно всех слушает, покачивая головой, и говорит: «Дзэ! Дзэ!» [1] Он никогда никого не хвалит, а только ворчит, расспрашивая гонцов, кто из кипчакских ханов ездит на поклон к царевичам и о чем они шепчутся. Если гонец скажет: «Не знаю», Субудай стучит кулаком по колену, прогоняет гонца и запрещает ему являться в другой раз.

Бату-хана можно увидеть только вместе с Субудай-Багатуром. Он слушается этого свирепого полководца, как мудрого учителя, но внешне Субудай-Багатур относится к Бату-хану как к вышестоящему. При разговоре старик склоняется до земли, выказывая почтение Бату-хану как внуку «священного правителя».

У Бату-хана есть свой тумен и своя тысяча джигитов личной охраны. Их называют «синими» [2] или «непобедимыми». Половина этих храбрых всадников едет на светлорыжих конях, половина — на белых и пегих. Охранная тысяча—на гнедых. Начальником одной сотни гнедых с самого начала похода назначен молодой воин Арапша. Бату-хан благоволит к нему и всецело ему доверяет с тех пор, как Арапша в день избрания вождя спас жизнь молодого джихангира. Арапша со своей сотней всюду сопровождает Бату-хана и ночью охраняет его сон.

У Субудай-Багатура есть свой тумен. Воины этого тумена прозваны «бешеными». Они участвовали вместе с Субудай-Багатуром в его походах, готовы безотказно выполнять любое опасное приказание своего сурового

---

[1] Да! Да! Ладно!

[2] «Синие» — то есть синие, как небо, могучие, непобедимые.

начальника; из них он готовит опытных вожаков отрядов. Такой порядок был установлен Субудай-Багатуром еще при великом завоевателе вселенной — Чингиз-хане».

2. Кто отстает, увидит смерть

«У меня нет больше дома с белобородым отцом и серебpayволосой матерью, нет братьев, нет сестер, — все улетело, как подхваченный вихрем пучок соломы... У меня остался один друг — конь хана Баяндера с плохим седлом. Степной ветер гонит меня по этим равнинам, как слепого волка... Надо пристать к какому-нибудь отряду... Но кто меня возьмет? У меня нет ни меча, ни копья, я захватил только отточенный обломок ножа. Все идут родами, племенами и никого со стороны в свой отряд не пускают... А кто мечется, как я, тот байгуш[1], карапшик[2], степной бродяга. Всякий настоящий воин вправе отнять у меня и моего гнедого, и седло, и мой кожаный походный мешок, обвинив меня, что я конокрад, скитаюсь с «жадными руками».

Такие мысли угнетали Мусука, сидевшего на пригорке. Перед ним расстилалась бескрайная степь. Внизу, в лощинке, возле подсыхающей лужи пасся гнедой его конь, заморенный, исхудалый.

Уже несколько дней Мусук разъезжал по степным кипчакским кочевьям, прося принять его в отряд. Никто с ним и говорить не хотел: «Делить с тобой захваченную нами военную добычу? К этому примазаться всякий рад! А где же твой род, где твое кочевье? Что-нибудь подлое сделал ты и теперь не смеешь показать туда лицо?..»

В одном кочевье благообразный старшина с белой повязкой хаджи на бараньей шапке, добродушно посмеиваясь, приветливо сказал:

— Ты, конечно, знаешь строгий приказ джихангира — выступать в поход только целыми племенами, разделенными на тысячи, сотни и десятки, и чтобы каждый джигит был на хорошем коне, имея отточенное исправное оружие, — без этого будет не войско, а стадо без пастуха. Ты знаешь также, конечно, что мы можем

---

[1] Байгуш — сыч, бедняк.

[2] Карапшик — черная кошка, разбойник.

бродяг-одиночек ссаживать с коня и без суда избивать... Но я тебя пожалею. Я могу тебя принять в наше племя конюхом запасных походных коней, если только против тебя не закричит наш племенной круг. Я даже дам тебе и оружие — вижу, что у тебя его нет. Но за принятие в племя ты отдашь мне твоего коня. Не бойся, я дам тебе другого взамен, попроще. За меч ты пригонишь трех коров, за щит и копье — трех коров, за стальной шлем — трех коров и за кольчугу — шесть коров. Всего пятнадцать коров[1]. Ты джигит сметливый: что тебе стоит пригнать откуда-нибудь десятка полтора коров!

Мусук покачал головой:

— Об этом нечего и думать!

— Ты можешь выехать в поход и с одним только мечом. А остальное оружие ты отберешь потом у врагов. Впереди схваток будет без счета!

Мусук поскорее уехал от «радушного» старшины, и снова начались его скитания в степи. Однажды он заметил вдали между песчаными холмами семь всадников. Ну и кони! Старые, облезлые одры! Ни один порядочный кочевник даже не назовет таких животных благородным словом «конь», для них есть кличка «ябы», вьючная скотина для перевозки соломы и навоза.

Однако эти всадники были вооружены. У каждого в руках покачивалась тонкая пика. Опасное дело встретиться с такими хищниками в пустынной степи! И Мусук сполз с холма, вскочил на гнедого и направился в сторону. Сделав полукруг, перевалив через песчаные бугры, Мусук оторопел: семь всадников оказались перед ним, совсем близко. Теперь они были заняты делом, а восьмой сторожил, лежа на холме. Все быстро работали ножами, склонившись над перевернутым на спину верблюдом, и вырезали куски мяса. Один из них махнул окровавленной рукой:

— Слушай ты, одинокий волк, смелый беркут, отчаянный барс! Хочешь пообедать вместе с нами?

Как не захотеть! Мусук второй день ничего не ел. Не долго он колебался. Стреножив коня, он направился к верблюду.

---

[1] В средние века оружие ценилось очень высоко. Воин, чтобы явиться в полном вооружении, должен был уплатить за приобретение его сумму, равную стоимости целого стада в 15—18 коров (см. *Дельбрюк, «История военного искусства»*).

— Можешь отрезать голову, — сказал один. — Нам всего не забрать!

— Только работай сам! — добавил второй.

«У них вид рваных бродяг», подумал Мусук.

Голод подстегивал его, и он стал отрезать кусок ноги.

— Чей верблюд?

— Хозяин далеко. Тебя не спросит.

Тощий и косоглазый джигит быстро работал ножом — отрезал голову верблюда и протянул ее Мусуку.

— Мы набрали уже слишком много. Бери!

Мусук поблагодарил и завернул голову в платок.

— Из какого вы отряда? — спросил Мусук косоглазого.

— Из отряда храбрейшего из храбрых — батыра Бай-Мурата.

— Большой у вас отряд?

— Не большой, зато лихой.

— По какой дороге он идет?

— По дороге сметливых. Он весь перед тобой.

— Но вас только восемь человек?

— Чем мы виноваты, что нас не принимают к себе другие отряды! Если ты к нам пристанешь, то в нашем отряде будет уже девять человек — священное счастливое число.

— И вы пойдете с войском джихангира?

— Почему не пойти? Впереди пристанет еще немало таких шатунов, как ты, и мы скоро соберем целый тумен под зеленым знаменем Бай-Мурата!

Сторожевой на холме крикнул:

— Вдали показались люди! Видно, хозяин ведет сюда голодных гостей!

Все засуетились, вытирая о песок окровавленные руки. Вскочив на лошадей, они бросились по тропинке в сторону от большой дороги.

Косоглазый оказался рядом с Мусуком.

— Теперь спасайся вместе с нами! Хозяин найдет у тебя голову своего верблюда и оторвет твою. Я, батыр Бай-Мурат, начальник отряда, назначаю тебя своим помощником.

«Иди к тем, кто зовет тебя!» вспомнил Мусук кипчакскую поговорку и направился с Бай-Муратом. Они долго кружили по степи, пока вдали не пропали пресле-

довавшие их всадники. Тогда Бай-Мурат свистнул, и его спутники вдруг повернулись к Мусуку, набросились на него и сбили с коня. Он лежал избитый и ошеломленный на песке, а двое приставили к его груди копья.

— Лежи, шатун, попрошайка, и не двигайся! Молись аллаху!

Бай-Мурат пересел на гнедого и, видимо, сперва колебался, не бросить ли своего облезлого ябы, но потом решительно привязал повод своего коня к луке седла.

— Батыр Бай-Мурат! — крикнул Мусук. — Ты сказал, что берешь меня в свой отряд. Где же твое обещание?

— Лежи и не двигайся! Пришел твой конец!.. Молись!

— Не стану молиться! — крикнул Мусук, извиваясь от отчаяния. — Ты не батыр, а свиной помет! Режь меня скорее!

Бай-Мурат завизжал от ярости, выхватил свой меч, но вдруг что-то встревожило его. Он крикнул:

— Скорее вперед! — и помчался в сторону, скрываясь между барханами.

Бродяги понеслись за ним.

Мусук слышал топот удаляющихся коней, лежал неподвижно, уткнувшись лицом в ладони. Гибель теперь ему казалось неминуемой — кругом голая, глухая степь, бродячие воровские шайки и помощи ждать неоткуда... Спасенья нет! И он воскликнул обычное обращение мусульман в несчастье:

— О старый праведный Хызр![1] Ты всегда откликаешься на призыв мусульманина, попавшего в беду! Поспеши, выручи меня!

3. Один в пустыне

Настала темная ночь. На небе мерцали редкие звезды. Вдали завыл голодный зверь, другой ответил ему. И сразу в нескольких местах подхватили пронзительным воем звериные голоса и затихли... Мусук сидел настороженный, готовый к защите. Но усталость взяла верх. Глаза начали слипаться. Незаметно он погрузился в глубокий сон. Ему снилось, что он сидит на высоком холме

[1] В мусульманских легендах рассказывается о праведном старике Хызре, который бродит по свету, оказывая покровительство и защиту стадам, пастухам и путникам на дорогах. Если его позвать в беде, он появляется невидимо и спасает просителя.

и перед ним широко раскинулась цветущая степная равнина. Всюду паслись пегие кони и рыжие жеребята. Из земли стал расти куст ежевики; ветки его сами сплетались изгибаясь, поднимались к небу и перекидывались дугою через всю равнину. По этой дуге, как по мосту, стала карабкаться знакомая рыжая корова матери, качая головой и равномерно позванивая колокольчиком. А за коровой по дуге пробиралась гибкая девушка в красном платье, развевающемся на ветру. Он сразу ее узнал: это была Юлдуз с кожаным подойником в руке. Она шла, покачиваясь и боясь сорваться с узкого моста. На синем небе проносились мелкие белые облака. Корова дошла до середины гнувшегося под ней моста и остановилась с жалобным мычанием. А Юлдуз знакомым звонким голосом позвала его: «Мусук!..»

Голос еще звучал и будил Мусука. Он с трудом раскрыл усталые слипшиеся глаза. Жгучее солнце ослепило его. Большие зеленые мухи кружились над головой. Он очнулся от внезапного удара. Что-то на него посыпалось, словно град, и он явственно услышал снова родные звуки: «Мусук!..»

Жмурясь и прикрывая рукой глаза, он приподнялся и разглядел неподалеку от себя несколько желтых высоких верблюдов, украшенных нарядной сбруей с красными кистями и бахромой. Маленькие двухместные паланкины[1] с цветными занавесками были искусно укреплены на спине верблюдов. Там сидели одетые в яркие шелковые платья женщины. Их лица были так густо набелены и подрисованы, что все казались похожими одна на другую. Женщины смеялись, прятались за занавесками, и одна бросала в Мусука горсти фиников и орехов. Тонкая рука с золотыми браслетами кинула ему шелковый мешочек. «Не рука ли это его Юлдуз?» Не успел он подумать это, как с диким криком подскочили монгольские всадники, и верблюды с хриплым ревом зашагали вперед, мерно позвякивая бубенцами и колокольчиками.

Караван удалялся как сон, теряясь между холмами. Но это не был сон. Мусук подобрал на глинистой почве

---

[1] Паланкин, или кеджавэ, — две плетеные люльки, которые вешались по бокам верблюда, мула или коня. На них в Иране и Средней Азии перевозились обычно женщины и дети.

много фиников, орехов, несколько лепешек, посыпанных анисом, и шелковый полосатый мешочек, перевязанный шнурком. Внутри него оказались желтые кусочки льдистого сахара [1], фисташки, миндаль и девять золотых монет. Этот странный подарок Мусук засунул за пазуху.

— Старый добрый Хызр! Благодарю тебя! — воскликнул Мусук.

Он встал и, несмотря на боль во всем теле, поднялся на ближний холм, поросший седой жесткой травой.

Перед ним протянулась длинная узкая торговая дорога, ведущая из кипчакских и киргизских степей на запад к великой реке Итиль. Это была вдавленная в глинистую землю колея, шириною в след верблюда, протоптанная в течение столетий проходившими караванами. Кое-где белели кости, валялись бараньи катышки и выцветшие лоскутки.

«Надо оставаться здесь, — сказал себе Мусук. — Может быть, старый Хызр опять принесет мне удачу...»

Долго степь оставалась безмолвной и пустынной. Солнце стояло над головой, когда вдали показались всадники. Десять отлично вооруженных джигитов в черных овчинных больших шапках с пиками наперевес скакали на темногнедых отборных конях. Впереди ехал молодой воин в белом арабском тюрбане. Что-то знакомое почудилось Мусуку и в посадке, и в строгом, мрачном лице, и особенно в стройном гнедом коне. Всадник задержал коня.

— Как звать тебя? Где твой отец? Почему ты валяешься здесь?

Мусук встал и, торопясь, изливая свою горечь и обиду, рассказал о своих бедствиях, о желании участвовать в походе и об ограблении его шайкой Бай-Мурата.

С неподвижным, равнодушным лицом выслушал речь Мусука странный всадник. Он сказал:

— Меня зовут сотник Арапша. Тебя я узнаю: ты раньше был конюхом у хана Баяндера. Я верю тебе и беру с собою. Ты будешь пока на испытании, а потом получишь копье и меч. Садись на крайнего коня.

---

[1] Сахар в то время представлял большую ценность. Он добывался в Индии и Египте из сахарного тростника, был прозрачный, желтого цвета и имел кристаллическую форму.

Мусук взобрался на круп коня одного из всадников и ухватился за его пояс. Джигиты погнали коней. У Мусука вспыхнула надежда, что для него началась новая, более счастливая жизнь.

4. «Ворота народов»

Монгольское войско огромным мощным потоком шло по степи на запад. В караване Бату-хана на большом верблюде ехали двое. В одной корзине-люльке сидел старый Назар-Кяризек и бережно держал в руках своего длинноногого петуха. Этот петух принес ему счастье. Субудай-Багатур принял его в подарок и поручил Назару-Кяризеку ехать в обозе джихангира и наблюдать за тем, чтобы петух, который стал войсковым «будильным» петухом, был всегда сыт и здоров.

В другой корзине-люльке, сжавшись, сидел придворный летописец Хаджи-Рахим и усердно выводил в своей путевой книге строку за строкой, описывая великий поход монголов. «...Войско джихангира Бату-хана непрерывно движется на запад, по пути, который искони называется «воротами народов». Он тянется по равнинам к югу от Каменного пояса [1] и к северу от Абескунского моря [2]. По этому пути некогда прошли из восточных степей воинственные хунну [3] — почтенные предки монголов — и потрясли ужасом западные народы.

Впереди войска скачут разведчики, но и без них всякий путник нашел бы в степных просторах тропу, протянувшуюся через великие «ворота народов». Везде встречаются брошенные в давние времена стоянки, узнаваемые по валяющимся осколкам побитой разрисованной посуды. Издалека, точно указатели пути, видны синие курганы, где похоронены неведомые витязи неизвестных племен, мир праху их!

Пока стояла весна, пока всюду земля была влажной

---

[1] Каменный пояс, или Камень, — Уральские горы.

[2] Абескунское море — Каспийское, на древнерусском языке — Хвалынское.

[3] Хунну — племена монгольского корня. Ушли из Центральной Азии на запад во II веке нашей эры. В VI веке под начальством Аттилы вторглись в Западную Европу, где были известны под именем гуннов. По китайским сведениям, они переменили свое имя на гун-ну, потому что хун-ну значит «злой раб» а гун-ну — «добрый раб».

от перепадавших дождей, шествие войска было торжественным и величественным и не столь мучительным, каким оно стало позже. Настали знойные дни; под лучами палящего солнца земля высыхает и трескается. Тысячи двигающихся коней и людей взбивают огромные облака пыли, закрывающей все небо. Эта тонкая густая пыль застилает все и проникает всюду: в горло, в нос, в грудь, так что трудно вымолвить слово. В этом тумане из пыли в нескольких шагах уже нельзя узнать человеческое лицо, и если немного отойти в сторону от своего соседа, можно потеряться в толпе, как в камышах.

Есть что-то страшное и подавляющее в этом безмолвном движении трехсоттысячного войска, в полумгле, в клубах взвивающейся пыли, когда кругом видны только тени коней и людей...

Лишь вечером на остановках у высыхающей речки, возле небольших кустов и старых кривых ветел люди оживают. Зажигаются тысячи костров. Люди шумят, кашляют, поют, готовятся ко сну.

Ветерок уносит облака пыли от лагеря, и в ночном воздухе доносится легкий аромат степной полыни.

Поэтому к заходу солнца караван ускоряет ход. Все, даже животные, знают, что скоро будет вода и отдых, и движутся живее. Караван-баши[1] посылает разведчиков, чтобы подыскать место для стоянки. Издалека, поднявшись на холм, они подают знаки, поворачивая коня то вправо, то влево или кружась по два-три раза, — сигнализируя таким образом то, что нужно узнать каравану.

На выбранном для стоянки месте верблюды опускаются на колени, с них снимают тяжелые вьюки. Затем освобожденных от поклажи животных уводят в степь. Здесь они всю ночь медленно бродят, останавливаясь возле кустов колючки, хватая ее своими жесткими губами. Рабы подвозят на верблюдах заготовленный в пути хворост, затем они разводят костры, ставят на них большие китайские бронзовые котлы на трех ножках. Из кожаных бурдюков в котлы наливается вода; туда же крошат мясо, насыпают рис.

Каждый отряд должен иметь свою стоянку и не смешиваться с другими.

---

[1] Караван-баши — начальник каравана.

Вокруг стоянки Субудай-Багатура располагается только его личная тысяча «бешеных».

Дозорные не подпускают никого из чужих отрядов к месту стоянки Субудай-Багатура.

В темноте слышится перекличка дозорных на холмах и тягучий возглас, повторяющийся по всей равнине:

— Внимание и повиновение!

В тишине внезапно доносится топот коней. Это подъезжает джихангир Бату-хан, с ним Субудай-Багатур и их отборные нукеры.

Иногда на месте орьги, главной ставки джихангира, ставятся шатры. Усталые воины радуются: «Будет остановка и отдых на два-три дня!» В шатрах разостланы войлоки и ковры, брошены шелковые подушки. Быть может, предстоит совещание ханов или охота.

Перед угрюмым Субудай-Багатуром все трепещут еще больше, чем перед Бату-ханом. Субудай всегда заметит непорядки, скажет тихо несколько слов, после чего куда-то сломя голову скачут всадники, кого-то ищут, откуда-то слышны отчаянные крики...

Бату-хан не замечает непорядков. Его взор блуждает поверх людей, его мысли заняты великими планами, он любит говорить только о будущем.

Когда оба полководца, молодой и старый, входят в желтый шелковый шатер, там уже готов обед. Расстилатель скатерти и подаватель кушаний стоят почтительно, сложив руки на животе, ожидая приказания. Обед проходит всегда торжественно. Три главных шамана тут же бормочут вполголоса заклинания...»

5. Семь звезд Бату-хана

Вместе с передовым отборным отрядом «непобедимых» Бату-хана идет особый караван в пятнадцать рослых тангутских верблюдов. Они желто-серые, с сединой, полудикие и свирепые, очень сильные и такие скороходные, что во время стремительных переходов Субудай-Багатура никогда не отстают.

На семи верблюдах искусно прилажены китайские паланкины с занавесками. В каждой из них едет одна из жен Бату-хана, одна из его семи звезд, вместе со своей служанкой-китаянкой. Каждая жена имеет свой особый шатер, ибо все они постоянно ссорятся и ни одна не может помещаться вместе с другой.

Жены охраняются особой монгольской стражей. Если кто-нибудь приблизится к их каравану, жены задергивают занавески и кричат, будто испугавшись... Тогда на длинногривых конях подлетают приставленные для охраны воины и плетьми отгоняют любопытных. Нельзя смотреть на священных жен джихангира!..

На передних четырех верблюдах ехали четыре монгольские княжны. Они были из самых знатных кочевых родов, отличались полнотой и длинными, до земли, косами. Далее ехали две кипчакские княжны, одна из них была дочерью хана Баяндера. Обе обыкновенно усаживались вдвоем на одном верблюде, без конца разговаривали и смеялись, а на другом верблюде помещались их служанки.

Когда Бату-хан собрался в поход, его мать пожелала, чтобы он взял с собою своих жен, из боязни, что, женившись на какой-либо принцессе в покоренной стране, он может погибнуть от отравы и предательства.

Бату-хан согласился из своих сорока жен взять с собою в поход только семь, и то при условии, что седьмая жена будет девушка по имени Юлдуз (звезда), чтобы эта «звезда» принесла счастье монгольскому войску. Субудай-Багатур разыскал на базаре невольников такую девушку Юлдуз и доставил ее к матери Бату-хана, мудрой Ори-Фуджинь.

Старая ханша предварительно беседовала с Юлдуз и расспрашивала, что та умеет делать.

— Я умею доить злую корову, — скромно пролепетала Юлдуз.

— Это нелегкое дело! — заметила ханша и засмеялась низким, мужским голосом. — Для этого нужно терпение. Еще что ты умеешь делать?

— Я умею пасти ягнят, вязать пестрые узорчатые носки, печь в золе лепешки с изюмом.

— В дороге все это будет полезно, — сказала старуха, опять засмеялась и более ласково посмотрела на девушку. — Еще что ты знаешь?

— Я могу петь наши кипчакские песни и рассказывать сказки про старого Хызра, про свистящих джиннов [1] и про смелых джигитов...

[1] Джинны — легендарные сверхъестественные существа, духи, вредящие людям. Они часто упоминаются в восточных сказках.

Ханша уже совсем милостиво кивнула головой, потрепала Юлдуз по щеке и сказала:

— Ты поедешь в караване моего сына Бату-хана.

С того дня Юлдуз поселилась в корзине — кеджавэ — на спине седьмого верблюда вместе с рабыней-китаянкой, приставленной по приказу ханши Ори-Фуджинь.

На второй день пути она вдруг забеспокоилась, целый день скрывала лицо под покрывалом и вечером на остановке сказала рабыне:

— Я вижу, невдалеке от нас на верблюде едут двое: старик и дервиш. Если бы они стали про меня спрашивать, не смей им отвечать. Я боюсь этого старика, он уже принес мне несчастье. Сделай так, чтобы меня никто не узнал.

Опытная в женских хитростях китаянка на остановке старательно растерла белила, навела румянец, удлинила до висков брови и так разукрасила Юлдуз, что та, посмотрев в серебряное полированное зеркальце, сама себя не узнала.

Как-то на стоянке дочь хана Баяндера и вторая кипчакская княжна подошли к Юлдуз, заговорили с ней и рассказали, что каждая имеет своего собственного скакового коня и что они будут участвовать в торжественной охоте и на скачках.

— Ты, конечно, рабочая, черная жена![1] Коней у тебя нет; приданое, все твои одежды дала тебе ханша Ори-Фуджинь. Бату-хан на тебя и смотреть не станет. Ты будешь облизывать чашки, из которых мы пьем...

Юлдуз съежилась, почувствовав насмешку и злорадство в их голосе, попятилась и прижалась к рабыне-китаянке. С неподвижным, окаменелым лицом разглядывала она кипчакских княжен.

— Что же ты не отвечаешь? Разве ты, коровница, не умеешь говорить? Тогда мычи!

Юлдуз, опустив глаза, хотела что-то ответить, но слова застряли у нее в горле. Она схватила шелковый платок, привычным жестом стала его сворачивать и свернула в куклу, как обычно делают девочки в кочевьях. Наконец она сказала:

---

[1] У народов Средней Азии, у которых было принято многоженство, в более состоятельных семьях обычно жены делились на привилегированных, из богатых семейств, и «черных», рабочих жен, на которых ложилась вся тяжелая работа по хозяйству.

— Уходите отсюда, если я коровница. Если мой хозяин прикажет — я буду мыть чашки, прикажет — я погоню вас в поле хворостиной, как коров...

— Она еще совсем глупый ребенок! — сказала одна.

— И останется глупой на всю жизнь! — добавила вторая, и обе со смехом ушли.

Когда Юлдуз осталась одна, она встряхнула платок, закуталась в него с головой и заплакала. Не первый раз плакала она с того дня, как отец и старший брат Демир отвезли ее в караван-сарай невольников и продали чернобородому купцу в полосатом халате, с большим белым тюрбаном, круглым как кочан капусты.

Горько ей было. Разве она хотела такой жизни? Чем же она виновата? Она мечтала о самой бедной маленькой юрте, около родника, куда Мусук будет каждый вечер приезжать к ней на своем гнедом коне и рассказывать, что делается в табуне, как дерутся жеребцы, какие родились жеребята и как он отогнал подбиравшихся к ним волков.

А теперь...

Чьи-то пальцы нежно коснулись ее локтя, и мягкий голос прошептал:

— О чем ты плачешь, звездочка? Это еще не горе, большое горе придет!

Это была рабыня-китаянка. Она сидела перед Юлдуз на коленях, в привычно почтительной позе. Быстро наклонившись, положила на ковер ладони.

— Когда же придет большое горе?

— Когда ты увидишь, что твой ребенок умирает...

— А ты видела большое горе?

Китаянка провела маленькой высохшей рукой по глазам, точно желая стряхнуть набежавшую слезу, и оглянулась. Кругом горели костры, освещая багровым светом лежащих и сидящих воинов. Юлдуз прижалась к китаянке, и так они сидели на маленьком бархатном ковре. Они чувствовали себя совсем затерянными среди огромной людской толпы, которая гудела, кричала, пела, бряцала оружием и лишь к ночи постепенно затихала, усталая от похода, погружаясь в сон и забвение. Китаянка сказала:

— Тяжело мне вспоминать то горе, которое пришлось пережить. Но ты слушай! И большое и маленькое горе — все испытала моя бедная голова! Я начала

жизнь счастливо и беззаботно в доме отца. Он понимал значение каждой звезды и по их расположению и движению предсказывал будущее человека. Отец проводил каждую ночь на крыше дворца цзиньского[1] императора и все, что узнавал по движению и скрещению звезд, записывал в большую книгу. А утром он показывал книгу главному смотрителю дворца; тот обо всем важном рассказывал самому владыке владык — повелителю Китая. Когда я подросла, отец выдал меня замуж за веселого, смелого и знатного начальника двухсот пятидесяти всадников. Он был старше меня на двадцать лет, но мы жили счастливо и ссор у нас не было. Я имела двух здоровых и очень красивых детей... Мы жили в небольшом доме с садом и прудом, где росли лотосы и плавали золотые рыбки. Внезапно примчались к городу монгольские воины Чингиз-хана. Во главе отряда был тот самый одноглазый толстяк, который теперь не расстается с Бату-ханом. Мой муж бросился со своим отрядом в битву и... назад уж не вернулся. Монголы убили мою мать и увезли моих двух детей. Сотник их взял меня к себе рабыней. Я старалась угождать ему, как могла, — я хотела жить, чтобы разыскать и спасти своих детей. Моему новому господину понравились лепешки с медом и варенные на пару пирожки с мясом. Он держал меня при себе и не соглашался на выкуп. Потом он подарил меня ханше-матери Ори-Фуджинь, и я попала в ее шатер. Вот моя жизнь... Она и приставила меня к тебе, чтобы я тебя научила ходить, петь, кланяться, говорить тонким голосом и разливать в чашки чай, как это делают знатные девушки во дворце... Хочешь этому научиться?

— Если это нужно, я все выучу, — ответила Юлдуз.

— Этого мало. Я тебя научу рассказывать такие интересные страшные и веселые сказки, что твой господин будет постоянно к тебе приходить, чтобы слушать тебя. Тогда он будет делать все, о чем ты попросишь. Я расскажу тебе сказку о людях, которые ездят по небесному Млечному пути в повозке, запряженной ласточками, сказку про бедного пастуха, заставившего

---

[1] В то время Китай разделялся на два царства: северное — Цзинь и южное — Сун.

дракона выстроить город, в котором люди не знали слез, и много других сказок...

С этого дня Юлдуз перестала чувствовать себя одинокой. Она видела в китаянке свою защитницу и послушно исполняла все ее указания.

6. Великий совет чингизидов

Вечер был спокойный, без ветра. Легкий дождь прибил пыль. Вокруг стоянок пылали костры и доносился запах жареного бараньего сала.

Ханы подъезжали, громко споря, с пьяным смехом и грубыми возгласами. Нукеры остановили их коней вдали от большого золотисто-желтого шатра. Ханы хотели гурьбой направиться к шатру. Но дальше их не пускали тургауды[1], преградив путь копьями. Три шамана встали перед ними.

— Проходите между огнями. Мы вас обкурим священным дымом. Он очистит сердце от злых помыслов, прогонит черных духов тьмы.

Дозорные стояли двумя рядами по сторонам дорожки, ведущей к шатру. Ханы и их военачальники медленно проходили, останавливаясь возле восьми жертвенников, сложенных из камней и глины. На них дымились костры. Три шамана раздували огонь и, размахивая опахалами, сплетенными из камыша, старались, чтобы дым направился в сторону ханов. Три других шамана колотили в бубны и громко распевали старинные заклинания.

У входа в шатер двое дозорных поддерживали копьями дверную занавеску и, склонившись, наблюдали, чтобы входившие не коснулись ногой священного порога.

Внутри шатра на высоких бронзовых подставках горели светильники, распространяя аромат амбры и мускуса. На пестрых коврах лежали сафьяновые и шелковые подушки. В глубине шатра с потолка спускалась, закрывая заднюю стену, нарядная малиновая шелковая занавеска, с вытканными на ней птицами и цветами.

Субудай-Багатур в парадной китайской одежде, расшитой золотом, стоял у входа, предлагая входившим снимать оружие и складывать его у двери, затем проходить дальше и садиться по правую сторону шатра.

---

[1] Тургауды — телохранители.

Менгу-хан[1] и три брата Бату-хана расположились слева. За ханами садились их главные военачальники, знатнейшие нойоны и багатуры.

Гуюк-хан в красных сафьяновых сапожках на очень высоких изогнутых каблуках вошел последним, переступая мелкими шажками. Его живот был перетянут золотым парчевым поясом, за который был засунут китайский кинжал с зеленой рукоятью. Синий шелковый чапан был застегнут большими рубиновыми пуговицами; под чапаном виднелась малиновая безрукавка, расшитая золотыми драконами. Презрительно улыбаясь, Гуюк-хан сел в глубине шатра и обвел всех настороженным взглядом. За ним пытались пройти три молодых монгольских телохранителя, но Субудай-Багатур зашипел на них:

— Назад! Кто разрешил вам входить на совещание начальников?

Гуюк-хан вмешался:

— Пусть остаются! Пусть учатся, как управлять!

— Тургауды, выбросьте их! — крикнул Субудай.

Пришедшие монголы проталкивались вслед за Гуюком. Телохранители Бату-хана схватили их сзади за руки и выволокли из шатра.

Вошли три раба в китайских пестрых одеждах и внесли золотые с узорами подносы, на которых стояли деревянные чашки — аяки[2] — с слегка пенящимся белым кумысом. Эти серые обкусанные чашки хранились у Бату-хана как святыня — из них пил когда-то сам великий Чингиз-хан. Все посматривали с почтением на старые аяки, столь обычные в юртах бедняков. Чашек было одиннадцать, по числу ханов из рода Чингизова. Рабы стояли неподвижно, держа подносы на вытянутых руках.

Субудай прошел в глубь шатра и медленно отдернул малиновую занавеску. За ней на широком и низком троне, отделанном золотыми украшениями, сидел строгий и неподвижный Бату-хан. На нем была блестящая стальная кольчуга, китайский золотой шлем с назатыльником, украшенный вверху большим малиновым руби-

---

[1] Менгу-хан — двоюродный брат и друг Батыя, впоследствии великий каган всех монголов.

[2] Аяк — чашка для питья, выдолбленная из корня березы или из березового наплыва.

ном. С шлема по сторонам свисали четыре хвоста черно-бурых лисиц.

На груди Бату-хана красовалась на золотой цепи большая овальная золотая пластинка — пайцза — с изображением головы разъяренного тигра. Эту пайцзу получил из рук самого Чингиз-хана отец Бату-хана, суровый и смелый Джучи-хан. Голова тигра означала повеление кагана: «Все должны повиноваться хранителю этой пайцзы, как будто мы сами приказывали». На коленях Бату-хан держал китайский меч с длинной рукоятью, украшенной сверкающими алмазами.

Все ханы затихли, пристально глядя на мрачного джихангира. Он смотрел вперед, поверх людей, с непроницаемым лицом, сдвинутыми бровями, далекий от обычных земных дел. Гуюк-хан сидел тоже неподвижно несколько мгновений, затем стал дергаться, повернулся к сидящему рядом Кюлькану и шепнул так, что другие слышали:

— Он напоминает полевую крысу, которая думает, что похожа на льва.

Субудай-Багатур и рабы-китайцы опустились перед троном на колени. Субудай сказал:

— В этом походе джихангиром объявлен Бату-хан, — он справедлив, он безупречен, он смел. Ему подобает называться Саин-хан — доблестный. Вы видите золотую пайцзу на его крепкой груди и знаете, что означает голова разъяренного тигра. Окажите почет Бату-хану, как если бы сам «священный правитель» был перед вами. Все войско должно повиноваться Саин-хану, как оно повиновалось единственному и величайшему, и тогда вся вселенная будет лежать под копытами наших коней. Преклонитесь перед джихангиром!

Братья Бату-хана поднялись, сложили руки на груди и пали ничком. Менгу-хан и некоторые старые полководцы также встали и сделали земной поклон, поцеловав ковер. Но остальные царевичи, косясь на Гуюк-хана, оставались неподвижными.

У Бату-хана чуть дрогнули губы:

— Раздайте чаши!

Субудай сжался, насторожился и сделал знак рабам. Они бесшумно обошли всех чингизидов и передали им деревянные чашки с кумысом. Такую же простую чаш-

ку взял Бату-хан и, держа перед собой, готовился произнести моление.

Гуюк не дал ему сделать это. Торопясь перебить Бату-хана, он заговорил, желая показать, что это он, наследник престола великих каганов, является самым высоким лицом в этом собрании:

— Первые капли нашего родного кумыса из этих древних священных чашек мы выпьем за процветание, величие, здоровье и могущество великого владыки всех монголов и повелителя ста семидесяти народов, хранимого вечным синим небом кагана Угедэя!..[1]

Некоторые ханы поднесли чашки к губам и стали пить, другие выжидали, посматривая на Бату-хана. Он продолжал оставаться неподвижным и в наступившей тишине, растягивая слова, громко сказал:

— Первую чашку нашего кумыса мы выпьем в память «священного правителя», ушедшего от нас повелевать заоблачным миром, в честь того величайшего воителя, который приказал предпринять этот поход, чтобы распространить величие монгольского народа до последних границ вселенной!..

Бату-хан медленно выпил чашку до дна, оставшиеся капли вылил на руку и провел ею по груди. Все царевичи немедленно припали губами к чашкам.

Рабы принесли золотые подносы с кубками и чашами различной формы и стали их наполнять кумысом из висевшего около двери большого телячьего бурдюка. Все пили в память великого созидателя монгольской державы и за предстоящие победы.

Бату-хан снова заговорил; его слова звучали четко в напряженной тишине.

— Мы сейчас будем говорить о том, что в этом походе полезно и что ненужно. Вот что я хочу вам объявить...

Гуюк дергался на месте и шептался с двумя соседними ханами. Еще до открытия великого совета он со своими приверженцами выпил слишком много хмельного айрана. Глаза его налились кровью, и, не утерпев, он закричал хриплым от ярости голосом:

— О чем ты можешь объявлять? Кто тебя захочет

---

[1] Угедэй — отец Гуюк-хана, каган (император) монголов.

слушать? Тебе ли сидеть на троне, тебе ли начальствовать над войском?

И, делая вид, что захлебывается от смеха, Гуюк повернулся к другим ханам:

— Бату-хан не что иное, как баба с бородою! Я прикажу последнему из моих нукеров побить его поленом!

Приближенный Гуюка полководец Бури во все горло завопил:

— Га, га! Дай это сделать мне! Я ткну Бату-хана пяткой, свалю его и растопчу!

Царевич Кюлькан смеялся, стараясь перешагнуть через сидевших вокруг него ханов, и пьяно визжал:

— Пропустите меня, я это сделаю!

По знаку Гуюка, все его сторонники вскочили и, доставая из-за пазухи ножи, толкая друг друга, бросились к трону.

Бату-хан не шевельнулся. Голова его ушла в плечи, зубы оскалились, глаза обратились в щелки. Он вдруг выпрямился, отбросил в сторону меч и выхватил из-за голенища короткую плеть. С размаху он стал колотить ею по головам наступавших на него ханов.

— Я проклинаю великим проклятием тех, кто в походе не повинуется джихангиру! А тебе, Гуюк, не бывать великим ханом, как не летать курице под облаками! Назад! На колени!

Вдруг прогремел хриплый, яростный голос Субудай-Багатура:

— Ойе! Урянх-Кадан!.. Зови «бешеных» и «непобедимых»!

Молодой сильный голос повторил:

— «Непобедимые» и «бешеные», сюда! Разбирайте шатер!

Из-за занавески, из-за кожаных сундуков, из-за скатанных ковров мгновенно выскочили монгольские воины. Они подхватили Бату-хана на руки и скрылись с ним за занавесками шатра. Другие воины колотили метавшихся ханов кулаками в лицо, опрокидывали их и тащили за ноги из шатра.

С яростными проклятиями ханы и свита собрались около шатра, где еще слышались глухие удары и звон разбиваемой посуды. Оправив разорванную одежду, стерев рукавом кровь с лица, некоторые порывались войти

обратно в шатер, но невозмутимые дозорные их не пускали, грубо отталкивая копьями.

Из-под бокового полога шатра вылез Субудай, бережно держа в руках оставленный Бату-ханом его наследственный меч с алмазной рукоятью. Около Субудая тесными рядами быстро выстроились «бешеные» и «непобедимые». Субудай спокойно ждал, пока его сын Урянх-Кадан вместе с другими воинами наконец вынесли барахтавшегося Гуюка. Субудай приблизился к нему, кряхтя наклонился до земли, рухнул на колени и коснулся лбом земли. Гуюк пытался ударить Субудая сапогом, но монголы оттянули его назад.

Субудай встал, выпрямился и сказал:

— Внимание и повиновение сыну величайшего! Чем могу я выказать мою преданность?

— Где он? — снова заревел Гуюк. — Я раздеру его лицо! Он крыса, а не джихангир!

Субудай, прищурив свой единственный глаз, стал шипеть:

— «Священный воитель» теперь беседует с небожителями там, высоко, за грозовыми облаками. Он взирает оттуда, как успешно идет поход, как движется на запад не знающее поражения монгольское войско, как поступают его внуки... Да!.. Среди его багатуров не может быть ссоры, не может быть вражды. Да!.. Все должны держаться тесно, как деревья в густом лесу, дружно, как одна волчья стая! Да, да, да!.. Дружно!.. — Последние слова Субудай прокричал.

Слушая Субудая, все ханы затихли, даже Гуюк присел, поняв, что сейчас сопротивляться одноглазому старику опасно.

— «Непобедимые», готовьтесь!.. — крикнул Субудай.

Нукеры ударили ладонями по рукояткам. С резким лязгом вытащили из ножен кривые сабли. Субудай же продолжал говорить, наступая на Гуюка:

— Великое монгольское войско ведет назначенный «священным воителем» джихангир Бату-хан и повелевает тебе, Гуюк-хан, сейчас же, не переводя дыхания, выехать к берегу великой реки Итиль и дожидаться там у того места, где в нее вливается речка Еруслан[1]...

---

[1] Еруслан — левый приток Волги, несколько выше города Камышина.

Гуюк опять загорелся гневом:

— Ты не смеешь так говорить со мной, наследником золотого трона! Ты бродяга, пастух, возвеличенный моим дедом! Молчи, мой слуга, косоглазый калека, и повинуйся мне!

Субудай, шипя и задыхаясь, подскочил на месте. Нукеры потом уверяли, что в этот миг налитый кровью глаз взбешенного Субудая горел, пронизывал и прожигал, как раскаленный докрасна гвоздь. Старик тихо произнес:

— Да! Я нукер! Я исполняю волю моего и единственного для всех здесь повелителя, джихангира Батухана! Для него я нукер и слуга! Кто спорит, сметается с пути! Кто не выполнит приказа, будет рассечен на девять частей! Ойе, «непобедимые», первый десяток! Посадите охмелевшего хана Гуюка на его коня! Крепко держите за локти с двух сторон! Он еще слишком молод. Айран ударил ему в голову. Одним духом отвезите молодого хана в его лагерь. Сдайте его на руки темнику Бурундаю и немедленно скачите назад. Если меня здесь уже не будет, догоняйте! Вперед! Уррагх! Уррагх!

Нукеры, схватившие Гуюк-хана, крепко скрутили ему руки за спиной и поволокли к коням. Субудай оглянулся. «Бешеные» и «непобедимые», положив блестящие мечи на правое плечо, ожидали приказаний. Ханы и нойоны, тихо переговариваясь, удалялись. Субудай подозвал спокойно за всем наблюдавшего Арапшу.

— Где джихангир?

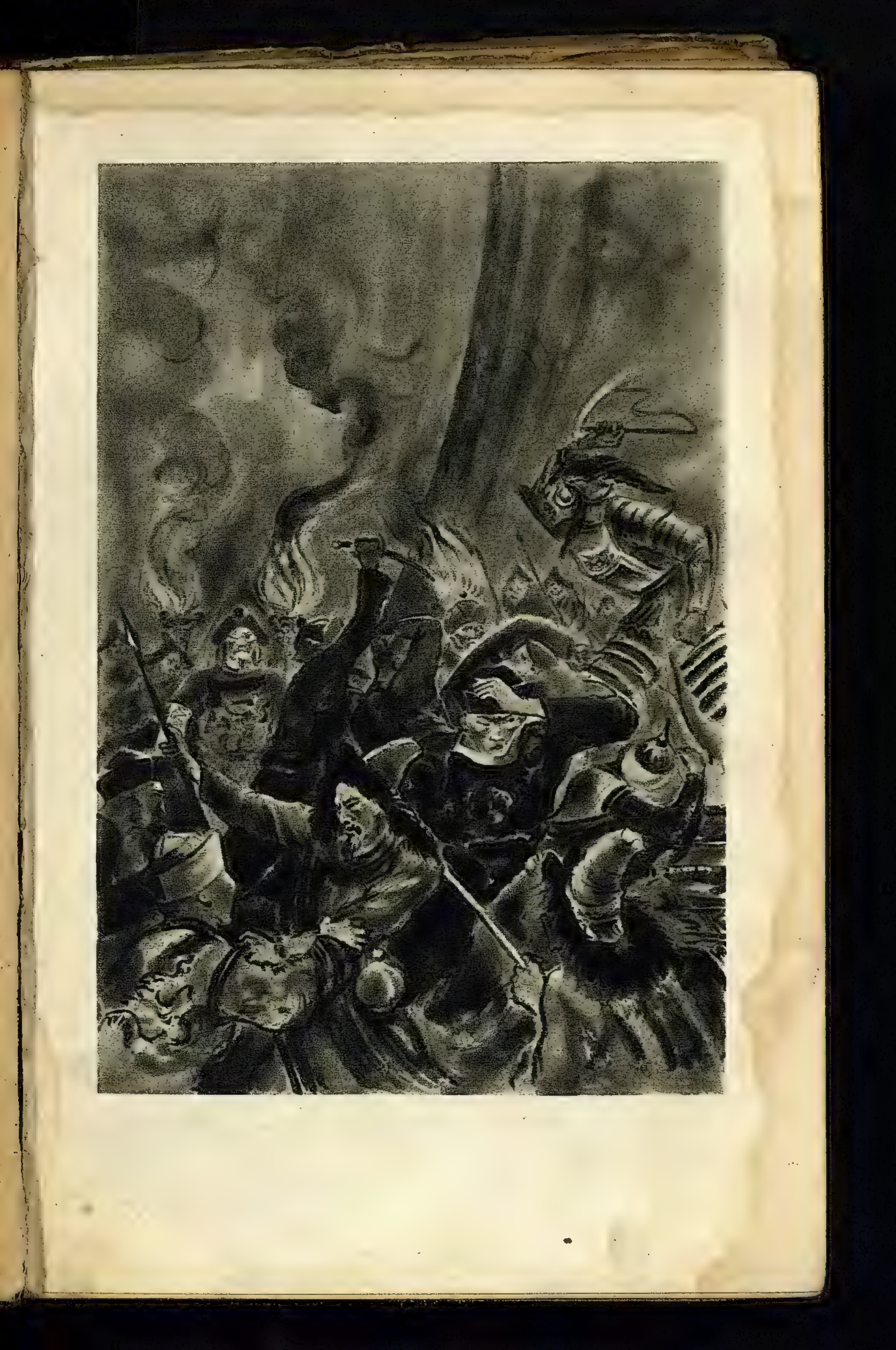
— Мы отнесли его в твой шатер. Я усилил охрану.

— Верно поступил. Можно ждать нового удара. Прикажи трубачам и большим барабанам с первыми петухами поднять войско в поход. А пока передай начальнику второй сотни, чтобы он следовал за Гуюк-ханом.

7. Переправа через Итиль

Подходя к Итилю, все монголо-татарские войска получили приказ джихангира в три дня переправиться на другой берег.

Субудай-Багатур о многом позаботился заблаговременно. Сверху, из царства Булгарского, прибыла тысяча двадцативесельных просмоленных лодок. В них си



дели полуголые, в отрепьях гребцы-булгары, от жгучего солнца ставшие темными, как сосновая кора. Этот подарок Бату-хану подготовил его брат Шейбани-хан по просьбе одноглазого полководца.

Лодки остановились в устье Еруслана и вдоль берега Итиля. Субудай-Багатур выделил сто из них и приказал, чтобы в каждую лодку вошло по двадцать нукеров, имея с собой лишь седло, переметные сумы и ячмень для корма коня на три дня. Кони же сами переплывут реку.

Было яркое теплое осеннее утро. Река спокойно несла прозрачные воды, нежась под ласковыми лучами солнца. В этом месте она была очень широка.

Арапша со своей сотней должен был переправиться первым. Он стоял на песчаном берегу и взглядом измерял ширину реки. Смелости-то хватит, а хватит ли силы? К нему подошел, ведя в поводу коня, коренастый монгол в синем длинном, до земли, чапане. Из-под отворотов войлочной шапки смотрели властные холодные глаза. Это был сын Субудай-Багатура Урянх-Кадан, выдвинувшийся в войне с Китаем решительностью и смелыми набегами.

— Я узнал, что мой почтенный отец поручает тебе первому переправиться на тот берег. Дело не только в переправе. Приготовился ли ты к битве? На той стороне собрались неведомые всадники. Сколько их — неизвестно. Они могут вступить в бой. Кто они: саксины, кипчаки, буртасы или урусуты, не все ли равно! Надо их отогнать, занять берег и отослать все лодки сюда обратно. В каждой лодке должны остаться пять нукеров — присматривать за гребцами, а не то на обратном пути булгары захотят убежать от нас вниз по реке. На конях надо оставлять оброти или уздечки и связывать их чембурами[1]. Слабые кони должны плыть около лодок, а нукеры будут поддерживать их за повод. Мой почтенный отец дает в твои руки старого крепкого жеребца, своего любимого саврасого, который покажет другим коням, как надо плыть. Этот жеребец уже переплывал и серебряный Енисей, и Черный Иртыш, и многоводный Джейхун[2].

---

[1] Обротъ — кожаное наголовье лошади без удил; чембур — ремень, идущий от уздечки, для привязывания лошади.

[2] Джейхун — река Аму-Дарья.

— Будет сделано! — сказал Арапша. — Только зачем посылать обратно для присмотра за гребцами по пять нукеров? Достаточно одного монгола. Кто осмелится его ослушаться?

— Осторожность в большом деле не вредит, — ответил Урянх-Кадан.

Субудай-Багатур, сутулый и грузный, стоял невдалеке на берегу возле саврасого жеребца с широкой грудью, черной гривой и длинным черным хвостом. Субудай гладил его толстую мускулистую шею, что-то шептал ему в мохнатое ухо, снова гладил и ласкал и кормил пшеничной лепешкой.

Отгоняя вьющихся слепней, саврасый кивал головой и, казалось, молчаливо соглашался поддержать славу своего хозяина.

Мусук был в сотне, которой предстояло первой переплыть огромную реку. Он был готов ко всему — плыть, так плыть! В ногах лежало седло, рядом стоял кипчакский конь, подаренный ему Арапшой. Но конь был очень заурядный и сильно заморенный. Арапша подошел, взглянул на Мусука и спросил:

— Ну как? Сможешь?

— Если старый Хызр поможет, то, пожалуй, переплыву, — неуверенно ответил Мусук.

Арапша потрогал ребра коня, впадины над глазами и махнул рукой:

— Плох твой конь! Не выдержит! Ты садись на корме лодки. Держи коня крепко за повод, помогай ему плыть и следи, чтобы вода не попала ему в уши. Если же лопнет повод и конь утонет — так тебе и надо! О крепком поводе надо заботиться заранее.

Субудай-Багатур взглянул на сытого, мускулистого, с шелковистой блестящей шерстью гнедого коня Арапши и милостиво разрешил привязать его чембур к кольцам уздечки своего саврасого любимца.

Субудай сам свел жеребца к реке и вошел вместе с ним в воду, еще раз что-то шепнул коню на ухо и ударил его ладонью по спине.

— Урргах! Вперед!

Жеребец двинулся дальше, наклонил голову к воде, понюхал, фыркнул, поиграл ногой и уже решительно направился вперед. Возле него бодро шагал стройный гнедой Арапши, за ними следовали кони всей сотни.

Тысячи монголов взобрались на береговые холмы и наблюдали, как их кони сами поплывут через великую реку.

Сперва пришлось итти через песчаную отмель, за которой сразу начиналась глубина. Саврасый погрузился весь, за ним гнедой, так что у обоих только морды с торчащими ушами поднимались из быстро несущейся блестевшей на солнце воды. Два-три следующих коня бодро поплыли вслед за ними, потом другие, наконец весь табун исчез в волнах, и только всплывавшие головы показывали, где движутся кони, стараясь преодолеть могучее течение Итиля.

В это время первые большие черные лодки выдвинулись из устья Еруслана. В них поспешно садились воины; некоторые вели за собой слабых коней. Гребцы спустили в воду длинные белые весла, и лодки медленно поплыли.

Мусук сидел на корме лодки и следил за своим конем: он плыл рядом, старательно загребая ногами. Лодка подвигалась слишком быстро, конь едва поспевал, и чембур его все туже натягивался. «Лопнет ремень — конец моему коню! — думал Мусук. — Опять стану безлошадным конюхом...»

— Тише гребите! Не утопите коня! — умолял гребцов Мусук.

Стремительная река относила далеко вниз и плывущих коней и лодки. Уже доплыв до середины реки, Мусук с ужасом заметил, что его конь начал уставать и ложится на бок.

«Вода нальется в уши — погибнет!» испугался Мусук.

— Постарайся, дорогой, ну еще потрудись, дружок!

И он изо всех сил подтягивал его, и конь снова выпрямлялся и выгребал ногами.

Мусук оглянулся. Правый берег быстро приближался. Вот желтые песчаные берега, заросшие жесткой серебристой осокой. Видны убегающие люди. Они на бегу мечут стрелы из небольших луков. Несколько стрел вонзились в борта, другие плеснули по воде. Монголы из лодки отвечали, натягивая огромные тугие луки, метко попадая в убегавших противников.

Лодка зашуршала килем по песчаному дну. Нукеры соскакивали прямо в воду, тащили седла к своим коням, которые подплывали к берегу ниже по течению.

Конь Мусука почувствовал дно и пытался встать на ноги, но две перистые стрелы впились ему в бок. Вода окрасилась широким алым пятном. Конь, изгибаясь, пытался вынырнуть, но вскоре обессилел и погрузился в воду.

Табун коней с вожатым саврасым жеребцом Субудая уже выходил на песчаную отмель. Монголы бежали к коням, вытирали наскоро их мокрые спины, затем набрасывали на них седла, подтягивали подпруги, садились и взбирались вверх по песчаному откосу, готовые к бою.

Арапша выскочил из лодки.

Далеко, за блестящей гладью реки, был виден левый берег. На нем, как муравьи, двигались пешие и всадники несметного войска.

Черные лодки, взмахивая длинными белыми веслами, возвращались обратно к оставленному берегу, а им навстречу плыло множество других лодок и повсюду виднелись торчащие над водой морды фыркающих коней.

Раздался громкий голос Арапши:

— На коней! Вперед!

Все великое монгольское войско переправлялось через Итиль много дней. Переполненные лодки непрерывно перевозили воинов, их походные вьюки, юрты, мешки с зерном. Лодок нехватало, поэтому были связаны плоты, на которые сгонялись верблюды и скот, сопровождавший войско.

Бату-хан оставался некоторое время на берегах Итиля. Он приказал переправившимся через реку отрядам пробраться вперед в великую половецкую степь и там начать погоню за уходившими на запад и на юг половецкими племенами. Кто будет сопротивляться, должен быть уничтожен. Те же половецкие ханы, которые покорятся вместе со своими родами, должны присоединиться к войску и передать имущество и скот монгольским воинам как военную добычу.

8. Праздник монгольского войска

Довольный удачной переправой, Бату-хан объявил трехдневный отдых и устроил для воинов торжественный праздник. Со всех сторон в назначенный день при-

скакали тысячи всадников. Воины уселись на корточках тесными рядами, привязав поводья коней к поясу за спиной. Сзади них остались дозорные верховые на крепких низкорослых конях. Бату-хан, окруженный другими ханами, сидел на склоне горы Урака[1] на разостланных коврах и конских попонах.

Длинные трубы сипло и свирепо ревели. Глашатаи кричали:

— Приходите на борьбу безбоязненно, бесстрашно! Приходите в добром здравии! Покажите вашу удаль, проявите вашу силу!

Лучшие борцы, оставив коней на попечение товарищей, выходили на широкий круг. Они стояли в разных концах поля группами по нескольку человек. Каждого багатура сопровождали преданные друзья: они должны были наблюдать, чтобы борьба шла правильно, без злобы, кусанья, увечья и убийства.

— Начинайте, начинайте! — закричали глашатаи. — Джихангир Бату-хан смотрит на вас! Он даст самому ловкому лучшую награду! Каждый должен пройти три богатырских состязания, три упорных схватки! Кто ни разу не коснется плечами земли, тот будет объявлен багатуром. Таков закон нашей страны, да и всех людей обычай таков! Славному делу не будет препятствия, чистому небу не быть мрачному!

Отряды заранее отобрали своих лучших удальцов. Сперва выступили вперед двенадцать багатуров, рослых, плечистых, молодых. Остальные багатуры, ожидая очереди, опустились на корточки по краям поля.

Готовые к схватке борцы стали подпрыгивать на месте, переваливаясь с ноги на ногу, взмахивая руками, точно крыльями, припадая на согнутых коленях. Они бросали вперед землю и траву и, подражая птичьим прыжкам, стали приближаться друг к другу.

Шесть пар сцепились одновременно. Они схватились за плечи, за руки, за ноги, за шеи и подбрасывали друг друга. Они вертелись, подставляя ноги, стараясь повалить противника на землю. Около каждой пары топтались, кружили, приседали друзья, возбуждая борцов криками.

---

[1] Название горы «Урака» сохранилось до настоящего времени; при археологических раскопках около нее найдено много древних предметов.

Упал один; его плечи ударились о землю, и он уже выбыл из состязания. Шатаясь, сумрачный, уходил он с поля вместе с друзьями. А победитель направился к месту, где сидели почетные судьи. Там стояли мешки с печеными сладкими кусочками теста. Он брал руками пригоршни печенья, подносил к губам, точно хотел откусить, затем неожиданно ссыпал в подставленные подолы друзей, а часть бросал в поле в честь богов, принесших победу.

Одна за другой подходили новые группы багатуров; они схватывались, боролись. Побежденные уходили, победители оставались и продолжали после передышки бороться между собой.

Победителем всех оказался высокий, могучего и страшного вида монгол по имени Тогрул, поборовший всех противников. Последнего соперника он поднял над головой и с диким торжествующим криком бросил на землю. Упавший лежал неподвижно, в полном отчаянии: перед этим он поборол очень многих. Тогрул подошел к нему и остановился, широко расставив ноги:

— О чем твоя печаль?

— Если б я был мертвый, не было бы у меня печали, но раз придется ходить живым, то радости мне нет...

Тогрул осторожно поднял его и сказал:

— Исполним славное дело для величия монгольской державы!

Оба вынули ножи, полизали лезвия друг у друга, понюхали щеки и, обнявшись, пошли с поля как побратимы — аньда. К ним подъехал на коне нукер.

— Джихангир Бату-хан прислал похвалить вас за доблесть и объявить, что он берет вас обоих в свою охранную тысячу тургаудов.

После борьбы были скачки, стрельба из лука в бараний череп, но налетел ветер и начался сильный ливень — пришлось прервать праздник. Волны великой реки обрушивались с шумом на берег, смывая все, что им попадалось. Лодочники не решались уже переплывать реку. Все прибывшие на праздник сели на коней и помчались в свои лагери.

— Это здешние колдуны накликали бурю, — говорили монголы. — Что-то еще будет этой ночью!

9. Злая ночь

К вечеру непогода усилилась.

Итиль бушевал, волны яростно бились о крутые берега. Ветер потрясал шатры, точно пытаясь сбросить их в реку. Потоки дождя заливали татарский лагерь.

Воины, проклиная злых урусутских мангусов, встретивших их холодом и бурей, дрогли около угасших костров.

В шатрах было холодно, сыро и мрачно. Огоньки тусклых светильников колебались при каждом порыве ветра. Длинные дрожащие тени падали на стенки.

Арапша обходил шатры, проверяя охрану. Итти было трудно. Ветер сбивал с ног. Темно, в двух шагах уже ничего не видно. Он повторял сторожевым нукерам:

— Злая ночь! Берегитесь! Такие ночи любят враги...

Осмотрев посты, Арапша вошел в шатер джихангира.

Бату-хан, сидя на пушистых шкурах, беседовал с верным своим советником Субудай-Багатуром.

— Злые боги урусутов испортили нам праздник, — говорил Бату-хан. — Они нагнали бурю, ливень и холод на моих храбрых воинов, чтоб напугать нас, чтоб не пустить нас в свои земли.

Резкий порыв ветра потряс стенки шатра. Бату-хан поднял голову.

— Слышишь, как ревет Итиль? Но мы все же его переплыли!

Бату-хан умолк и снова прислушался к яростному реву волн. Сквозь шум непогоды донеслись спорящие голоса.

Арапша выбежал из шатра и вскоре вернулся.

— Тебя хочет видеть незнакомый человек. Он говорит, что знает важное.

— Пусть войдет!

Арапша откинул дверной ковер. Свистящий порыв ветра обдал холодом и ледяными брызгами. Пламя заколебалось. Тусклый огонь едва освещал юрту. У двери стоял высокий худой человек.

Незнакомец снял темный колпак с мокрым бобровым околышем и отряхнул его у порога. Он шагнул вперед и опустился на ковер.

— Кланяюсь великому царю мунгалов! — проговорил он хриплым низким голосом. — Слава твоя летит впереди твоего могучего войска.

— Будь гостем, — милостиво отвечал Бату-хан. — Что привело тебя сюда в такую непогоду?

Монголы с любопытством разглядывали ночного посетителя. Он говорил по-татарски, но не был похож на скуластых кипчаков. Большой нос с горбинкой придавал хищное выражение его худому, костлявому лицу. Из-под нависших густых бровей смотрели мрачные, темные, глубоко сидящие глаза. Он часто проводил по длинной черной с проседью бороде узловатой, сухой рукой.

— Великий хан! Ты видишь перед собой не простого путника, а человека, рожденного быть богатым и сильным. Я великий князь Глеб Владимирович Рязанский!

— Ты посол от Рязани, князь Глеб? Почему же ты один?

Князь Глеб поморщился.

— Нет, великий хан! Не послом пришел я к тебе. Я пришел предложить тебе свои услуги: хочу стать твоим союзником.

— Что значит союзник?

— Я знаю все дороги и города великой русской земли. Я могу быть полезным тебе.

— Субудай-Багатур! Покажи князю земли урусутов.

Старый полководец развернул на ковре пергамент.

— Вот смотри: это Итиль, здесь твоя Рязань, вот Ульдемир [1]. Здесь всё города, и реки, и дороги.

— Чертеж земель русских! Откуда? Как ты мог промыслить его?

— Я все могу! — Бату-хан положил руку на пергамент. — Вот видишь — так земля урусутов будет под моей рукой. Я заставлю всех покориться мне!

Князь Глеб молчал. Бату-хан продолжал насмешливо:

— Где же твои покорные нукеры? Где твой народ? Где твои подарки, великий князь?

Князь Глеб мрачно взглянул на джихангира.

— У меня больше нет ни народа, ни дружинников, ни богатства! Враги отняли у меня всё! Мне пришлось бежать. Уже много лет я живу у половцев.

Бату-хан нахмурился.

— Что же ты хочешь от меня?

— Я хочу помочь тебе сразить врагов моих.

---

[1] Ульдемир — Владимир.

— Кто твои враги?

— Князья, правящие теперь Рязанью.

— Я сам наказываю своих врагов! Когда мы придем, погибнут все, не только князья.

— Я ненавижу весь народ рязанский! Это рязанское вече прогнало меня[1].

Бату-хан взглянул на равнодушно молчавшего Субудай-Багатура.

— Что скажешь ты, мой мудрый советник?

— Бессмертный воитель, твой великий дед приказывал ломать хребет предателям!

Князь Глеб невольно отшатнулся. Бату-хан смотрел на него прищуренным глазом.

— Коназ Галиб! Не союзником моим ты будешь, а послушным нукером. Если ты захочешь обмануть меня, то простишься с жизнью. Разрешаем итти.

Князь Глеб склонился до земли. Он поднялся, попятился к выходу. Остановился у двери, ожидая приветливого слова. Бату-хан отвернулся. Субудай-Багатур смотрел прямо перед собой немигающим глазом. Арапша поднял полог юрты.

Черные глаза князя злобно сверкнули. Он шагнул в ненастную тьму.

---

[1] Князь Глеб Владимирович Рязанский, желая захватить единодержавную власть, пригласил на пир своих братьев и родственников. Наемные половцы их всех перебили. Это вызвало возмущение в народе. Князь Глеб был вынужден бежать к половцам и скитаться много лет в изгнании.

Часть третья

МОНГОЛЫ ИДУТ НА РУСЬ

Перед той перед бедой, за великой рекой,
Боры древние загоралися...
Загорались боры древние, дремучие.
Черный дым стоял, застил солнце на небе.
А над теми над борами из-за полымя,
Из-за дыма птицам лететь нельзя...
Тогда по земле вести пошли,
Вести страшные, вести ратные...

И. Рукавишников

1. Лесовики Перунова бора

На берегу уединенного озера, затерянного в глубине вековых рязанских лесов, на небольшой поляне разбросаны были избы маленького погоста[1]. Кругом густо росли пышные кусты малины и смородины.

На краю поляны стояла покосившаяся бревенчатая часовенка.

И поляна и погост назывались Перунов бор.

Старики говорили, что здесь в очень давнее время

[1] Погост — в XIII веке так называлось небольшое поселение, обыкновенно с церковкой или часовней.

молились старому русскому богу Перуну [1]. Попы и монахи запрещали молиться ему, а мужики запрятали обрубок деревянного Перуна в густом ельнике, где трухлявый, вросший наполовину в землю идол мирно покоился, скрытый ветвями. Бабы и девушки ходили часто к нему, водили вблизи на полянке хороводы, пели песни, гадали и просили старого бога помочь в беде.

Старшим лесовиком был Савелий Севрюк [2], по прозвищу Дикорос. Дед его раньше других поселился в Перуновом бору. Дикорос для всех был образцом: показывал, когда начинать пахать, когда сеять, не боясь утренних холодов, или отвозить по замерзшим трясинам лещей, моченые ягоды и соленые грибы в ближайший монастырь. Дикорос был ширококостный, крепкий мужик с пристальным взглядом умных глаз из-под нависших на лоб волос. Своими руками отец и дед Дикороса расчистили лесную чащу, выкорчевали и выжгли старые огромные пни. Потом засеяли вспаханную и удобренную золой целину сперва овсом, а в следующие годы рожью и коноплей.

С радостью ушел бы Дикорос еще дальше в глубь леса, чтобы работать на приволье, без чужого хозяйского глаза, да все равно не скроешься от хватких длинных рук монастырского сборщика в подряснике или княжеского тиуна [3], — все равно сыщут и доберутся до распаханных мест и начнут высчитывать и надбавлять дань [4]. Не раз Дикорос бросал всердцах о землю колпак, встряхивал космами и молил:

---

[1] Перун — бог грома и молнии у древних славян-язычников.

[2] В XIII веке у суеверных русских людей, помимо христианских имен, сохранились также древние языческие имена (например Булатко, Гневаш, Шолох, Прокуда, Шестак и др.), которые вписывались в документы. Из этих имен впоследствии образовались фамилии: Севрюков, Баулин, Прокудин, Звягинцев, Шестаков, Шолохов и т. п. Вторым именем могло быть не только прозвище (необязательно языческое), но и другие христианские имена. Это второе имя хранилось в тайне, чтобы предохранить себя от колдовского наговора врагов, которые могли будто бы напустить беду или болезнь, только зная точно имя своей жертвы и произнося его вслух.

[3] Тиун — доверенное лицо у князя, управляющий, сборщик податей.

[4] Налоги и подати крестьян (смердов) в то время назывались «дань». Князь посылал за данью тиунов, иногда объезжал сам. В последнем случае это называлось «полюдье».

— Сделайте божескую милость, повремените с данью! И коню дают передышку, пускают на луга попастись. Так зачем же человека добивать?! Ведь работаю один не покладая рук. Когда еще подрастет мне подмога! Сынишка-то мал еще!

Но не помогало, и опять Дикорос налегал на рогали[1] или брал тяжелый топор и принимался за ежедневную работу: валить столетние стволы, прорубать просеку или по пояс в грязи копать канаву, чтобы просушить болото.

Надеялся Дикорос только на единственного своего сына. Пока тот был мал, звал он его Глуздырем[2], а когда паренек стал подрастать и в работе оказался сметлив и расторопен, дали ему кличку Торопка. Было у мальчика и другое имя, каким при крещении наградил его старый поп, да то имя нелегко было вымолвить: Анемподист. Высокий, вихрастый, в веснушках, с крепкими руками, он все более походил в работе на отца: и дерево срубит, и землю вспашет, и стрелой из лука собьет прыгающую по веткам веселую белку.

В погосте, кроме Дикороса, жило еще несколько крестьян-лесовиков. Ближайшего соседа справа звали Ваула. Был он мордвин и бежал со своей родины в поисках лучшей доли. Ростом невысокий, черноволосый и рябой, он и жену имел очень похожую на себя. Между собой они говорили непонятно, по-мордовски, отчего и пошло крестьянину прозвище Ваула[3]. Детей у них была полна изба — все маленькие, юркие и черноглазые, как мышата.

Другой сосед Дикороса был Звяга, пришедший из Рязани, высокий, худой и костлявый. У него был небольшой сруб, крытый дерном и пластами бересты; детей тоже было много, все беловолосые, вымазанные копотью, так как изба отапливалась «по-черному» — трубы не имела, а дым из большой глиняной печи уплывал через волоковое оконце[4] над дверью. Жена Звяги, тоже, как и он, худая и высокая, едва успевала и по хозяйству и по работе в лесу. Она помогала мужу летом

[1] Рогали — рукоятки сохи.
[2] Глуздырь — птенец.
[3] Ваула — шепелявый.
[4] Волоковое оконце — небольшое задвигаемое отверстие над дверью для выхода дыма.

рубить вековые сосны и ели, а зимой вывозить их по льду в ближний монастырь.

Был на погосте еще охотник-лесовик Лихарь Кудряш. Пришел он из Суздальской земли позже других, вместе с молодой женой. Вдвоем они нарубили ровных сосен, свезли их по первопутку на поляну, поставили себе сруб и пристройку для скота. В новой избе родилась дочка, назвали ее Вешнянка. Заболела жена горячкой и вскоре умерла. Вытесал Кудряш из цельного кряжа домовину [1], похоронил тело молодой жены под березкой и остался с маленькой дочкой вековать вдовцом. Кудряш часто уходил то в Рязань, то в Дикое поле [2], где кочуют половцы, торговать у сторожевых застав, то пропадал в лесу, где ловил силками и западнями белок, куниц и других зверьков. А Вешнянка тем временем жила как родная в избе соседа Дикороса.

Жила в Перуновом бору еще вдова, кличка у нее была Опалёниха. Считалась она исправным хозяином — землю сама пахала, дрова рубила и на озере сетью ловила карпов и лещей.

Овдовела она с тех пор, как в низовьях Оки поволжские разбойники забрали у нее двух детей, мальчонка и девочку, и продали болгарским купцам. Мужа, пытавшегося отбить ребят, эти злодеи спалили на костре. С тех пор и пошло ей прозвище Опалёниха.

Переселилась Опалёниха в Перунов бор, все себе места не находила — работой хотела тоску приглушить. Завела несколько овец. Заботой своей выходила их. Жили овцы у нее и плодились, когда у других погибали.

Опалёниха все детей своих вспоминала. Крепко привязалась она к Вешнянке, больше других соседей нянчила ее. А в голодный год [3] подобрала на погосте двух сирот, стала их кормить и пестовать, как родных.

---

[1] Домовина — гроб.

[2] Дикое поле — так назывались вольные степи к югу от Рязанского княжества, где кочевали с тысячными стадами и табунами половецкие ханы. Около рязанских пограничных застав и сторожевых крепостей возникали временные поселки, куда приезжали половцы и устраивали меновую торговлю, обменивая кожи, баранов, быков, лошадей, шерсть на русское зерно, муку, меха, бортный мед и пр.

[3] За восемь лет до татарского нашествия была сильная засуха, все хлеба погибли, а затем объявился мор и начался голод, продолжавшийся два года.

2. Вести страшные, вести ратные.

Поздней осенью из ближайшего погоста Ярустова, что стоял за двадцать верст на опушке бора, прибежал прямиком через болота, подмерзшими тропами, запыхавшийся парень. В окошко каждой избы гонец выкрикивал, что от князя Рязанского пришел приказ. Пусть все соберутся выслушать княжью волю.

Парень подождал на кладке бревен, пока подошли мужики. Прибежали и бабы с ребятами. Парень сказал:

— Князь Рязанский Юрий Игоревич, отец наш...

— Какой там отец! — прервал Лихарь Кудряш. — Никогда мы этого отца до сих пор не видывали!

Парень вытер рукавом нос и спокойно продолжал:

— Так князь Рязанский кличет народ сбираться в поход. Большая вражеская сила прет на рязанские земли. Пока нехристи подойдут к нашим заставам, надо выйти навстречу и не пустить их на наши пашни...

— Откудова ты это услыхал? — прервал Звяга. — Кто тебя послал по нас: волостель[1], али поп, аль еще кто? Чего пужаешь?

— Приехал к нам в Ярустово княжеский тиун, и с ним охраны двадцать отроков[2], все нарядные, на сытых конях. Староста расставил всех по избам, мы их кормим вторые сутки. Ну и жрут — что боровы, словно в Рязани их не кормили! Тиун созвал сход и толковал, что идут-де на нас табуноцкие воины, зовут их татары. Тиун приказал, чтобы все мужики и парни от шестнадцати годов с топорами и рогатинами, что у кого есть, шли на Рязань. Там князь сбирает Большой полк[3] и раздаст всем мечи, копья и секиры. Тиуны и дружинники княжеские поскакали и в Пронск, и в Зарайск, и в Муром, и к великому князю Суздальскому во Владимир — всюду оповещать народ...

Дикорос мрачно выслушал парня, закряхтел и спросил:

— Тебя как звать-то?

---

[1] Волостель — лицо, назначенное князем для управления волостью.

[2] Отрок, или детский дружинник, — воин из «молодшей» части дружины князя.

[3] Большой полк — главная часть войска, центр, означает также войско вообще.

— А Яшка Брех!

— Ты не Пахома ли рыбака?

— Как раз его. Пахом Терентьич отец мне.

— Эх, не к добру ты прибежал! Что же князь так поздно хватился? Татары уже на рязанские пашни входят, а он только начинает раскачивать народ. О чем раньше глазами моргали? Почему до сих пор на сторожевые заставы в Диком поле не пошли суздальские полки? Большой полк суздальский куда сильнее нашего, рязанского. Теперь татарские табуноцкие мужики станут напирать на рязанцев, а суздальцы, сидя за стенами, будут на нас посматривать да приговаривать: «Дуй их горой!» Почему бы нам всем не пойти одной стеной?

— Ишь чего захотел! — заметил Звяга. — Князья готовы друг дружке горло перегрызть.

Дикорос сказал парню из Ярустова:

— Скажи волостелю и тиуну, что мы не отказываемся и что от нашего погоста все мужики завтра пойдут к Рязани. По пути в Ярустово я зайду к твоему батьке, и мы обсудим про такое и про всякое.

Парень, не задерживаясь, отправился обратно, прыгая через кочки, — только лапти его замелькали.

3. Сборы лесовиков

Савелий Дикорос стал готовиться к походу. Ободрал последних подстреленных белок, вывернутые шкурки повесил под потолком в кладовке.

— В случае чего, — сказал он жене, — обменяешь белок на жито[1].

Отточил и заново обтянул жилами — подтужинами — железный нож на рогатине, с которой ходил на медведя. Привез из лесу валежника и сухостоя, чтобы бабе легче было щепы колоть и печь топить. Приготовил вторую рогатину для Торопки. Насадил тяжелый топор на более длинное топорище. А легкий плотницкий топор оставил жене для хозяйства.

Жена его Марьица вместе с Вешнянкой завели тесто из ржаной муки на житном квасе[2] и спекли кара-

[1] Жито — разновидность ржи, которая сеется весной под яровые, а не осенью под озимые, как обычно сеется рожь.

[2] Житный квас употреблялся как закваска для теста, как напиток и в бане вместо мыла.

вай и коврижки. Каравай разрезали на тонкие куски и высушили в печи. Сухарями набили заплечные мешки, положили туда же луковиц, пареных репок и горсть соли в тряпице.

— Соль-то у нас на исходе, — сказала Марьица. — Там, в миру, легче соль найдете [1].

Утром, чуть между дремлющими елями засветилась багровая заря, перуновские лесовики собрались около избы Дикороса. У каждого за плечами был привязан мешок с запасом еды, топор за спиной и на поясе пара новых лыковых лаптей.

Бабы, накинув на плечи зипуны, проводили ратников до незамерзающего ручья, где были перекинуты три лесины. Здесь они еще раз бросились на шею мужикам и стали с воплями причитать:

— Бедные головушки наши! На кого вы нас оставляете? Увидим ли мы вас? Куда вас гонит вражья сила?

Дикорос остановился, поднял с земли Марьицу и сказал:

— Чего убиваешься? Что ли, на медведя итти легче? Все одна маета! Гнедка побереги... Да и от зверя и от лихого человека хоронитесь. Может, вернусь домой на добром коне татарском и тебе привезу новый зипун, крытый аксамитом [2], теплую фофудью [3] с узорчатой оторочкой и чоботки новые...

— Не надо мне ничего, ты бы только, свет мой Савушка, домой цел вернулся! Срубят тебе нехристи головушку, некому будет и поплакать над твоей могилкой! Горюшко наше бабье! Зачем сынка с собой берешь? Зачем родила, зачем поила, растила его? Укрыли бы мы его в лесной чаще! Увижу ли я тебя, чадо мое кровное! — И Марьица обхватила Торопку, захлебываясь от плача.

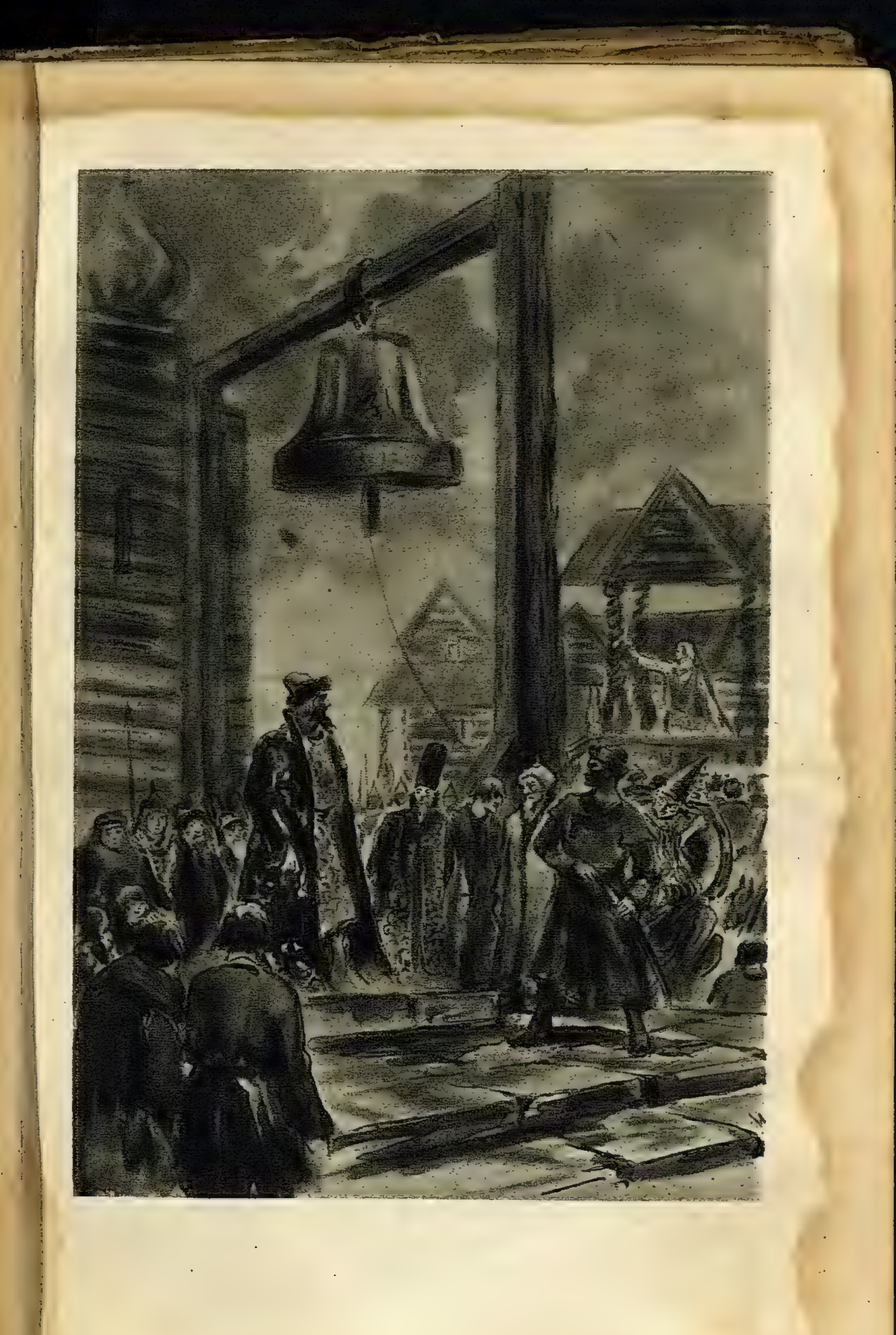
Дикорос положил руку на плечо Марьицы и стал говорить тихо с необычной для него нежностью:

---

[1] Соль в то время была очень дорога. Ее доставка из северных «варниц» (солеварен) или с юга была очень затруднительна.

[2] Аксамит — род шелковой ткани.

[3] Фофудья (по Погодину) — вид теплой одежды, откуда — фуфайка.



— Да постой ты, моя лебедушка! Слушай! Дело тебе говорю.

Марьица затихла.

— Коли здесь, на Глухом озере, станет туго али зверь начнет одолевать, ты избу заколоти и переберись на погост Ярустов, вот хоть к Пахому Терентьичу, рыбаку. А туда я наведаюсь и в этой завирухе легче найду тебя...

Ратники оторвались от цеплявшихся баб и гуськом зашагали мимо ручья по лесинам. Затем, не оглядываясь, пошли дальше, скрываясь в утреннем тумане среди вековых стволов угрюмого леса, и долго еще слышали они вопли баб, оставшихся за ручьем.

Вешнянка была вместе с провожающими бабами. Она не плакала, а смотрела широко открытыми удивленными глазами. Бабы, всхлипывая, поплелись обратно. Вешнянка пробралась в сарай Дикороса, где стоял его старый Гнедко. Она обняла коня за шею, зашептала ему в мохнатое ухо:

— Остались мы с тобой, Гнедушко, сиротами. Увидим ли еще наших хозяев? Или пропадут они в поле чистом, как былинки ветром сдутые, и даже ворон пролетный весточки о них не принесет?

Гнедко качал головой и мягкими губами и мордой терся о ее плечо.

4. Народный сполох

...Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей?

Дм. Веневитинов

Вечевой колокол с раннего утра сзывал народ на вече. В тихом морозном воздухе неслись и далеко разносили тревогу густые тягучие звуки. Далеко слышали их окрестные погосты. Люди выходили на крыльцо, прислушивались и, торопливо накидывая армяки и полушубки, хватали шапки. Всюду, на обоих берегах реки Оки, на засыпанных снегом пашнях, мелькали вереницы мужиков, тянувшихся в город.

— Слышь, как вечник выбивает сполох! — рассуждали, шагая, мужики. — Что-то деется!

Старая Рязань[1], на высоком обрывистом берегу Оки, под покровом первого снега казалась серебряной. Высокие земляные валы вокруг города и детинец[2], окруженный тыном и сторожевыми башнями, сложенный из столетних дубовых кряжей, делали город грозной, стойкой крепостью.

Что может угрожать Рязани? Почему так настойчиво сзывает медный вечник? Опять свара князей? Опять пошлют мужиков бить друг друга, как десять лет назад на речке Липице? И для чего? Чтобы посадить на княжение одного князя и столкнуть неугодного? Доколе же князья будут драться? Когда же конец этой замятне?[3] Зачем еще гонят на бойню мужиков?

Площадь на Сокольей горе, как обычно в базарные дни, была заставлена возами с зерном, мукой, морожеными свиными и телячьими тушами, глиняной посудой, деревянными кадками и прочими изделиями поселян. Но в этот день о торге забыли, Рязань густо заполнялась толпой. Жители слобод и города спешили на вече и располагались на площади в установленном порядке — «концами» и «улицами».

Дикорос и его спутники из Перунова бора, увлекаемые людским потоком, попали к самой вечевой вышке, где два дюжих молодца, скинув шапки и полушубки, усердно раскачивали железный язык большого медного колокола, подвешенного к бревенчатым стропилам.

После бойкого перезвона мелких колоколов из церкви выбежал служка в стареньком подрясник е и махнул красным платком молодцам, колотившим в вечник. Те перестали звонить и вытерли рукавами вспотевшие лбы. Крестьяне влезали на возы, садились на упряжных лошадей: всем хотелось увидеть и узнать, почему поднят народный сполох?

Из церкви с протяжным пением вышел хор певчих. Следом четыре дюжих дьякона-ревуна в церковных об-

---

[1] Рязань в то время находилась на правом берегу реки, на 75 километров ниже нынешней, новой Рязани, против города Спасска.

[2] Детинец — укрепленная часть внутри города, кремль, где жила боевая дружина, охранявшая князя.

[3] Замятня — беспорядок.

лачениях размахивали дымящимися кадилами. Затем торжественно плыли десять священников в позолоченных ризах с серебряными и медными крестами в руках. Наконец показался епископ, поддерживаемый под руки двумя мальчиками в одеянии послушников.

Вслед за духовенством вышел из церкви князь Рязанский Юрий Игоревич в бобровой шапке, красном корзне[1], вышитом жемчугами и драгоценными камнями. Двадцать молодых дружинников с обнаженными прямыми мечами на правом плече охраняли князя и отталкивали теснившийся к паперти народ. Вслед за князем из собора вышли княгиня Агриппина Ростиславна, окруженная снохами, молодыми женами семи сыновей и племянников княжеских, думные бояре и знатнейшие приближенные князя.

Юрий Игоревич поднялся на каменное возвышение близ вечевого колокола. Свита и духовенство выстроились вдоль паперти.

Близ вечевого колокола стояли собравшиеся с разных концов города и ближних слобод старосты, степенные и строгие, в овчинных полушубках и купеческих кафтанах домотканного сукна. Один из них, благообразный старик с седой бородой, староста нижней слободы, поклонился отдельно князю и княгине и, прижимая к груди соболью шапку, громко сказал:

— Исполать[2] тебе, отец наш, князь наш Юрий Игоревич! Жить тебе вместе с княгинюшкой Аграфеной Ростиславной в добре и здравии, горя не знать и нас, маленьких людишек, не забывать! А позволь-кося мне слово молвить, не вели за скоро слово казнить. Почто ты народ сгомонил? Почто в вечник бить приказал? Что тебе от народа рязанского надобно?..

Князь, сумрачно посматривая на толпу, снял бобровую шапку с аксамитным верхом, тряхнул полуседыми длинными кудрями и степенно поклонился на три стороны, сначала собору, затем затихшей толпе.

— Слушайте, люди христианские, — заговорил он усталым, потухшим голосом. — По важному делу созвал я вас. Не без тревожной туги[3] гудел с утра ве-

---

[1] Корзно — красный плащ, накидка.

[2] Исполать — обычное выражение церковных книг: «На многие лета» (с греческого).

[3] Туга — скорбь, тоска.

чевой колокол. Надо нам вместе, единой волей, единым сердцем решить неотложное дело...

— Говори, говори, князь! — послышались голоса.

— Уже давно, с весны, из Дикого поля приходили вести недобрые, что среди половецких ханов идет замятня, бьются половецкие полки с народом неведомым, пришедшим издалека, из-за Волги. Народ этот злобен и силен, побил половецких ханов, погнал их из кочевий по всему Дикому полю и ограбил дочиста, впрах...

— Какие такие люди? Как звать их? Тоже они табуноцкие мужики? — раздались встревоженные, нетерпеливые возгласы.

Князь передохнул и продолжал:

— Зовется этот пришлый народ — безбожные мунгалы и татары. Они разгромили половецкие вежи[1], порезали их быков и баранов, а теперь пошли в нашу сторону и стали близ наших застав на реке Воронеже. Видно, хотят на нас войной итти. Прислали татары нам послов бездельных, — про все они расспрашивают, про всё выпытывают.

— Давай их сюда! Мы на них посмотрим и скажем, какой дорогой им отъезжать обратно.

— А нуте-ка, приведите сюда татарских посланцев! — сказал князь дружинникам. — Да охраняйте их внимательно,— долго ли нашим ребятам их обидеть! Они все же посланцы сильного царя татарского Батыги.

5. Послы татарские

Татарских послов было трое. Старик в меховой шапке, повязанной белой тканью, и в длинной, до пят, желтой лисьей шубе. Коренастый молодой воин в войлочной шапке с отворотами, в синем кафтане и с кривой саблей на поясе. Короткая шея и богатырские плечи, невозмутимое безбородое лицо, уверенные движения и властный взгляд придавали этому послу вид человека, привыкшего повелевать, казнить и миловать. Третий посол изумил всех. Это была старая женщина, с одутловатым, желтым опухшим лицом и бегающими глазами, в высоком колпаке и с медвежьей шкурой на плечах. К поясу ее на ремешках были привешены медвежьи

[1] Вежи — шатры, юрты.

когти и зубы, ракушки, узкие длинные ножи и большой круглый бубен, разрисованный звездами. Она непрестанно посматривала кругом, точно чего-то искала, и бормотала вполголоса.

Князь сказал ближнему думному боярину:

— Распорядись, пускай они народу скажут, зачем пожаловали в наш город.

Возле послов появился монгольский переводчик. Он расспрашивал послов и вполголоса переводил их ответы княжескому думному боярину. Тот, обращаясь уже к народу, громко повторял:

— Слушай, государь, великий князь со княгиней и народ христианский, чего послы мунгальские и эта старая бабища от нас требуют. Говорят-де, что ихний царь Батыга Джучиевич над всеми князьями князь, над всеми царями царь. Все народы покорились его деду, хану Чагонизу[1], и он забрал под свою руку половину вселенной. Говорят эти бездельные посланцы, что теперь-де народ русский должен царю Батыге Джучиевичу покориться, а буде не захочет ему бить челом, так Батыга всех растопчет своими конями, как он раздавил всех ханов половецких...

— Не бывать этому! — закричал молодой высокий воин, стоявший близ князя, отважный, любимый народом охотник-медвежатник.

— Подожди, Евпатий!..

И, обернувшись к думному боярину, князь продолжал:

— Объясни им, чтобы нам не грозились, а сказали, чего они хотят от Рязанской земли.

Боярин обратился к переводчику, а тот к послам. Молодой монгол отвечал резко, зло, хватаясь за костяную рукоять кривой сабли. Старый посол стоял неподвижно, соединив ладони, а бабища дергалась, приплясывала и что-то напевала.

Боярин снова заговорил:

— Не гневайся, княже, за слова бесстыжие, что я услышал от этих мунгальских посланцев. Требуют они сейчас дани неотступной, десятины во всем: и в князьях, и в людях, и в конях, — десятое в белых ко-

---

[1] Чагониз — так в русских летописях называли Чингизхана.

нях, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих...

Воцарилась тишина, как перед бурей. Четко прозвучали слова князя:

— Когда нас не будет, тогда всё возьмут себе!

Прокатился взрывом в толпе гул, послышались возгласы и смех:

— Вишь чего захотели! Сам возьми-ка выкуси! Гони их, князь, назад в Дикое поле и выпусти на них вдогонку дворовых собак!

Поводя злыми глазами, послы наблюдали, как разливается грозный ропот на площади.

Князь повернулся к Евпатию и сказал:

— Ты умеешь говорить с народом. Успокой наших посадских, а то они еще разорвут их. Объясни, что иноземных посланцев собаками не провожают.

Евпатий вбежал на вечевую вышку и, сделав знак рукой толпе, закричал так сильно и четко, что слова его донеслись до крайних поселян, сидевших на возах с сеном:

— Слушай, народ рязанский! Раньше Рязань слободой слыла, а нынче зовется стольным городом... А для города негоже грубое обхождение с гостями. Негоже послов иноземных встречать словами обидными и провожать собаками! Вы же все молодцы, узорочье и воспитание рязанское...[1] Послы мунгальские запросили с нас много. А мы им скажем: спасибо, гости дорогие, но не мы хозяева. Не мы решаем. Есть хозяин повыше нас — государь, великий князь Юрий Всеволодович во стольном городе Владимире-Суздальском. Вот к великому князю Суздальскому мы и пошлем послов царя мунгальского Батыги. Отвезем их с почестью на санях-розвальнях, крытых коврами и полостью медвежьей, на тройке с бубенцами и колокольчиками. И пусть великий князь Юрий Всеволодович им свое сильное слово скажет: отдавать ли нам десятого мужика и десятого коня татарам или повременить малость? Принимать ли гостей непрошенных или показать им поворот от ворот?

— Верно, Евпат! Верно!

Евпатий продолжал:

---

[1] «Узорочье и воспитание рязанское» — обычное присловье рязанских старинных рукописей.

— Лучше будет с честью проводить гостей в город Владимир! Сказать им, что наш князь даст надежную военную охрану и что никто их в пути не обидит. А сейчас князь Юрий Игоревич просит дорогих гостей в свою горницу отведать хлеба-соли, пирогов и калачей...

Послы удалились, но народ еще долго не расходился и волновался на площади. Все говорили, что надо грудью стать за родную землю, отогнать охального ворога, пока он не ворвался на рязанские пашни.

Князь угостил татарских послов наславу. Сытные блюда подавались без счета. Но послы ели мало, остерегались, каждый кусок сперва обнюхивали, вина и меда вовсе не пробовали.

После ужина к крыльцу княжеского дома подали тройку с розвальнями в пушистых мехах, но послы отказались ехать на санях. Они потребовали своих коней и отправились верхом. Князь приказал тройке с санями следовать неотступно за ними, на случай если послы в дороге спать захотят. Для охраны был дан десяток верховых дружинников.

Проводив послов до ворот, князь призвал Евпатия и сказал:

— Евпатий, грозная туча надвигается из Дикого поля. Надо сзывать на подмогу всех, кто может меч держать. Вместе с мунгальскими послами я отправлю во Владимир сына своего, просить великого князя Юрия Всеволодовича подымать весь народ для отпора врагу, а брата моего Ингвара Игоревича посылаю в Чернигов с мольбой к князю Михаилу Всеволодовичу с Большим полком спешить сюда на помощь, пока мы будем вести с татарами переговоры. В Дикое поле к царю Батыге я пошлю сына Федора с дарами и с думными боярами хитрыми, чтобы сумели Батыгу улещивать. Ты же, Евпатий, также спешно выезжай в Чернигов, кланяйся там земно князю Михаилу и проси его не оставить нас без подмоги. Боюсь туда посылать одного брата Ингвара — и войска не приведет и сам не вернется!.. Тебя, Евпатий, я знаю. Ты не обманешь и приведешь подмогу. Бери моих лучших коней и скорей возвращайся!

Евпатий помчался в Чернигов в ту же ночь.

6. Калмиусский шлях

> В лето от сотворения мира 6745 [1237 г.] пришел безбожный царь Батый на русскую землю со множеством воинов татарских и стал на реке Воронеже близ Рязанской земли.
>
> *Летопись*

Татары шли на север старинным Калмиусским шляхом [1], по водоразделу между Доном и Донцом. Дорога была легкая. Поздний снег слегка запорошил степь, лишь кое-где в оврагах ветром намело сугробы. Бурьяна, репейника для костров было много. Степных пожаров осенью не было, и старая трава — готовый корм неприхотливым татарским коням — лежала повсюду, прибитая осенними дождями.

Бату-хан целый год бушевал в половецкой степи, громя половцев, а осенью 1237 года повел свои отряды на север. Тропы и стоянки были заранее указаны строгими повелениями Субудай-Багатура. Половецкие проводники, под монгольским надзором, под страхом казни указывали места для стоянок.

В этом трехсоттысячном татарском войске было мало коренных монголов — всего около четырех тысяч, но в разноязычной этой армии они играли главную роль и были телохранителями чингизидов. Они же наблюдали за порядком и выполнением приказов орьги и казнили ослушников.

Рядовые всадники шли налегке, без юрт. Спали они на земле, близ пасущихся коней, — ведь потерять коня в походе — это верная гибель оставшемуся в суровой степи! Многие воины имели двух или нескольких коней и в пути пересаживались с одного коня на другого.

Шатры и юрты везли только для самых знатных ханов — им не приличествует часто показываться перед простыми воинами и сидеть рядом с ними у костра. Слуги-кандальники [2] вели быстроходных верблюдов, навьюченных частями шатров и юрт, грудами расписных войлоков, медными котлами и съестными запасами: мешками муки, риса, копченой конины, соленого сала, сушеного винограда и пр.

---

[1] Шлях — дорога, тропа.

[2] Кандальник — пленный раб, обычно с железной цепью на ногах.

Слуги, звеня цепями, ставили на стоянках юрты и готовили обед для хана, его жен, военного советника, лекаря, звездочета, писаря, шамана, муллы и прочих ханских приближенных.

Рядовые воины заботились о еде сами и питались тем, что сумели достать в пути. Голод не позволял отрядам задерживаться на одном месте. Они должны были двигаться вперед и вперед, отыскивая новые запасы для питания.

Хан Баяндер со своим пятитысячным отрядом кипчаков шел впереди монголо-татарского войска. Ему поручено было производить разведки, выслеживать и ловить передовые сторожевые посты урусутов, чтобы спешно доставить пойманного «языка» в шатер Субудай-Багатура.

Баяндер выделил из отряда четыре сотни отчаянных джигитов. Они находились далеко впереди, были глазами, щупальцами отряда и каждый день доносили хану обо всем, что замечали в полосе, отделявшей половецкие владения от русских лесов.

В этой «ничьей» полосе попадались отлогие холмы, кое-где по течению рек дубовые рощицы, овраги и буераки. В оврагах могли скрываться целые полки, поджидая противника. Но хан полагался на зоркость своих передовых сотен. Отряды хана Баяндера подвигались вперед осторожно, останавливаясь на ночь у обрывистых берегов речек, опасаясь засад и высылая вперед лазутчиков из числа самых ловких джигитов.

Каждый день Субудай-Багатур гнал гонцов с приказом: «Давайте пленных! Шлите языка, или я переведу хана Баяндера в тыл войска питаться объедками будущих побед!..»

Хан Баяндер сердился, вызывал к себе и бранил тысяцких — мин-баши́. Тысяцкие ругали сотников — юз-баши́, а сотники свирепствовали над десятскими — он-баши́.

7. Долина бродячих теней

Передовая татарская сотня Тюляб-Биргена стояла в лощине. Здесь протекал ручей; заморозки покрыли его ледяной корой. Сохранилось несколько землянок, окруженных валом и бревенчатым тыном. Раньше это была

стоянка рязанского сторожевого поста. Сюда приезжали русские купцы и торговали с кочевниками, пригонявшими гурты скота. Узнав о наступлении татар, рязанцы отошли к северу. Земля кое-где была еще засыпана конским навозом и бараньим пометом.

Прискакавшая в лощину сотня Тюляб-Биргена застала только одну тощую старуху с черными горящими глазами и совиным носом. Она сидела равнодушно на пороге полуразвалившейся землянки. Обшарив землянку, татары отобрали у старухи все немногое, что нашли, оставив ей только широкие синие шаровары, изодранный чапан и глиняный треснувший кувшин, которым она черпала из ручья воду. Вечером, когда татары укладывались спать, старуха подходила к кострищу, подбирала объедки и тихо возвращалась к своему порогу.

— Ты кто? — спросил ее половецкий проводник Сентяк, приставленный к сотне.

— Ясырка...[1] кабардинка! Я издалека, из Пятигорья[2]. Пока я была сильна, меня держали на цепи и заставляли работать. А стала я слаба и стара, мне сказали: «Иди на все четыре стороны!» А куда я пойду? Да еще через степь.

А степь расстилалась кругом пустынная, запорошенная снегом, на котором то тут, то там скрещивались следы сайгаков и волков.

Всадники поставили себе из жердей и камыша косые навесы близ костров. Они проводили время, лежа у огня, или уходили на бугры и прятались там в зарослях бурьяна, следя за степью.

Часть стреноженных коней паслась в лощине, остальные кони, оседланные, были всегда наготове.

В одной из землянок с непроломанной крышей поместился сотник Тюляб-Бирген. В этой землянке сохранилась в целости пузатая глиняная печь, сложенная урусутами, и около нее нары из жердей. Сотник подолгу сидел на нарах, подобрав ноги, накинув шубу на плечи, и молча смотрел на огонь в пылавшей печи.

Джигиты прокляли это место, эту лощину и назвали ее «Долиной бродячих теней».

---

[1] Ясырка, или ясыня, — старинное название пленной рабыни.

[2] Пятигорье, или Бештау, — местность на Северном Кавказе.

— Куда загнал нас хан Баяндер? Разве в степи нет лучше места, чем эти землянки, похожие на разрытые могилы, с тощей зловещей старухой, которая сама точно вылезла из могилы и сторожит, пока мы здесь все не подохнем? То мокрый снег, то мороз, — нет времени просушить одежду! Когда же мы пойдем вперед, обогреемся у пылающих городов, переоденемся в урусутские шубы из куниц и соболей, как обещали нам ханы?

В сотне Тюляб-Биргена находились четыре сына Назара-Кяризека. Начальник сотни призвал к себе однажды четырех братьев.

— Вы, лихие джигиты, степные волки! Вы умеете прятаться, как ящерицы в песке! Отправляйтесь сегодня ночью вперед, к той далекой дубовой роще... Там заметили урусутских всадников. Надо их подстеречь. Проберитесь незаметно логами до самой рощи. Спрячьтесь там в лесном буреломе и захватите в плен хотя бы одного урусута. Свяжите его и притащите в целости...

Начальник сотни, поглаживая блестящую черную бороду, посматривал исподлобья на четырех братьев. Они стояли хмурые, будто не слышали его приказа.

— Что же вы не отвечаете?

Старший, Демир, сказал:

— Если мы приведем урусута, какая ждет нас награда?

— Расскажу про вас хану Баяндеру. Захочет его милость, будет вам награда.

— Э-э, нет! Дай каждому по овчинному тулупу! Видишь, в каких рваных чапанах приходится нам ночевать в открытом поле! А ты везешь с собой два тюка шуб, отнятых в сожженном половецком кочевье. Мы мерзнем...

— Приведите мне завтра длиннобородого урусута — будет вам по тулупу на каждого.

— Верно должно быть твое слово!

Второй брат, Бури-бай, сказал:

— Ты нам приказываешь отправиться логом до рощи, — ничего из этого не выйдет! Мы не столько боимся урусутов, как боимся итти пешими. Мы привыкли только ездить на коне и отобьем себе подошвы, раньше чем доберемся до рощи. Туда надо ехать ночью, в темноте; коней надо запрятать в овраге. А потом мы пошарим в роще — может быть, засветится костер, у ко-

торого греются урусутские дозорные. Тут мы на них и навалимся... А если урусутов там будет много? Как мы сохраним целыми наши головы? Только кони и спасут нас!

— Поезжайте, как хотите! Но только с пустыми руками не возвращайтесь, а с длиннобородым, и не полудохлым, а невредимым, чтобы можно было показать его хану Баяндеру. Ступайте! За смелым тенью бежит удача!..

8. В Диком поле

Уже три дня ратники шли на юг, все более углубляясь в Дикое поле. Рязань осталась давно позади. Первым шел конный отряд под начальством князя Пронского. Длинной вереницей тянулись всадники по проторенному веками через степь шляху. Повсюду рыскали конные разведчики, то подымаясь на отлогие холмы и одинокие курганы, то как бы исчезая за небосводом.

Шлях уходил на юго-восток сетью тропинок. По ним к холодному Залесью[1] приходили караваны из далекого Сурожа[2] с товарами для мены и торговли. Здесь же раньше пробирались отряды половцев, делая стремительные набеги на южные русские города и погосты.

Торопка шагал по шляху, пристально следя за далекими всадниками. Наслаждаясь развернувшимся перед ним привольем степи, он гордился, что участвует, как взрослый мужик, в походе. Но сейчас он мало думал об опасности. И как вспомнит о предстоящем деле, так жутко и весело становится, что придется ему биться с неведомыми людьми, страшными татарами. Может быть, он славы себе добудет, отличившись отвагой на глазах у других ратников. Отец накануне говорил: «Мы с тобой ходили на медведя, и ты, небось, уразумел, что зверь страшен, пока его не видишь, а как увидел, только и думаешь, как бы он не ушел. Татарин такой же, как мы, человечина, ничуть не сильнее, и кричит он, нападая, из боязни, и прет он, выпучив глаза от страха. А ты гляди в оба, назад не пяться, а не то врагу смелости прибавишь, и принимай его топором или на рогатину».

---

[1] Залесье — так в то время называли северо-восточную Русь.

[2] Сурож — торговый приморский город в Крыму, ныне Судак.

«Отец знает воинское дело, — думал Торопка. — Он и с суздальцами бился, и в Дикое поле ходил, и не раз возвращался домой перевязанный тряпицами».

В рязанской дружине было около двух тысяч ратников. Они шли где кому лучше, разбитые на сотни. Ратники теснились друг к другу, не смешиваясь с другими сотнями. Сотню, в которой шел Торопка, вел сотский из княжеских дружинников, на дородном коне, украшенном серебряными бляхами. Во главе некоторых сотен шли крестьянские старосты, умевшие воеводствовать и раньше ходившие в Дикое поле.

За каждой сотней тянулись товары[1]. Они состояли из саней-розвальней с плетеными коробами, в которых везли караваи житного хлеба, мешки с мукой, пшеном, салом. В такие же сани складывали кольчуги, брони, оружие и тулупы, чтобы ратникам было легче итти. На спусках и поворотах сани с деревянными полозьями раскатывались, и ратники сбегались, чтобы поддержать их и поднять опрокинувшиеся.

Ратники из Перунова бора шли дружно, в одной сотне с ярустовскими мужиками. Обычно впереди шагал в лыковых лаптях низкорослый и широкий Ваула-мордвин. Он часто пел свои мордовские песни и резко обрывал их, когда замечал в пути что-либо новое, им невиданное. Он впервые попал в степь, прожив всю свою жизнь в лесах. Когда стадо сайгаков[2] выбралось из лога и, заметив толпу людей, пустилось прочь длинными прыжками, пригнув к спине изогнутые рожки, Ваула присел от восторга, хлопая себя по бедрам.

Звяга, тощий и долговязый, занятый своими тяжелыми думами, молча шел за Ваулой и пробуждался, лишь когда тот обращался к нему:

— Ну-ка, Звяга, догони козлов! У тебя ноги длинные.

— А след ли мне за козлами гоняться? Это вы, мордвины, прытки ловить за уши зайца поскакучего. Ты и беги за ними.

Кудряш шел в стороне. Он часто взбегал на курганы, всматривался в даль и указывал:

---

[1] В X—XII веках военные обозы на Руси назывались «товары». Повидимому, это слово заимствовано с половецкого (тюркского) языка: «табур» — табор.

[2] Сайгаки — дикие козы.

— Там с востока Сосновая Ряса течет, а с запада — Ягодная Ряса. Обе речушки впадают в реку Воронеж. А вот там под яром [1] прошлый год стояли белые вежи половецких ханов. Они пригоняли баранов и быков на продажу. Я у них дней двенадцать жил; для ихнего хана набивал на телеги железные скобы и ободья на колеса. Ничего люди! Не обманщики! Я по-ихнему говорить научился. Они называют себя команами [2]. У меня остались среди них кардаши... [3] Весной в степи хорошо. Трава выше человека. Быки в ней с рогами укроются. Когда табунщики собирают много молока, они делают сыр, а из кобыльего молока хмельной кумыс и арзу [4]. Весной все половцы ходят веселые, у костров песни поют и пляшут...

Дикорос шел молчаливый и угрюмый. Раза два он в раздумье сказал Торопке:

— Вернемся ли мы целы домой?..

Когда стало темнеть, сотня сделала привал на отлогом берегу речки. Другой берег был высокий и обрывистый. Там на ночь затаились дозорные. Сани поставили кольцом. В середине кольца развели костры. Жгли репей и бурьян, собранный засветло, чтобы всю ночь не потух огонь. Стреноженные кони паслись невдалеке, поедая прошлогоднюю траву и камыши.

Ратники, разобрав с телег тулупы, лежали на них вповалку у костров, слушали рассказы бывалых людей о Диком поле, о жизни русских кандальников в половецком плену.

Среди ночи отец разбудил Торопку и сказал, что сотник приказал ему итти в дозор сторожить на высоком бугре до рассвета.

— Затаись там и виду не показывай, не шелохнись — татаровья могут подкрасться и прирезать... А коли что приметишь, подымай тревогу!

Торопка взобрался на бугор и затаился между кустами сухого репейника. Кругом было темно. В овраге, близ речки, догорали костры. Около них виднелись спящие ратники. Невдалеке тревожно фыркали кони, точно чуя близость зверя.

---

[1] Яр — высокий берег.
[2] Команы, или куманы, — одно из названий половцев.
[3] Кардаш — побратим, товарищ.
[4] Арза — водка из молока.

Торопка сидел насторожившись, крепко сжимая в руках рогатину. Сон убегал, и усталость пропала. Все время ему казалось, что в темноте подползает татарин или половчин, держа в зубах длинный острый нож...

Сквозь клочья туманных низких туч кое-где проглядывало темное небо, усыпанное мелкими звездами. Тихо шуршали высокие стебли бурьяна. Задумавшись, Торопка вспомнил последние объятия матери, пронзительные крики баб, цеплявшихся за уходивших мужиков, и в стороне точно застывшую, с неподвижными расширенными глазами Вешнянку...

Заунывный тягучий крик донесся издалека из степи. Так иногда ночью кричит в лесу неясыть[1]. Другой тонкий вой послышался где-то ближе. Что это? Волки? Или татарские лазутчики подают весть друг другу и подбираются в темноте?

Среди темной ночи небо светится, и на нем четко видны стебли сухого репейника. В одном месте стебли сильно закачались. Ого! Это неспроста! Кто-то пробирается через заросли... Вдруг ясно показалась голова человека. Он приподнялся, повернулся, осматриваясь, и снова бесшумно опустился в траву... Свой или враг? Закричать и звать на подмогу?.. Враг убежит. А если это свой, засмеют, что зря всполошил.

Торопка вслушивается в каждый шорох и ждет, не покажется ли снова голова... Да... это человек, он теперь ближе. Торопка ждет и слышит заглушенный шум, точно дыхание зверя... Он чувствует острый запах овчины и шопот... не русский... непонятная речь... Кто-то здесь, совсем близко, затаился... Заметят — поразят мечом или стрелой. Нельзя медлить. Надо его опередить. Рогатина в руках наготове, ее конец отточен, как жало. «Может, славу получу за отвагу?» мелькнуло в сознании.

Все силы напряг Торопка и бросился вперед. Рогатина воткнулась во что-то упругое. Стон, хриплый, сдавленный, чтобы не выдать себя, и жалобный... В тот же миг тяжелая туша навалилась на Торопку. Другая туша упала на ноги. Жесткие ладони обхватили лицо, сдавили нос, пальцы крепко сжали рот, не дают вздохнуть...

Торопка забился, стараясь вывернуться, но кто-то

---

[1] Неясыть — ночная птица из породы сов.

безжалостно сжимает, стискивает горло... Его волокут по земле. Как дать знать своим? В беде отец сына не оставит. Но Торопке дышать нельзя, не то что крикнуть.

Его тащат через заросли; колючки засохшего репейника рвут одежду и больно царапают. Руки, жесткие и сильные, запихивают ему тряпку в рот, завязывают лицо. Крепко скручивают веревками ноги и руки.

«Эх, пропал Торопка, заторопился!..»

9. Первый русский пленный

Мороз усиливался; легкая снежная пыль неслась над землей и засыпала лежащих... Сотник Тюляб-Бирген, накинув на плечи баранью шубу, сидел среди воинов и молча, немигающими глазами смотрел на перебегавшие по веткам огоньки костра. Издалека донесся заунывный вой волка: показались тени на равнине. Зверь или человек? Враг или друг?

— Первый десяток! — приказал, не шевельнувшись, сотник.

Десять джигитов вскочили и направились к коновязи. Они поднялись по скату на конях, запорошенных снежной пылью, и тени их скрылись во мраке ночи. Сотник отошел к своей землянке. Остальные джигиты, оправляя оружие, настороженно прислушиваясь, продолжали сидеть у огня.

— Наши! — сказал чей-то голос.

На бугре показались четыре всадника. Возле переднего плелся пленный, без шапки, со связанными за спиной руками. Светлые, как кудель, волосы сбились, лицо искривилось от боли. Ноги с трудом передвигались. Второй всадник сидел, пригнувшись к гриве коня, и непрерывно повторял:

— Вай-уляй!.. Жжет!.. Огонь в груди!.. Воды, дайте холодной воды! Помогите затушить огонь в моем животе!

Медленно спустились всадники по косогору и остановились у костра. Сотник, заложив руки за пояс, подошел к пленному и внимательно всматривался в него. Высокий худой юноша, в холстинных портах, в расстегнутой рубахе и босой, стоял равнодушный, окаменелый, с посиневшим от холода лицом и облизывал рас-

сеченную верхнюю губу, из которой сочилась кровь. Только на миг метнул он ненавидящий взгляд в сотника и опять уставился в одну точку.

Три брата, соскочив с коней, осторожно сняли четвертого и положили на войлок около костра. Раненый лежал на спине, с полузакрытыми глазами, с бледным вытянувшимся лицом. Рот кривился от боли, губы что-то шептали.

Мулла Абду-Расуллы опустился на пятки возле больного и, вглядываясь в его лицо, строго говорил:

— Повторяй за мной: «Бог царь царей! Слава аллаху! Нет бога, кроме аллаха, и бог велик!»

Сотник Тюляб-Бирген долго стоял возле раненого; подняв правую бровь, всматривался в его судорожно дергавшееся лицо, наконец безнадежно махнул рукой и, сбросив с плеч баранью шубу, сам покрыл ею умиравшего джигита.

К сотнику подошли вернувшиеся братья. Бури-бай сказал:

— Как ты нам приказал, мы пробрались оврагами до дубовой рощи. Там внизу мы оставили коней, сами проползли на высокий бугор. Увидели лагерь урусутов. Их было с тысячу воинов. Усталые от дороги, они храпели на всю степь. Чтобы выкрасть одного из спящих, Демир двинулся первым и наткнулся на вот этого мальчишку, притаившегося в кустах. Он всадил Демиру рогатину в живот и перерезал кишки. Кишки выползли. Пришлось их затолкать обратно в живот, как попало, вместе с песком. Мы навалились на этого сосунка, связали его и заткнули ему тряпкой рот, чтобы не взбудоражил урусутов. Кабы не твой приказ притащить живьем, мы бы тут же прирезали его за брата, за Демира! Такого храброго брата, смелого укротителя диких коней, потерять из-за щенка! Приволокли мы к лошадям и Демира и этого волчонка... Мы ехали медленно. Демир едва держался на коне. А урусуты могли нас догнать по следам. Сутки мы просидели в дубняке, выжидая. И справа и слева проходили отряды урусутов. На следующий день мы потеряли дорогу и долго искали эту долину, и вот теперь мы перед тобой. Мы свое дело сделали, а брата Демира уже зовет к себе аллах. Отдавай обещанные тулупы!

Сотник отвечал сухо:

— Храбрый был джигит Демир! Аллах его успокоит в своих райских рощах... Моя шуба уже на нем... Вам шубы отдаст хан Баяндер. Я ему расскажу про ваше усердие... А почему вы ободрали пленного раньше времени? Зачем вы сняли с него чапан? Почему он босой? Я должен пленного привести хану Баяндеру целым и необмороженным. Сейчас этот язык для великого хана дороже всех нас, вместе взятых, а голый урусут подохнет этой же ночью.

— Без шуб и мы околеем!

Ворча и ругаясь, три брата стали одевать пленного, наворачивать ему на ноги онучи и подвязывать лапти. Проводник Сентяк, знавший много русских слов, расспрашивал пленного, сколько всех урусутских воинов, хотят ли урусуты драться.

Пленный говорил мало и отрывисто. Глядел злобно и все облизывал окровавленную верхнюю губу. Переводчик объяснял:

— Зовут его Торопка, родом он из лесной деревни Перунова бора. Сколько войска, он не знает. А драться с татарами хотят все урусуты и все пошли на войну.

Сотник внимательно слушал и заставлял муллу записывать все сказанное на лоскутках с колдовскими заклинаниями. Сентяк использовал все русские слова, какие знал, и больше ничего не мог выпытать у пленного. Даже несколько ударов плетью по голове не помогли сотнику узнать еще что-нибудь от упрямого мальчишки.

Сотник сказал, что сам отвезет пленного к хану Баяндеру. Его гнедой жеребец, уже давно оседланный, был привязан возле землянки. Десять джигитов будут сопровождать его. Но ехать в метель среди ночи опасно. Тропы исчезли под падавшим снегом, и вьюга все усиливалась. Оставалось ожидать рассвета, и сотник ушел в свою землянку.

Торопка сидел на земле близ костра. Руки, закрученные за спиной, затекли и мучительно ныли. Снег непрерывно сыпал на голову и на плечи, но он не мог стряхнуть его с себя. Петля аркана давила шею, а конец аркана держал в руке молодой джигит, сидевший рядом. С другой стороны на конском потнике лежало тело Демира, покрытое бараньей шубой. Он давно уже перестал стонать и навсегда затих.

Прошло много времени. Костер почти совсем дого-

рел. Последние огоньки перебегали по тлеющим в золе красным углям. Весь лагерь заснул. Не спал Торопка, думая, как бы вырваться из плена, и не спала старая ясыня. Она сидела на пороге своей землянки и напряженно смотрела черными глазами на огоньки костра. Дождавшись, когда джигит-часовой прилег на бок, она поднялась и бесшумными кошачьими движениями приблизилась к костру. Но не остатков еды искала старуха. Она склонилась к лицу похрапывающего джигита, отшатнулась и сделала шаг к Торопке. Вытащила из широких складок своих синих шаровар обломок отточенного ножа, осторожно перерезала волосяные веревки и безмолвно указала рукой в ту сторону, где стоял гнедой жеребец сотника. Так же бесшумно ясыня удалилась и исчезла.

Торопка почувствовал, как ослабли веревки, но долго не мог сделать ни одного движения онемевшими руками. Медленно приливала кровь, постепенно начали шевелиться пальцы. Волнуясь, Торопка выжидал и посматривал на спящего часового. Наконец поднялся и осторожными шагами направился по мягкому пушистому снегу к гнедому коню. Дрожащими руками отвязал повод и оказался в седле...

Он был на бугре, когда услыхал позади себя крики. Но ветер уже свистел в ушах, снег бил в лицо, а сильный жеребец упругими прыжками уносил его вперед, в простор беспредельной пустыни.

Часть четвертая

ПЕРВЫЕ СХВАТКИ С МОНГОЛАМИ

1. Рязанское посольство к Бату-хану

Отправляясь во главе посольства в Дикое поле, князь Федор обо всем позаботился. Был он хотя и молодой, но настоящий хозяин домовитый, ничто не ускользало от его зоркого глаза. Он переговорил с боярами, и с прибывшими с разных концов князьями и воеводами, и с простыми крестьянами, заполнившими возами городскую площадь. Хотел он знать, крепко ли они будут стоять за русскую землю и как ему договариваться с царем татарским.

Все говорили одно: «За нас не бойся! Мы грудью встанем против иноземцев!»

Князь Федор Юрьевич страха не знал. С юных лет он был удалой охотник: и на пардуса[1] ходил, и на медведя, и на тура. Он и теперь, по решению отца, ехал в лагерь царя Батыги, как раньше ходил на лютого зверя: «Где не возьмешь силой, пытайся взять уловкой!»

[1] Пардус — барс.

Узнав от бежавших половцев, что с царем Батыем соединились десять мунгальских царевичей, князь Федор, по совету отца, отобрал одиннадцать лучших рослых жеребцов с пышными хвостами, шелковистыми гривами. Жеребцы были вычищены, гривы намочены квасом, заплетены и перевиты красными лентами. Крутые гладкие спины покрыты пестрыми коврами. Двенадцатого коня решил подарить главному полководцу Батыеву, его правой руке, темнику Себядяю.

Что же медлит князь Федор? Уже возы пущены вперед; уже все двенадцать коней, нарядные, разукрашенные яркими лентами, один за другим ушли под охраной опытных конюхов; уже к крыльцу княжеских хором подвели статного рыжего коня, несущегося как ветер,— подарок половецкого хана; уже и спутники Федора, князья и хитроумные бояре, все в походных шубах и собольих колпаках, столпились у крыльца, а Федор возвращается в светлицу, выходит на крыльцо и озабоченно посматривает по сторонам.

Кто-то воскликнул:

— Вот и гостья долгожданная!

Из-за угла дома вылетело несколько всадников. Во весь мах, взбивая снежную пыль, прискакали они к крыльцу. Два дружинника соскочили с коней и схватили под уздцы серого в яблоках иноходца. С него легко спрыгнула молодая женщина в простом бараньем полушубке и зеленой бархатной шапочке, отороченной темным соболем. С первого взгляда ее можно было принять за юношу — и сапоги у нее высокие сафьяновые, и подпоясана ремнем, под ним короткий меч, но румяное лицо ее с блестящими карими глазами было всем знакомо: рязанцы всегда видели в соборной церкви рядом с князем Федором его молодую жену, заморскую греческую царевну [1] Евпраксию.

Как девочка, легко побежала она навстречу Федору, сходившему с крыльца, и бросилась ему на шею.

— Все боялась, не захвачу тебя, Федор. Всю дорогу мчалась, меняя лошадей. Зачем уезжаешь?

---

[1] Заморская царевна. — До монгольского ига русские князья женились иногда на европейских принцессах, герцогинях и т. д., а русские княжны тоже часто выходили замуж за владетельных особ Западной Европы. Вообще древняя Русь до монголов была в очень тесных сношениях с Западом, высоко ценившим Русь.

Федор, обняв за плечо Евпраксию, поднялся на крыльцо. Навстречу спешила княгиня-мать Агриппина в наброшенном наспех темном лисьем шушуне. Дрожащими руками обняла она молодую невестку, и обе заплакали.

— Успокойся, Евпраксеюшка! — утешал Федор. — Не воевать еду, а о крепком мире договориться. Все улажу, да и советчики мои опытные мне помогут и придумают, как утихонить татарского царя Батыгу. А где же наш Ванятка?

— Едет с мамушкой. А я не могла дольше ждать в возке и помчалась вперед.

— Ну и девчонка же ты еще! — сказала, покачивая головой, старая княгиня Агриппина.

— И я то же говорю, — прервал Федор. — Тебе бы хороводы водить! — Шопотом на ухо добавил: — Вот за то и люблю тебя! Знаю, что ты готова со мной всюду, — хоть на охоту ехать, хоть в поле воевать.

— Возьми меня, Федор, с собой! Может, и я сумею смягчить татарского царя.

Федор приблизил к себе юное розовое лицо и поцеловал его. Затем бережно снял цеплявшиеся руки и мигнул матери. Та обняла Евпраксию. Молодая княгиня торопливо расстегнула свой полушубок.

— Постой, Федор! Возьми мое жемчужное ожерелье из Царьграда. Может, ты сумеешь ублажить им царицу татарскую, и она успокоит яростного царя. Да еще возьми с собой мое благословенье... — Она сняла с шеи золотой круглый образок на серебряной цепочке.

Федор скинул колпак, наклонил голову с прямым пробором и расчесанными на две стороны русыми волосами к молодой жене. Она надела ему на шею иконку. Федор поцеловал в последний раз Евпраксию в лоб, резко повернулся и, стуча подковками красных сапог, сбежал с крыльца к нетерпеливо перебиравшему ногами коню.

Евпраксия закричала и заплакала на руках старой княгини, а князь Федор, сдерживая сильного коня, направился, не оглядываясь, через засыпанную снегом площадь.

Хмурый, с сдвинутыми бровями, вглядывался он в сизую туманную даль. Кое-где чернели небольшие рощицы. Низкие серые тучи медленно плыли над пустын-

ными полями. Слышался унылый свист ветра, хриплое карканье ворон и гомон галок, кружившихся над широким шляхом, ведущим в Дикое поле.

Рязанское посольство ехало в лагерь Батыя четыре дня. По пути встречались русские сторожевые заставы.

Хотя князь Федор вез с собой шатер, но поставил его только на четвертый день, когда вдали показались татарские заставы. Спал Федор на земле, у костра, подостлав бараний тулуп, кормился вместе с воинами и слугами. На всю ночь выставлял охрану: от татар можно было ожидать всякой беды.

На последней русской заставе ему рассказали о мальчике-воине, который сразил рогатиной татарина и был захвачен в плен, но перехитрил татарских сторожей и на отличном коне прискакал обратно.

Князь Федор потребовал его к себе, спросил имя, кто отец и с какого он погоста. Похвалил его и приказал выдать ему пару новых сапог.

— Ай да молодец, Торопка-расторопка! Порадовал меня! Коли придется воевать, у нас найдется еще немало таких удальцов. Не удастся ворогам задавить нас!..

2. В татарской орьге

Джихангир стоял большим лагерем на реке Воронеже среди дубовой рощи, когда ему сообщили о прибытии русского посольства. Батый, желая показать свое величие, передал через векиля, что он занят государственными делами и примет коназа Федора через несколько дней.

Русские поставили на берегу шатры. Один большой княжеский с золотой маковкой и три малых, пестрых, из бухарской полосатой ткани. Субудай-Багатур окружил лагерь стражей, чтобы оберегать урусутов от дерзостей татарских воинов, которые сразу полезли в шатры и хватали все, что попадало под руку.

Батый пожелал видеть привезенные урусутами подарки. Но послов он все же к себе не допустил.

Урусутские конюхи привели под уздцы двенадцать коней. Один вороной конь был в сбруе под седлом, украшенным золотом, жемчугом и парчевым чепраком. Это подарок лично Бату-хану. Другие кони были покрыты ценными коврами.

На повозках было много шуб, лисьих и собольих, крытых аксамитом и парчой. Десять воинов несли связки ценных мехов. В каждой связке — по сорок лучших темных собольих шкурок.

Отдельно для Батыя были еще такие подарки: меч с золотой рукоятью, серебряное блюдо, чаши и кубки, а для его жен — украшения из драгоценных камней: жемчужные повязки на голову, золотые ожерелья, перстни и запястья.

Батый, суровый и недовольный, стоял возле шатра и равнодушно следил, как проносили подарки. Он получал из китайских дворцов более роскошные и искусно сделанные дары. Улыбнулся, только когда перед ним провели под уздцы на серебряных цепях двенадцать коней, один прекраснее другого. Впереди вели коня для Батыя. Он полюбовался вороным конем с белыми до колен ногами, который косился огненным глазом, поджимал зад и пытался укусить державших его конюхов. Остальных коней велел отвести к царевичам.

После того как русских послов шаманы окурили священным дымом, они были наконец приняты Батыем. В его шатре собрались чингизиды и главные военачальники. Джихангир сидел на золотом троне, в шапке, украшенной большим яхонтом, в одежде, расшитой золотыми драконами. По левую сторону сидели на ковре его жены — семь звезд Бату-хана. Они уже украсились подарками, привезенными рязанским князем. На старшей, Буракчин, было ожерелье из крупных жемчугов, на других — золотые запястья. У младшей, Юлдуз, — на лбу повязка из жемчужных нитей. Ханы и военачальники сидели тут же на коврах.

Князь Федор, роста среднего, статный и широкоплечий, с спокойным видом и прямым взглядом, вошел без оружия, которое при входе в шатер отобрали нукеры. Князь Федор сделал два шага и остановился в полумраке шатра, едва различая сидевших. За ним вошли знатные князья и четыре боярина — советники. Князья были тоже молодые, а бояре — старые, поседевшие в хитроумных уловках. Они выстроились в два ряда. Федор снял соболий колпак и низко поклонился Батыю, коснувшись пальцами ковра. Его свита сделала то же самое. Федор сказал:

— Здравствуй на много лет, царь татарских стран, владыка и начальник храброго татарского войска!

Батый молчал, зажмуря глаза, и прошептал сидевшему у его ног переводчику — рязанскому князю Глебу Владимировичу:

— Как этот невежа мне кланяется? Скажи ему, что он мне не ровня, а мой слуга. А слуги целуют землю.

Глеб Владимирович сидел на пятках, в изгибающейся подобострастной позе, прижавшись к трону. Он сказал послам:

— Князь Федор Юрьевич! Ты перед кем стоишь? Перед величеством мунгальским — и не сгибаешь колен? Ты забыл, верно, что царь Бату-хан владеет половиной мира, что он внук царя Чингиз-хана, владыки всех восточных земель? Скорее упади лицом на землю и покажи, что ты чтишь его величие.

— Что-то лицо твое мне больно знакомо, — ответил Федор. — Не ты ли князь Глеб Володимирович? Не ты ли изменой завлек братьев своих на пир и всех перебил? Теперь вот куда ты переметнулся — помогаешь татарам губить русские земли? Объясни хану, твоему новому хозяину, что мы, хрестьяне, земной поклон делаем только перед святой иконой, когда творим молитву царю небесному. Эх, князь!.. Встретились бы мы в поле, не так бы с тобой заговорили...

Бояре перешепнулись:

— Живуч Иуда!..

Глеб перевел слова Федора. Исказилось лицо Бату-хана.

— Вся вселенная поклонялась моему деду, «священному воителю». По всему миру он пронес величие монгольского имени. А вы одни, урусуты, думаете спорить с нами? Все народы, которые с нами спорили, обращены в пыль и пепел. На что вы надеетесь?

Федор ответил:

— Я слышал о твоем великом деде, хане Чагонизе. Я почитаю и этого великого воителя и тебя, как его внука, и желаю тебе здоровья и благоденствия на много лет. Но для чего тебе, столь богатому и сильному, нужны еще наши бедные рязанские земли? Вы, татары, живете в степях, кони ваши любят ковыльную траву. Мы же, русы, запрятались в лесах, живем в дымных избах. Почему нам не быть с тобой добрыми соседями?

Глеб прошипел:

— Как дерзит, сосунок! Как смеешь ты так отвечать владыке непобедимых мунгалов?

Батый сказал несколько слов сидящему по правую руку Субудай-Багатуру. Федор догадался, что старый толстый монгол с единственным выпученным глазом и есть прославленный полководец, советник татарского царя. На лице Субудая, изборожденном морщинами, с багровым шрамом через правую бровь, нельзя было прочесть ни одной мысли. Застывшее его лицо было неподвижно, как у истукана. Субудай сказал:

— На небе одно солнце, так и на земле один владыка, монгольский каган. Все должны ему поклониться и поцеловать перед ним землю. И вы, урусуты, сделайте это доброй волей. Вы будете платить дань кагану и прославлять в молитвах его имя. Бату-хан поставит свой священный сапог вам на шею... Напрасно вы до сих пор не покорились.

— Мы почитаем, как соседа, царя татарского, — твердо заявил князь Федор, — но рабами его мы не будем никогда!

— Дзе-дзе! Дзе-дзе! — покачал головой Субудай-Багатур. — Скоро ты пожалеешь, что говорил так дерзко с джихангиром.

В шатер вошел бауршй[1] и, пав на землю, прошептал:

— Разреши, Ослепительный, принести все, что приготовлено для твоего пира.

— Неси! — сказал с полузакрытыми глазами Бату-хан. — Подойди ко мне!

Бауршй опустился на колени перед троном. Бату-хан шепнул ему несколько слов.

— Будет сделано, Ослепительный! — прошептал бауршй и выполз из шатра.

Князь Глеб насмешливо наблюдал за Федором и его свитой, поглаживая рукой, украшенной перстнями, черную с проседью бороду. Он был одет в поношенный аксамитовый кафтан, чем сильно выделялся среди разряженных татарских ханов. Хищным взглядом темных глаз и орлиным носом он походил на облезлого, но все же страшного орла. Наконец он сказал послам:

---

[1] Бауршй — приближенное лицо, которому поручалось ведать угощением.

— Что же вы стоите, гости дорогие? Вас не звали, сами напросились! Но раз попали на пир, то и вам угощенья хватит. Садитесь, где стояли.

Дородный, осанистый князь Ижеславльский прошептал Федору:

— Не идет это место к голове, а голова к месту. Потерпим еще ради земли русской. Потрудись, князь Федор, ради чести твоей и нашей. Воротиться домой — просто, а договориться с татарами трудно.

Молодой князь Муромский сказал:

— Чую, что всем нам не вернуться: ни мне, ни тебе. Сядем да посмотрим, сладка ли честь татарская.

— Садитесь! Бату-хан приглашает вас обедать! — сказал баурши.

Послы отступили к стенке шатра. Опустились на ковер, подобрав под себя ноги.

Князь Федор и его спутники не раз бывали у половецких ханов и знали их обычай: на пирах во время угощенья всякое блюдо, всякий кусок мяса имеют свое значение, свой порядок и показывают степень почета угощаемого. Поэтому русские зорко наблюдали, будет ли им как послам оказан почет и какой именно.

Слуги входили парами, торжественно неся перед собой на вытянутых руках одно золотое, а за ним серебряные блюда.

Баурши, распределявший мясо и угощенье согласно древним дедовским правилам, взял золотое блюдо из рук слуги, остановился перед Бату-ханом и опустился на колени. На блюде лежали: тазовая кость с мясом и голова барана. Батый принял двумя руками блюдо и поставил перед собой. Он выхватил из-за пояса тонкий нож, отрезал одно ухо барана, передал голову старшему брату, хану Орду. Тем временем ловкие слуги бесшумно скользили между гостями и ставили перед ними блюда. Некоторые татары получили по блюду каждый — знак высшего почета. Следующим подавали по одному блюду на двоих.

Федор и его спутники внимательно следили за разносимыми блюдами и понимали: вот эти два хана, получившие правую и левую лопатки, — начальники правого и левого крыла войска; эти, грызущие коленные кости, находятся в передовом отряде.

Грудинка была передана старшей жене. Мелкие части розданы другим женам.

Баурши произнес молитву, после чего все татары принялись за еду.

О послах все забыли... Нет, слуги принесли два блюда и поставили перед ними на ковре. Но что в них было! Остатки от ног, почки, кишки и кости хвоста.

Им дали те части, которые уделяются низшим слугам и мальчикам, подкладывающим катыши кизяка под котел. Ни один из русских не коснулся блюда.

Князь Глеб ел из одного блюда с другими татарами. Он повернулся к послам.

— Что же вы, гости дорогие, мало едите? Хозяин обидится.

Князь Муромский ответил:

— Мы помним половецкую пословицу: «Иди на пир, поевши дома досыта». Благодарим ласкового хозяина за щедрое угощение.

Наконец все обедавшие покончили с мясом и стали вытирать вымазанные в сале руки о цветные платки, полы шуб и голенища сапог. Слуги принесли серебряные подносы, где стояли кубки и чашки разной величины и формы с хмельными напитками.

Русским послам также принесли чаши, полные хмельной хорзы.

Все стали пить. Русские сделали вид, что подносят чаши к губам. В это время один охмелевший хан воскликнул:

— Пусть погибнут урусуты, как саранча под ногой верблюда!

Другие ханы воскликнули:

— Да разлетятся урусуты, как воробьи перед кречетом, как шакалы перед борзой-волкодавом!

Послы опустили чаши и поставили их перед собой.

Батый увидел, что русские не пьют, и спросил:

— Что же не пьете? Скучаете? Зачем же без жен приехали? Вы бы привезли их с собой!

Услужливо извивающийся перед Батыем князь Глеб добавил:

— Следовало бы князю Федору привезти свою молодую жену Евпраксию. Она заморская царевна и славится красотой, как звезда на небе...

Батый пренебрежительно перебил Глеба:

— Верно! Хорошо бы ты поступил, князь Рязанский! Скачи скорей домой и привези нам молодую жену. Она бы нам и спела и поплясала.

Князь Федор, сдерживаясь, ответил спокойно.

— Так говорить тебе, царь татарский, недостойно. Если б ты нас в войне одолел, тогда бы ты завладел всем, что мы имеем.

Князь Ижеславльский шепнул князю Федору:

— Нам здесь больше делать нечего.

— И я думаю так.

Князь Федор встал. Батый, прищурив глаза, смотрел на него.

— Ты прости меня, светлейший хан, но мы должны ехать домой. Мы рады быть друзьями с тобой и заключить нерушимый союз доброго соседства. Однако у нас говорят: «Насильно мил не будешь». Быть твоими верными друзьями мы можем, но сделаться твоими рабами-кандальниками — никогда! Если ты пойдешь на нас войной, то спор решат наши мечи.

Федор и его друзья поклонились, сняв колпаки. Затем Федор выпрямился и, не оглядываясь, медленной походкой вышел из шатра. За ним последовала свита.

Батый шепнул несколько слов Субудай-Багатуру. Тот пальцем сделал знак одному из воинов, стоящих у дверного полога, затем, кряхтя, поднялся и, пятясь, проковылял к выходу.

Батый, вцепившись в ручки трона, сидел неподвижно. Все замерли. Вдруг конский топот... Крики... Возгласы ярости... Шум и лязг железа...

Батый сидел попрежнему неподвижно. Никто не решался шевельнуться. Все прислушивались, ничего не понимая.

Вернулся Субудай-Багатур. Его глаз сверкал. Лицо покрылось каплями пота. Он задыхался.

— Раздавил? — спросил Бату-хан.

— Дерзкие послы наказаны. Остался в живых один старый слуга. Он бился над телом коназа Федора и до сих пор стоит над ним с мечом в руках.

— Я хочу его видеть. Коназ Галиб, приведи его!

Князь Глеб Владимирович поспешно поднялся и, разминая ноги, пятясь по-монгольски, вышел из шатра. Он вернулся с высоким седым стариком. Два монгольских

воина держали его за локти. Лицо старика было рассечено, кровь текла по белой бороде.

— Кто ты? — спросил Батый.

— Я пестун и слуга князя Федора Юрьевича.

— А звать тебя?

— Апоница.

— Хочешь служить у меня? Ты будешь в почете.

— Прикажи меня зарубить, а служить тебе не буду!

Младшая жена Батыя, Юлдуз, сказала дрожащим, слабым голосом:

— Джихангир, отпусти его!

Батый молчал, потом, тряхнув головой, сказал:

— Я дам тебе коня. Разрешаю тебе ехать обратно. Расскажи коназу Рязанскому, что его сын за дерзкую грубость перед царем вселенной казнен. Субудай-Багатур, приставь к этому урусуту надежных нукеров. Прикажи, чтобы они довезли его невредимым до первого урусутского военного поста.

Монголы вывели из шатра ослабевшего Апоницу. Батый и его гости продолжали пир и обсуждали дальнейшие планы. Выступать против урусутов решено было на следующий день.

3. Монголы наступают

Первым стремительно унесся тумен Субудай-Багатура. Субудай упорно пробивался через сугробы. Половецкие проводники лишь одни обнаруживали и указывали едва заметные тропы. Субудай держал их возле себя и расспрашивал обо всем, что казалось ему непонятным.

Его передовой разъезд захватил в лесу трех охотников. На поясах у них висели убитые белки. Около них вертелась лохматая собака.

Пленных привели к Субудаю. Он сидел на саврасом заиндевевшем иноходце. Из-под лилового малахая с наушниками виднелся только его сверлящий глаз.

— Что вы тут делаете? — спросил Субудай через переводчика.

— Белкуем.

Переводчик объяснил Субудаю, что охотники ходят по лесу, бьют стрелами и ловят в ловушки белок.

— А где вы спите? Уходите ли назад в свой дом?

— Нет, недосуг. Пока мы промышляем, мы спим в лесу. Изба далеко.

— Как же вы спите в лесу? Как заяц в снегу?

— Зачем как заяц! Мы копаем в снегу яму до самой земли, чтобы сухо было. И уже на земле разводим костер. Тогда мы спим возле костра, как на печке, и ложимся на то место, где горел костер.

— И тепло?

— Как в избе. Снимешь шубу, набросишь на плечи, греешься и спишь.

— А какой костер? Из чего? Из веток?

— Зачем? Свалишь три лесины, разожжешь их посредине — лесины и пылают всю ночь, одна от другой разгораются, жар берут. Ночью встанешь, передвинешь обгорелые концы лесин в огонь и опять заснешь.

— Покажи, как ты рубишь лесину.

— Можно! Почему не показать!

Охотники вытащили из-за спины топоры, поплевали на руки, ловко и быстро срубили три еловых лесины, оттащили и сложили рядом, обрубив ветки. Посредине, быстро высекая о кремень железным огнивом искры на трут, подожгли ободранную кору, положили еловые ветки, и лесины запылали веселым пламенем.

Субудай внимательно следил за работой охотников и сказал своим помощникам:

— Урусутов не убивать, а брать в плен и гнать перед собой. Эти охотники будут показывать пленным, как прорубать просеки. По ним мы протащим к Рязани наши китайские камнеметные машины.

4. Княгиня Евпраксеюшка

Проходили дни, а от посольства, отправившегося к татарам, не было известий. В Рязани стали не на шутку тревожиться:

— Что с послами? Почему не шлют гонцов? Скоро ли приедут?

Княгиня Евпраксеюшка места себе не находила:

— Зачем я отпустила Федора?

Часами просиживала она в высоком тереме, все глядела в окно на далекую снежную равнину, не покажутся ли долгожданные путники.

Но уныло простиралось бескрайнее поле, пустынное,

неприветное. Напрасно искали темные глаза Евпраксеюшки — не видно было поезда посольского. Туманились прекрасные глаза, заливаясь слезами; роняла она голову на беспомощные руки.

— Ну что же ты, родная, убиваешься! — уговаривала ее старая мамушка. — Ладно ли так? Приедет князь-батюшка, что скажет! Не уберегла тебя.. Смотри, как похудела, вся истаяла, как свечка.

— Мамушка, нянюшка! Чует сердце мое беду...

— Полно, что ты! Еще накликаешь...

И няня торопливо крестилась и кланялась иконам в переднем углу.

Евпраксия, в тоске и тревоге бродя по хоромам, услышала озлобленные, раздраженные голоса и вошла в гридницу. Там собрались съехавшиеся на совет князья и воеводы. Они сидели и спорили, кричали, шумели. Один говорил одно, другой не соглашался, и решить ничего не могли. Ели и пили за длинным столом и снова принимались за споры.

— Надо еще раз послать гонцов во все большие города, — говорил важный седой князь. — Надо собрать всех князей, весь народ, надо всем миром, сообща, итти против татарских полчищ.

— Соберешь вас! — возражал Юрий Игоревич. — Посылал я во Владимир-Суздальский к князю Георгию, а что толку? Даже не ответил!

— Неужто великий князь Владимирской не оставит своей гордыни? Неужто не двинет свои полки на подмогу?

— Будет медлить! Наше разорение ему наруку: он давно хочет себе примыслить рязанские земли...

Старый князь уныло покачал белой головой:

— Пора бы оставить раздоры и ссоры. Каждого из нас в отдельности легко татары осилят. Будем вместе стоять, тогда им с нами не справиться. Надо нам соединиться, одной головой думать!..

Молодой князь вспыхнул и вскочил с места:

— А этой головой не тебя ли назначить?

— Куда мне! Я стар!

— Знаю я тебя! Ты давно ищешь власти, а я к тебе под начал не пойду!

— Довольно ссориться!—вмешался Юрий Игоревич.— Если к Батыге под начал попадем, хуже будет! Я мыс-

лю выйти с моими рязанцами навстречу татарам в Дикое поле, чтобы задержать их там, пока из Владимира не подойдет подмога.

— Одних рязанцев мало, — возразил старый князь. — Надо поднять народ всей земли русской, призвать всех, и земян и городских...

— Что толку с простых смердов сиволапых! — запальчиво вставил слово один воевода.

— Может, больше толку, чем с иных воевод! — вызывающе ответил молодой князь.

Сидевшие вскочили и бросились друг на друга.

— Стыдитесь, князья! — успокаивал споривших князь Юрий. — Одумайтесь! Всем нам погибель грозит, а вы что делаете?

— А сам ты что сделал? — крикнул дерзкий голос.

— Я сына не пожалел, к татарам отправил! — с достоинством отвечал Юрий Игоревич. — Бог знает, что с ним случилось! Нет ли беды? До сих пор нет вестей...

— Может, удалось ему уговорить царя Батыгу? Может, не пойдут на нас татары?

— А чего нам их бояться? Кто их видел? Может, и не страшны они вовсе?

Князья снова заспорили, снова зашумели, стараясь перекричать друг друга.

Евпраксия постояла в дверях, послушала и печально вернулась в свой терем. Еще тоскливее стало на душе.

«От князей защиты не дождешься. А Федора все нет. Кто укроет, кто заступится, если Федора погубят? Князья всё спорят да ссорятся, каждый управлять хочет... Разорят они землю нашу русскую! Придут татары... Зарежут аль уволокут к себе».

Семеня ножками, подошел к ней сынок Ваня. Крепко прижавшись к матери, поднял на нее глаза. Хоть и мал был, а чувствовал мальчик, что у матери горе. Обняла Евпраксия любимца, с трудом сдержала слезы.

— Нет! Не отдам тебя татарам, Ванюша мой! Не будет рабом татарским твой сын, Федор! Жена твоя, твоя Евпраксеюшка, не станет татарской невольницей!..

Снизу послышался странный шум. Захлопали двери, забегали люди, раздался громкий вопль и рыдания.

Сердце оборвалось у Евпраксии. Не помня себя, с ребенком на руках опрометью бросилась она вниз, вбе-

жала в горницу... На руках у плачущих женщин билась старая княгиня Агриппина. Князь Юрий, казалось, потерял разум:

— Я виноват в его кончине! Я...

Впереди стоял старый Апоница, верный слуга и пестун князя Федора. В рваной и грязной одежде, с запекшимися кровавыми рубцами, измученный и похудевший, он заливался слезами:

— Изрубили его, окаянные! Сзади навалились, никого в живых не оставили... На моих руках скончался наш соколик!..

Евпраксеюшка не закричала, не забилась в слезах и причитаниях. Молча повернулась и, прижимая к груди сына, выбежала из горницы. Быстро поднялась она по витой лестнице к себе в терем, подбежала к окну, распахнула его и вместе с ребенком бросилась на черневшие внизу камни.

5. Поход на Рязань

Батый двинул войско на север. Для постоянной связи с отдельными отрядами он посылал к ним гонцов. Каждые два дня к нему в лагерь прибывали с мест нукеры. Они доставляли донесения и получали приказы джихангира.

Но разгулявшаяся метель-завируха разметала гонцов. Отряды сбились с намеченных путей. Вскоре Батый знал только стоянку своего тумена и стоящего рядом тумена «бешеных» Субудай-Багатура.

Итти дальше было невозможно, и войско остановилось. Коням стало трудно. Под глубоким снегом они с трудом докапывались до съедобной травы. Если метель будет бушевать два-три дня, кони полягут, а с ними погибнет все монгольское войско. Батый приказал из вьючного обоза выдавать коням своей личной охраны по миске ячменя или пшеницы.

Надо было во что бы то ни стало пробиться к Рязани.

Батыю и знатнейшим ханам снова поставили юрты, в которых можно было греться у костра. Дым наполнял клубами юрту и резал глаза.

Батый лежал на животе, рассматривая пергаментный лист, на котором были грубо начерчены главные города,

дороги и реки земель урусутов. Он прикидывал в уме возможные расстояния, которые ему придется пройти.

Около него теснились ближайшие к нему тысячники. Они внимательно слушали слова Бату-хана, поддакивая ему.

Вернулись посланные Субудаем разведчики. Вошел засыпанный снегом старый нукер в лисьем малахае и в овчинной шубе, туго подпоясанной сыромятным ремнем. Подоткнув полы, он опустился на колени около костра. Подобрав длинные рукава, стал греть застывшие пальцы. Отогревшись немного, старик сказал:

— Впереди, совсем близко, укрылось в оврагах войско урусутов. В такую черную ночь они проберутся к нам и вырежут наших воинов. Невдалеке идет войско Гуюк-хана. Нукеры бранятся, говорят, что надо зарыться в снег, выждать, пока пройдет буря, иначе кони полягут. А Гуюк-хан гонит всех вперед, говоря: «Мы должны взять Рязань раньше Бату-хана, иначе нам ничего не останется. Там много теплых шуб, хлеба, вина и золота».

Батый усмехнулся:

— Очень похвально, что Гуюк-хан рвется к Рязани. Хорошо, что он хочет захватить этот большой город урусутов. Знаешь ли ты, где сейчас стоит Гуюк-хан? Сумеешь ли найти его?

— Знаю, — сказал нукер, — и найду.

— Субудай-Багатур даст тебе полоску бумаги с моей печатью. Поезжай к Гуюк-хану и скажи ему: «Джихангир повелел войску Гуюк-хана спешно двигаться вперед, найти в степи войско урусутов, загородивших нам путь, и раздавить его. Если же Гуюк-хан считает себя слабым, чтобы напасть на урусутов, пусть непременно известит меня об этом. Тогда я пошлю тумен Субудай-Багатура, и он уничтожит без помощи Гуюк-хана урусутское войско».

Субудай-Багатур достал из-за пазухи золотую коробку с печатью и красной краской. Он оттиснул на небольшой полоске бумаги имя джихангира. Старый нукер спрятал полоску в подкладку своего малахая и выполз из юрты.

Поздно ночью добрался до юрты Батыя молодой черноглазый гонец в синем суконном чекмене, обшитом парчевыми полосками.

Он стоял на коленях, тонкий, с высокой грудью и прямыми плечами. Проницательными, настороженными глазами искал он кого-то среди находившихся в юрте.

— Где Субудай-Багатур?

Бараний тулуп зашевелился, из-под овчины показалось красное лицо с выпученным глазом.

— Зачем он тебе?

— Я привез тебе горе. Не казни меня.

— Говори...

— Я ехал к Гуюк-хану. В пути я встретил сына Субудай-Багатура, смелого воина Урянх-Кадана. Он ехал с четырьмя нукерами...

— Он выехал с девятью. Куда девались остальные?

— Урянх-Кадан направил их во все стороны, как растопыренные пальцы. Мы спустились в овраг и тихо ехали гуськом. Вдруг на нас напали урусуты. Их было много. Мой конь вынес меня из схватки, и, привязав его наверху, я, выждав конец битвы, снова спустился в овраг. Я нашел трех убитых нукеров, но тела твоего сына не было. Может быть, его увезли в плен...

Субудай-Багатур сидел согнувшись, с искаженным от горя, побледневшим лицом. Но он молчал. Его выпученный глаз медленно закрылся и стал походить на щелку. Одинокая слеза скатилась по морщинистой щеке...

6. Военный совет

Рязанское войско вошло в глубь Дикого поля. Застигнутое метелью, войско остановилось боевым лагерем.

Князья и воеводы сидели тесным кругом на большом ковре походного шатра: думали, как сберечь русскую землю. Сквозь полотнище доносилось завывание метели, унылый свист ветра. Лучины в двух поставцах едва мерцали. Угольки, шипя, падали в деревянные ковши с водой. Слуга присматривал за лучинами. Нападения не жди в такую ночь — буря с ног валит!

Кто-то подъехал на коне. Стал расспрашивать, где найти князя. Приподняв тяжелый полог, в шатер пролез засыпанный снегом отрок в нагольной шубе[1]. Скинув запорошенный колпак, отрок сказал:

---

[1] Нагольная шуба — овчинная, не покрытая сверху материей.

— Приехал старый воевода Ратибор. Говорит: важные слухи привез. Ждать до утра не может.

— Какой он воевода! — сказал один из князей. — Был когда-то воеводой, да за гордость князь Глеб насильно постриг его в монахи. А он упорствовал и все уезжал на медвежью охоту. Что же он? И не поп, и не монах, и не расстрига[1]. Сидел бы смирно в монастыре и отбивал бы лбом молитвы.

— Довольно старой розни! — сказал другой голос. — Имемся отныне во едино сердце!

Все замолкли. Отрок приподнял полог, и в шатер вошел большой, грузный Ратибор. Он снял меховой треух, расстегнул нагольную шубу. Расправил окладистую седую бороду. Перекрестился трижды на образ в золоченой ризе, стоящий на кожаном сундучке в углу, и поклонился в пояс князю Рязанскому.

— Проходи, друже Ратибор! — сказал князь Юрий Игоревич. — Садись с нами. Трудные думы сейчас у нас. Может, ты что доброе скажешь.

Ратибор опустился на ковер и начал свой рассказ:

— Я держал сотню дружинников в засаде. Хотел выловить татарина: надобно у них выведать, что они надумали. На счастье наше, заметили мы несколько нехристей. Видно, сбились с пути или сами пробирались к нам, чтоб достать языка. Дружина моя набросилась на них. Они пустились наутек. Двоих удалось нам схватить. Один, попроще одетый, легко сдался, другой как дикий зверь отбивался, не хотел сдаваться. Насилу мы его перевязали ремнями.

— Живьем забрали?

— Забрали и допытывали. По одежде судить — много знает, а сказать ничего не хочет.

— Пытать не умеешь! — сказал кто-то. — Привез бы ко мне.

— Я и привез.

— Давай-ка их сюда, — сказал князь.

Отроки ввели в шатер монгольских пленных. Руки их за спиной были затянуты ремнями. Оба молодые. Один — побогаче, в суконном рыжем чекмене, подбитом мерлушкой, с синими нашивками на левом плече и в замшевых белых сапогах. Лицо сухое, точно выкован-

---

[1] Расстрига — духовное лицо, лишенное своего звания.

ное из красной меди. Глаза, надменные и зловещие, острым, испытующим взглядом пронизывали сидевших в шатре.

Другой пленный был молодой, лет семнадцати, в выцветшем домотканном чекмене. Ноги в обрывках старой овчины. С любопытством осматривал он урусутов.

Князь приказал кликнуть Лихаря Кудряша.

— Ты будешь отвечать? — обратился Лихарь к старшему пленному.

Тот покосился на него и отвернулся.

— Если молчать будешь, тебя прижгут огнем.

— Буду отвечать.

— Кто ты? Как тебя зовут?

— Я сотник Урянх-Кадан, из тумена владыки всех владык Бату-хана.

— Сколько у него войска?

— Войска у Бату-хана столько, что пересчитывать его придется девяносто девять лет.

— Где находится Бату-хан?

— Здесь в степи. На расстоянии полета стрелы. Прямо перед вашим войском.

— Куда он идет?

— Бату-хан идет покорить урусутов и сделать их своими кандальниками.

— Почему он стоит на месте и не двигается вперед? Боится?

— Бату-хан никого не боится. Он выжидает, пока успокоится метель. Злые духи урусутов не хотят пустить нас в свои земли. Когда онгоны[1] прогонят урусутских мангусов, Бату-хан пойдет вперед, прямо на город Рязань.

— Кто главный начальник монгольских полков?

— Их много. Главные начальники — одиннадцать царевичей священной крови великого воителя Чингиз-хана.

— Все ли идут на Рязань?

— Чтобы итти всем на Рязань, нехватит места войскам, корма коням. Войска идут рядом, как облавой на охоте.

— Кто из них идет на Рязань?

---

[1] Онгоны — могущественные добрые духи в монгольских поверьях.

— Не знаю.
— Ну, мы заставим тебя отвечать...
Великий князь Юрий Игоревич обратился ко второму пленному:
— Как тебя зовут?
— Меня зовут Мусук, сын Назара-Кяризека.
— Верно ли то, что он говорил?
— Почти все верно.
— А что не верно?
— Я говорить не стану.
— Это твой начальник?
— Да, это мой большой начальник.
— Как вы попали в плен?
— Мой начальник хотел посмотреть, где войска урусутов. Мы сбились с дороги. Здесь нас схватили.
Великий князь задумался, воеводы опустили головы: да, тяжела будет борьба с надвигающимися татарскими войсками!
Князь обратился к стоящим воинам:
— А ну-ка, дружинники, уведите обоих пленных и держите их крепко. Завяжите им ноги сыромятными ремнями да присмотрите, чтобы они не перегрызли их зубами, как волчата.
Кудряш вышел с обоими пленными. Ратибор пятерней расчесывал бороду, кряхтел и вздыхал, точно что-то душило его, и покачивался всем телом.
Воеводы молчали. Князь обратился к Ратибору:
— У тебя, друже Ратибор, опыта воинского много. Ты бы сказал, что думаешь.
— Прихвастнул мунгал перед нами. Войско у них большое — верно, это нам беда, но тут для них выгода, тут им и горе. Большое войско, как у них, стоять долго на месте не может. Монгольские кони уже съели всю старую траву, выбили копытами корни из земли. Еще несколько дней — и у мунгалов начнется падеж коней. Не все пойдут на Рязань, а часть войска двинется за хлебом и сеном на другие города. Если бы наши князья дружно стояли одним сердцем, то эта сила мунгальская была бы нам не страшна.
— Что же, по-твоему, надо делать?
— Надо, не теряя времени, двинуться вперед и отколоть Гуюка от войска Батыги. В такую метель они нас не заметят. Нападем на войско Гуюка и погоним его.

Затем повернем на Батыгу. Это будет трудное дело, но если на нас навалятся сразу все мунгальские полки, то будет еще труднее. Тогда нам конец!

Воеводы заспорили, каждый давал свой совет. Князь Юрий Игоревич принял совет Ратибора, приказал с рассветом поднимать войско и наступать на левое крыло татар.

7. Битва в Диком поле

Дружинники и ополченцы рязанского Большого полка ночевали в снегу. Костров не разводили. Метель затихла, снег повалил крупными хлопьями. Когда за холмами показалась заря, воины поднялись, стряхнули снег, подняли секиры и копья, а кто имел, надел кольчугу.

Князь Юрий Игоревич осматривал свои отряды. Воины строились плечо к плечу.

В тихом воздухе четко слышались слова князя:

— Готовьтесь, братья мои молодшие, воины смелые, удальцы, узорочье рязанское! Окаянный враг встал с мечом у русских пределов. Занес он руку над нашей волей. Поганые мунгалы хотят огонь и меч пустить по нашей земле. Камня на камне не оставят они в нашей Рязани. Готовьтесь к борьбе! От вашей храбрости зависит судьба родного города, наших пашен, сел и детей, жен и родителей наших. Грозный враг не дремлет. Он спешит на Рязань, чтоб отогреться пожарами, поживиться добром нашим. Враг здесь, перед нами! Скоро начнется страшный бой. Не отступите перед ним!.. Я, старшой брат ваш, наперед вас иду испить чашу смертную. За вольную отчину отца нашего Игоря Святославича!

Лицо князя было угрюмо и хмуро, но строгие глаза горели несокрушимой волей. Он сжимал рукоять меча, сдерживал нетерпеливого, застоявшегося на морозе коня.

Воины отвечали возгласами:

— Постоим! Не печалься! Скорее Ока назад потечет, чем мы отступим!

Тысяцкие и сотники объезжали ряды своих отрядов и объясняли:

— Мы пойдем навстречу окаянным мунгалам. Будем пробиваться в их середину, раскалывать их надвое. Покончим с одним крылом, тогда навалимся на другое. Будьте стойки! Мунгалы хитры. У них старая волчья

сноровка. Они притворно побегут, как будто поджали хвосты, чтобы увлечь наши отряды в засаду. Не верьте им и не гонитесь за ними. Стойте так же дружно, плечо к плечу, и ждите второго удара. Так мы отобьем мунгалов!

Запорошенные снегом, заиндевелые ополченцы слушали сурово и спокойно, опираясь на копья, шестоперы и секиры. Их темные рыжие армяки и полушубки, подпоясанные узким ремнем, с ножом в деревянных ножнах, их лапти и шерстяные онучи, обвитые до колен и затянутые лыковыми бечевками, — все говорило о скудной, тяжелой жизни. Теперь они встали на защиту Рязанской земли. Они полягут, но не пустят ворога к оставшимся позади родным избам.

Войско двинулось вперед тесными рядами, медленным шагом взбираясь на отлогие гребни холмов. Итти было трудно, снегу нанесло до колен.

Уже поднявшись на гребень, передние ряды остановились. Вдруг резкий крик прорезал настороженную тишину:

— Урусут! Урусут!

Этот крик повторился впереди, справа, слева и перекатывался все дальше. Степь, засыпанная глубоким снегом и казавшаяся мертвой пустыней, вдруг ожила. Из снега подымались темные фигуры, слышались гортанные выкрики, и с гулом и топотом понеслись по снежной равнине всадники, теряясь в сумеречном тумане. Вскоре все исчезло и затихло.

— Ну и татарва! Ну и грозные мунгалы! — говорили ополченцы. — Чего ж они побежали? Нас испугались? Или заманивают?

Сотники готовили воинов и указывали им места, где ложиться, прячась за бугры. Воины опустились на снег и, прижимаясь друг к другу, выжидали. Багровое солнце прорезало низкие тучи и осветило белоснежную равнину. Тогда вдали показались линии монгольских всадников. Они двигались, выставив вперед копья и положив блестящие мечи на правое плечо.

Ополченцы продолжали недвижно лежать в снегу.

Глухой топот мчавшихся монгольских коней стал слышней. Казалось, вся степь гудела от топота десятков тысяч копыт. Монголы приближались в облаках снежной пыли и пара от разгоряченных коней. Они кричали:

— Кху-кху, уррагх! [1]

Несколько коней споткнулось и грохнулось оземь, другие продолжали мчаться нестройной линией. Они были уже шагах в двадцати. Рязанские воины вскочили и бросились на врага с криками:

— Вперед, Рязань!

Часть коней повернула назад, другие, сбросив всадников, поднялись на дыбы и упали. Остальные продолжали мчаться, врываясь в русские ряды, где их встречали ударами секир и топоров.

Русские яростно нападали на всадников и выбивали их из седел. Кривые сабли татар мелькали в воздухе. Они пустили в ход луки, метали длинные стрелы с закаленными стальными остриями. Ополченцы падали, снова вставали, продолжая бой, и продвигались вперед с холмов вниз, куда стала откатываться монгольская конница.

Рязанцы одолевали. Монгольский удар не опрокинул русские ряды. Ополченцы, стиснув зубы, хрипя, бились отчаянно, прорубая себе дорогу вперед.

Завыли трубы. Послышались резкие выкрики монгольских сотников. Татарская конница круто повернула и помчалась обратно черной лавиной. Ряды рязанцев сильно поредели. Много мертвых тел лежало на отлогом скате холма, открытыми глазами уставившись в низкие свинцовые тучи.

8. Мертвое поле

Метель затихла. Багровое солнце показалось низко над снежной равниной. К Бату-хану прискакали гонцы и рассказали, что тумен Гуюк-хана напал на войско урусутов, что урусуты дрались со страшной яростью, как злые духи мангусы, не отступая. Они рубили топорами и людей и коней. Войско Гуюк-хана не удержалось, не могло одолеть урусутов и отхлынуло обратно, потеряв много воинов.

Бату-хан спросил мнение своих ханов и подконец Субудай-Багатура. Все говорили, что Гуюк-хан должен снова напасть на урусутов. Но Бату-хан сказал:

---

[1] Кху-кху — голубые (то есть небесные) монголы. Уррагх — вперед.

— Если Гуюк-хан не мог в степи одолеть урусутов, то где же ему взять Рязань с высокими стенами? Он только ослабил ужас монгольского имени. Пусть он сперва нашьет заплаты на дыры, которые урусуты проткнули в его чапане. Повелеваем тумену «непобедимых» и «бешеных» Субудай-Багатура немедленно броситься на холмы, где залегли урусуты, и оттуда итти на Рязань. Гуюк-хана мы ждать не будем. Моя личная тысяча пойдет со мной. Я буду сам наблюдать за боем. Пленных не брать. На поле битвы не останавливаться. В пути сделать короткую остановку, чтобы подкормить коней и дать им передышку. Ханы поставят свои юрты перед стенами Рязани.

Ветер угнал к югу серые тучи. Солнце появилось на светлом небе.

Ярко блестела равнина, гладкая, спокойная, похоронившая под снежным покровом тысячи убитых и раненых.

Вереница волков двигалась трусцой, прокладывая прямую, как струна, тропинку. Каждый волк ставил лапу в след переднего. Вожак шел в ту сторону, откуда доносился острый запах крови. Звери медленно приближались к трупам. Иногда раненый шевелился. Тогда вожак делал прыжок в сторону и отходил.

Стаи ворон и галок летели к полю битвы. Они спускались возле павших, осторожно, косыми прыжками подскакивали к ним.

Волки повернули к оврагу. Начали спускаться. Вдруг бросились обратно и быстрыми прыжками стали уходить. Из оврага выскочил на рослом рыжем жеребце молодой воин в блестевшей на солнце броне и стальном шлеме. Он вел за собой монгольского коня. Остановившись, всадник внимательно всматривался в мертвое поле. Тяжелый стон привлек его внимание. Невдалеке лежал в снегу богатырского вида воин с седой окладистой бородой.

Всадник спрыгнул с коня и наклонился к лежащему.

— Ратибор! Жив ли ты, Ратибор?

Достав маленькую флягу, он прижал ее к губам раненого.

Ратибор жадно отпил, тяжело вздохнул и открыл глаза.

— Вставай, Ратибор! Очнись! Невдалеке монгольские разъезды.

— Кто ты?

— Роман, княжич Рязанский...

— Трудно встать мне! Помоги!

Ратибор, кряхтя, поднялся и с помощью Романа взобрался на крепкого монгольского коня. Оба всадника скрылись в овраге.

Часть пятая

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ ГОРИТ

1. Держите крепко топоры!

Савелий Дикорос шел на север. Белая равнина, пересеченная чернеющими голыми рощами и снежными оврагами, была пустынна. Иногда вдали показывались уцелевшие ратники. Они брели к родной земле.

Когда-то здесь, на большом шляху, были мелкие поселки, торговавшие со степняками. Они стояли теперь опустевшие, и ветер свистел в открытых настежь воротах. Стаи галок и ворон спускались на безлюдные дворы; не найдя ничего, они, каркая, улетали.

В пути Савелию не встречались монголы. «Видно, отдыхают после боя, — рассуждал Савелий, — отыскивают своих раненых и грабят наших покойников...»

Несколько плетеных коробов на дровнях обогнали Савелия. Их везли лохматые лошаденки. За санями брели коровы, телята и бараны. Из коробов выглядывали детские головы. Мужики и бабы плелись позади, подгоняя хворостинами усталый скот.

— Откуда бог несет, добрые люди?

— С заставы за Пронском. Во-время поднялись, едва ушли от степняков, — ночь и вьюга нас укрыли. Спешим в Рязань, там найдем защиту. Здесь боязно, — нагрянет татарва, тогда свету божьего не увидим. Ну, ходи, Пестрянка! Но, Рыжуха, но!..

Савелий шел ровным, мерным шагом, как привык ходить за сохой. Он шел ночью и днем, отдыхая неподолгу, прислушиваясь к каждому шороху и крику, — опасаясь, что его догонят татары.

Наконец ранним утром вдали, под нависшими тучами, показались засыпанные снегом высокие валы и бревенчатый тын Рязани. За ним виднелись разноцветные церковные купола. Голубоватый дымок вился над избами пригородных посадов. Бабы в полушубках гнали коров и коней на водопой к речной проруби. Все было мирно, как будто ничего не произошло, как будто и не было битвы на мертвом поле.

Расположенная на высоком берегу, над Окой, Рязань казалась неприступной. Земляные валы были огорожены тыном из дубовых бревен. Их крутые обрывы, политые водой, покрылись наледью, по которой взобраться было невозможно.

Все население города и ближних посадов поднялось на защиту родной Рязани. Немало рассказов вспомнили ратники о том, как раньше осаждали город грабители половцы, налетавшие из степей. Нелегкое дело одолеть огромные откосы стен, когда сверху польется горячая вода и кипящая смола! И теперь нужно снова крепкой ратью встретить врагов и отогнать их.

Воеводы не сзывали больше охочих людей: все улицы, все концы сами собрали свои дружины. Каждый, являясь в ополчение, приносил с собой меч, секиру, копье или тугой лук. День и ночь стучали молотки; кузнецы ковали булатные мечи и клинки для копий и рогатин. Искусные ремесленники готовили шлемы, кольчуги, щиты и стрелы. Все говорили о защите Рязани и долгой тяжелой осаде.

Савелию Дикоросу было указано место на городской стене, над обрывистым скатом к реке. Сам воевода назначил его быть старшиной над двумя десятками ратников. Савелий не стоял без дела. Он позаботился и о за-

пасных стрелах и о камнях, которые должны быть сложены грудами возле каждого защитника. Достал он и тяжелые секиры и шестоперы[1]. Вместе с другими соорудил землянку, чтобы можно было в ней укрыться и передохнуть.

Невдалеке от землянки находился лабаз Живилы Юрятича, новгородца, где хранились пенька, соль, хлеб и другие товары. Савелий пришел к купцу и сурово спросил:

— Ты, Живила Юрятич, греешься на теплой лежанке, а почему к нам на стену не заглянул? Мы и днем и темной ночью, в непогоду и стужу стоим и не видим горячей похлебки-пустоварки. Ты как нам помочь думаешь?

Рослый, дебелый купец в лисьей шубе поежился и заговорил жалобным, слабым голоском:

— Ведь я новогородец, не тутошний! Вчерась, выкатывая бочку с варом, с пупа сдернул, и теперь мне в нутре жгет. Лучше я моих молодцов-сидельников поставлю. Только вот с делом управлюсь. Князю Юрию Игоревичу я подарил для ратного дела десять лодок с хлебом. Теперь и вас кормить стану. Сегодня же прикажу поварихам каждый день давать твоим ополченцам котел похлебки и котел крупяной каши. Может, за это Спас нерукотворный простит мне по грехам моим!

Савелий ночевал на стене, укутавшись в тулуп. Ему не спалось, сердце билось тревожно. Он часто вставал, прислушивался, всматривался в туманную даль — не видать ли татарских огней?

Утром подъехали на небольших пегих конях два половчанина в цветных клобуках с меховыми отворотами и в одеждах, обшитых красными тесемками. Один из них окликнул:

— Савелий, аль меня признать не хочешь?

— Лихарь Кудряш? Что же ты так чудно́ переоболокся?[2]

— Еду в Дикое поле вместе с половецким братаном[3]. Воевода послал разыскать тело князя Федора. Проберемся на реку Воронеж, где стоял царь Батыга. Там теперь

---

[1] Шестопер — вид булавы, палицы с шестью железными лезвиями (перьями) на конце.

[2] Переоболокся — переоделся.

[3] Братан — приятель, названый брат.

татар нет, один ветер да волки гуляют. Кружными малоезжими дорогами привезем тело в родной Зарайск. Похоронят его рядом с женой, княгиней Евпраксией, и сынком их маленьким.

— Кудряш! Ты ведь напрасно едешь. Татары рыщут по дорогам. Поживы ищут. Говорят, царь Батыга идет сюда с повозками, с вельбудами[1], с огнем и молоньей[2]. Схватят тебя татары и кожу сдерут.

— Пустое! Пусть не хвалится Батыга! — отвечал Кудряш. — Может, и споткнется. У него две руки, да и меня мать родная не с одной рукой родила. Погодим сегодня, посмотрим, что будет завтра. Коль увижу, что проезда нет, соберу ватагу молодцов, будем за татарами и мунгалами следом ходить, за пятки их хватать. Не дадим им покоя, пока в землю их не уложим или сами не свалимся. Пойдем с нами, Савелий.

Савелий покряхтел.

— Нет, Кудряш, меня здесь на валу поставил воевода. Своей волей этого места не покину. Ты на коне, а я с топором, оба будем одно дело делать.

— Пусть будет так! Прощай, Савелий!

Кудряш, отъехав несколько шагов, вдруг повернулся и закричал:

— Главное-то сказать тебе и запамятовал! Видел я твоего Торопку: он жив, ускакал из плена на татарском коне. И конь же у него — отменный! Как в сказке: бежит — земля дрожит, из ушей и ноздрей дым валит.

Савелий обрадовался.

— Скажи верное слово: не врешь? Утешить меня хочешь?

— Ей-ей, не вру! Торопка сюда приезжал гонцом из главного полка, привез грамотку и помчался обратно. Я его видел. Он мне сказал: «Передай тятеньке, Савелию Микитичу, мой низкий поклон. Чести своей, скажи, не замараю и татарам спины не покажу. Перенес я, говорит, татарскую неволю, второй раз уж не дамся». Ну, прощай, Савелий! Бог весть, увидимся ли с тобой! Времена-то настали какие!

Лихарь Кудряш, махнув плетью, ускакал вместе со своим спутником половчанином. Теперь, когда Савелий

---

[1] Вельбуд — верблюд.

[2] Молонья. — Татары применяли зажигательные ракеты, которые русским казались молнией.

W.B

узнал, что Торопка жив, все ему показалось светлее и снег ярче, и на душе потеплело. Он сел на приступок стены и опустил голову на руки: он видел серые глаза Торопки, ему улыбалось веснущатое худое его лицо. «Ай да мой Торопка, ай да ловкий удалец! — думал Савелий. — Ездит он теперь на красавце коне, точно сам Егорий храбрый».

2. Татары идут!

Савелий уж не первую ночь простоял дозорным на стене. Никому не хотел уступить. На рассвете, упорно отгоняя сон, он все так же зорко смотрел вдаль на снежные равнины. Солнце поднялось из-за золотисто-багровых туч, протянувшихся над самым небосклоном. С высокого вала было видно далеко, на десятки верст. И замерзшая река, слившаяся с полями, была пустынна; кое-где вдали чернели одинокие дубки.

Вдруг что-то привлекло внимание Савелия. Он протер глаза, всматриваясь в дымчатую даль. Черные точки двигались по снежной равнине, ползли торопливо, точно муравьи на белом полотне. Они уже разделились потоками, отклоняясь в разные стороны. Вскоре можно было различить скакавших всадников.

«Татары! Кому ж другому быть!» решил Савелий и побежал изо всех сил по пустынным улицам к дому воеводы, но тот уже ехал навстречу.

— Они! Татары! — задыхаясь, крикнул Савелий. — Большим валом валят!

— Я подымусь на стену! А ты беги в собор! — приказал воевода. — Подыми звонаря, пусть бьет набат!

Савелий побежал в соборную церковь на площади. Главный вход был открыт. Внутри перед иконами в золотых и серебряных ризах мирно светились лампады. Старый пономарь с заплетенной косичкой, в длинном подряснике подметал веником каменный пол.

— Звоните в большой колокол! — тряс за плечи пономаря Савелий.

— Отец протопоп без своего благословения звонить не приказывает.

— Да ты пойми, татары идут! Что ты мне тычешь протопопом? Давай звонаря! — Савелий ухватил пономаря и поволок его за собой.

— Да ты что дерешься? Чего толкаешься?

— Где звонарь? Беги за ним! Не то сам звонить буду.

— Вон наш старый звонарь, — сказал пономарь, стараясь вырваться из крепких рук Савелия. — Он теперь на покое, слепенький.

В углу, около свечного ящика, стоял старик с бельмами на широко раскрытых глазах. Он слышал разговор и, протянув руки, уже сам шел, спотыкаясь, к Савелию.

— Можешь звонить? — спросил Савелий.

— Как не могу! Сорок лет звонил, каждую веревку знаю, от какого колокола, большого и малого...

Все трое поспешили в звонницу. Через отверстие в потолке свешивались разной толщины веревки. Слепой звонарь ощупал их, уцепился за одну, крученую, самую толстую, и переспросил:

— Большой набат звонить? Отец протопоп ничего не скажет?

— Твоему отцу протопопу влетит по загривку от воеводы, что звонарей около колокола не было! Валяй вовсю! Бей тревогу, бей набат!

— Как при пожаре?

— Как при самом большом пожаре!..

Слепой привычным движением стал двумя руками изо всех сил натягивать веревку. Сверху, с колокольни, полились частые, необычные удары большого колокола, вызывая щемящее чувство тревоги и боли.

Спящий город ожил. Беда, которой ждали, но в которую до последнего дня не хотели верить, теперь обрушилась сразу: колокол сзывал всех на стены, на защиту города.

Захлопали калитки, залились лаем дворовые псы. Люди выбегали на улицу, останавливались, прислушивались и бежали дальше к стенам. Во всех церквах города подхватили призыв, и звонари ударили в большие колокола.

Услышав набат в Рязани, откликнулись церкви пригородов. Всюду набатный звон призывал людей браться за мечи и топоры — встречать незваных страшных гостей.

Савелий бегом вернулся на стену. Он неотрывно глядел, как приближалась черная конная масса с короткими копьями. Он видел, как по ту сторону реки выскакивали из дворов люди и, размахивая руками, стремглав не-

сли́сь к Рязани; другие, подхватив узлы на спину, бежали вверх по берегу реки, угоняя скот в засыпанные снегом леса; некоторые уезжали на санях.

Татары надвигались быстро, и чем ближе к городу, тем сильнее они ускоряли бег коней. Наконец один отряд, на светлорыжих конях, с диким, бешеным воем, гиканьем и свистом прискакал к стенам Рязани и остановился. Всадники рассматривали высокие земляные валы, покрытые ледяным накатом, на валах дубовый тын с узкими прорезями, сквозь которые видны были головы защитников Рязани.

Из отряда отделилась сотня. Всадники по три в ряд потянулись вокруг города. Передний держал значок: длинное копье, с верхушки которого свешивался рыжий конский хвост. За ним ехал воин в серебряной кольчуге и золотом сверкающем шлеме с пучком белых перьев.

Далее двигалась толпа конных монголов в сверкающих кольчугах, с короткими копьями и круглыми щитами на левой руке. Вторая сотня отделилась из рядов монгольских воинов и поскакала в ближайший пригород, где с колокольни еще слышался тревожный звон. Вскоре звон прекратился. Над избами густым облаком стал, крутясь, подыматься черный дым.

Третья сотня монголов оставалась на другом берегу Оки, наблюдая, что делается на стенах Рязани. Десяток всадников отделился от отряда, спустился на лед реки и, не торопясь, поднялся к большим дубовым воротам города.

Рязанцы смотрели с ненавистью и любопытством на невиданных раньше татар и, забыв боязнь, влезали на тын и слегка высовывались из бойниц. Враги были в долгополых шубах, прикрывавших ноги до пят. У некоторых на груди были пришиты железные и медные пластинки. На спине защитных пластинок не было [1]. К седлам были прикреплены саадаки [2] с луками и колчаны, набитые красными стрелами. Безбородые суровые лица монголов были темны, и они казались похожими один на другого.

---

[1] По монгольским понятиям, защищать броней надо грудь, а спину защищают трусы.

[2] Саадак — кожаный футляр для лука и стрел.

Среди безбородых всадников был один с длинной черной бородой; он подъехал к воротам, постучал рукоятью плети и по-русски закричал стоявшим на стене:

— Здравствуйте, рязанцы! К вам приехал великий царь Бату-хан, покоритель всех народов. Присылайте к нему послов с хлебом-солью, бейте челом и покоряйтесь ему с почтением и верностью!

— Долго ему ждать!— ответили со стены.— Уезжайте-ка назад, откуда приехали, и забирайте с собой вашего царя Батыгу... А ты сам откуда явился, злодей, перевертыш окаянный? Не рязанец ли ты родом?

— Отворяйте ворота, принимайте дорогих гостей! — продолжал кричать бородатый всадник. — Если вы покоритесь, то никакой беды вам не будет. А ежели ослушаетесь, будете перебиты до последнего, город будет сожжен и все ваши избы растасканы по бревнышку!

— А много ли ты получил от своего царя, что продаешь родную землю? Изменник злодейский, Иуда проклятый!

Со стены полетели камни и стрелы. Татарские кони шарахнулись назад. Всадники повернули коней и поскакали вокруг городских стен.

3. Слышишь, они здесь!..

Лунная серебристая ночь окутала дремой Перунов бор. Избы, вытянувшиеся вдоль опушки заснувшего векового леса, глубоко зарылись в снежные сугробы. Мороз крепчал. Тишину изредка прерывал сухой треск плетня и неподвижных деревьев. Нахолодавшиеся, и большие и малые, грелись на полатях, у жарко натопленных печей. Затихли и собаки, свернулись кольцом, уткнув носы в пушистый мех.

В голубоватом свете луны смутно вырисовывались горбатые скирды, засыпанные снегом, черные стволы деревьев и высокий шест с пучком еловых веток возле избы старосты.

На окраине погоста несколько раз тявкнула собака, потом вдруг залилась тонким протяжным лаем. За ней другие. Во всех концах Перунова бора собаки завели неумолчный лай. Где-то стукнула калитка, звонко заржала лошадь.

В крайней избе дремавшая Опалёниха спустилась с

полатей, осторожно отодвинула ставень окна, затянутого рыбьим пузырем. Припав глазами к заиндевевшей трещине пузыря, Опалёниха заметила темную фигуру человека в долгополой одежде и чудно́м колпаке, пробирающегося к гумну.

— Вешнянка, вставай! — расталкивала Опалёниха крепко спавшую девушку. — Слышишь, как собаки лают? Это они! Во дворе недобрый человек. Побежал к гумну... Как бы не подпалил нас! Мужики-то все ушли!

Обе быстро всунули ноги в чоботы, повязали платками головы и накинули полушубки. Опять припали глазами к окну. Все казалось спокойным в серебристом лунном свете. Только собаки продолжали заливаться безудержным лаем и рвались с привязи.

— Тетка Опалёниха, мне боязно! Что-то будет? — шопотом спрашивала девушка.

А Опалёниха торопливо подпоясалась кушаком; держа в зубах рукавицу, сложила в платок куски хлеба и вытащила из-под скамьи топор.

— Думаю, не татары ли это? Бери хлебный нож и деревянную миску. Не забудь огниво...

Обе женщины тихо вышли из избы и притаились в тени. Неведомый человек ворошился около сенного сарая и высекал огнивом искры.

Опалёниха подбежала, крадучись, к поджигателю. Он оглянулся, когда она уже занесла над ним топор...

В лунном свете Опалёниха увидела длинную, до пят, синюю шубу, странного вида белые сапоги из собачьей шкуры, кривую саблю у пояса. Убитый лежал лицом вниз, кровь его растекалась по белому снегу.

Страшный крик донесся с конца деревни. Эхо повторило его из глубины спящего бора. Снова пронесся этот крик, полный ужаса и боли, и затем отчетливый голос женщины:

— Вставайте, бабы! Татары здесь! Жгут гумно! Спасайте ребят!

Деревня быстро просыпалась. Заскрипели ворота, застучали копытами по доскам кони. Проскакал согнувшийся старик-староста, без шубы и шапки, на неоседланном коне. Он кричал:

— Горим! Татары! Спасайтесь!

— Убежим по задворкам, огородами!.. — шепнула Опалёниха. — Идем скорее, спрячемся в тени...

Но пройти уже не удалось. Через забор перелезали татары, подобрав и заткнув подолы шуб за пояса. Обе женщины спрятались в груде наваленного хвороста и жердей.

Деревня запылала сразу, подожженная с нескольких концов[1]. Огонь стал выбрасывать огромные языки, черный дым клубами понесся ввысь.

Жалобно мычали испуганные коровы, метались кони. Отовсюду неслись отчаянные вопли и плач. Бабы бегали, не зная, что спасать, куда бежать, и вытаскивали из загоревшихся изб плачущих детей и мешки с хлебом.

Новый, никогда ранее неслыханный, страшный рев приближался из лесу:

— Кху-кху-кху, уррагх!

Всадники лавиной вылетали из тихого леса и заполняли деревню. Ржали кони, раздавались хриплые крики неведомых людей.

Татары врывались в избы и гнали убегавших к середине, на пустырь, к избе старосты.

4. Тревожные ночи

Ночная тишина, привычная для Рязани, нарушилась: отовсюду доносился гул толпы. Множество огней горело внизу под стенами и на равнине за рекой, точно чья-то рука разбросала вокруг раскаленные угли. Это татары всю ночь напролет жгли костры из разобранных изб, сараев и заборов. Небо высоко полыхало, отсвечивая от пожаров. На низких тучах дрожали их багровые отблески.

На стенах Рязани собрались ополченцы. Беспокойно смотрели вдаль.

— Вон горит Пронск!

— Сказал тоже, Пронск! До него верст пятьдесят будет.

— А что ж это?

— Братцы, ведь в самом деле Пронск...

— Гляди, не Соболевку ли подпалили?

— Братцы, братцы!.. Ухорскую жгут...

— Где?

[1] Обычный прием монголов: вызвать панику пожаром и в свете горящих домов избивать убегающих с вещами жителей.

— Да вон, за лесом...
— А не Переволоки?
— Нет, пока не тронули...
— Да что ж это?.. Изверги проклятые!..
— Это Ярустово...
— Как Ярустово? — застонал Савелий. — Да ведь Ярустово верст тридцать за Рязанью!
И он подумал о своих, которым советовал в случае беды бежать к братану Пахому-рыбаку в Ярустово.

Ночь прошла тревожно. Стража на стенах не смыкала глаз.
Утром за рекой пропели петухи. В Рязани отозвались другие. Воины всматривались в побледневшее зарево. Татарские костры продолжали мигать тысячами огней.
Солнце поднялось над синей каемкой дальних лесов и осветило татарские отряды, черными потоками направлявшиеся к городу. Лошади и люди тащили бревна, жерди и доски. На стенах в волнении толпились рязанцы и гадали, что будут делать татары.
Стали приводить группами пленных. Татары окружали их и стегали плетьми, подгоняя отстающих. Со стены было видно, что на многих татарах крестьянские полушубки и армяки, а пленные идут раздетые, оборванные, в одних портах и рубахах. Некоторые падали; на них набрасывались татары и били, пока те не вставали или не затихали навсегда.
Пленные начали городить внизу, вокруг города, деревянный забор.
— Гляди, нас точно баранов огораживают... — говорили на стенах.
— И шкуру сдерут, как с барана...
К воротам подъехало несколько всадников. Среди них был переводчик. Он кричал стоявшим наверху, клялся, что никакого вреда рязанцам не будет.
— Откройте ворота и выходите в поле! Только добро свое оставьте дома. Свободно пойдете, куда захотите, — татары вас пальцем не тронут.
— Это Глеб Володимирович! — заволновались на стене.
— Братоубийца окаянный! Сродственников обманом

перебил. Каин проклятый! Кое-кто еще жив остался, чтобы оторвать тебе башку. Недаром тебе анафему поют![1]

— Наши молодцы до тебя доберутся!

— Братьев сгубил, теперь родину предаешь!..

— Кол тебе осиновый в спину!

Со стены метнули стрелы. Ловко пущенный камень попал в лицо Глеба. Он поспешно повернул коня и ускакал.

На рассвете камнеметная машина татар придвинулась ближе к городским воротам. Татары, скрываясь за большими деревянными и кожаными щитами, начали обстрел. Они оттягивали бревно с железной чашкой на конце, опускали в чашку большой камень. Бревно с грохотом откидывалось вперед, швыряя далеко камень.

Невдалеке, за развалинами домов, скрывались в засаде татарские всадники, выжидая, не выйдут ли рязанские смельчаки из ворот.

Воевода Кофа строго-настрого приказал:

— Сохраняйте свою силу! Отбивайте неверных! Но не выходите из ворот. Они нам готовят лукавую затею!..

5. Последние дни Рязани

...Погибе град и земля Рязанская, изменися доброта ея, и не бе, что в ней было видети, токмо дым и земля и пепел.

«Повесть о походе хана Батыя», XIII век.

«Татарская затея» заключалась в штурмовых лестницах, изготовленных русскими пленными под ударами монгольских плетей. Они были разные: и связанные из нескольких коротких жердей и сбитые из сосновых лесин с перекладинами; были сделанные наспех из длинных бревен с нарубками с двух сторон.

Под городскими стенами раздавались крики татар, вопли избиваемых пленных, стук топоров, визг дудок, которыми татарские воины подбодряли себя перед штурмом. С утра татары подошли близко к рязанским стенам, подтаскивая лестницы.

Они стали подталкивать их к стенам одновременно со всех сторон.

---

[1] Анафема — особая форма проклятия изменникам родины, которое торжественно читалось в церквах.

Первыми полезли русские пленные, татары копьями толкали их в спину. Полуголые, в рваных посконных рубахах, посиневшие от холода, они с трудом подымались по лестницам и кричали, умоляя защитников Рязани не бить их.

— Пощадите нас, братья! Дайте перевалить через тын! Вместе с вами обернемся на татар!.. Не своей волей идем! Нас сзади колют!

Сверху отвечали:

— Поворачивайте назад! Трусы, заячьи хвосты! Вырывайте мечи у татар, бейте их, ломайте лестницы!

Некоторые пленные, не желая биться со своими же братьями рязанцами, дойдя до половины лестницы, бросались вниз, скатываясь по застывшим наледям. Внизу они схватывались с татарами и падали изрубленные.

Савелий и стоявшие за ним ратники, вооруженные топорами на длинной рукояти и секирами, ждали на стене и были готовы сбить всякого, кто подымется по лестнице. Приблизились сразу концы трех лестниц. По ним быстро один за другим карабкались люди. Кто они — русские или татары? Полуголые, в отрепьях, с дубинами в руках, они лезли с отчаянием ужаса и кричали, не помня себя.

Савелий крикнул:

— Наш аль нет? Перекрестись!

Первый не ответил, а завопил диким голосом, держа над головой дубину, и хотел ударить ею Савелия. Но дубина вылетела под ударом топора, и обезумевший покатился вниз.

Следующий кричал:

— Савелий! Не тронь!.. Я Ваула! За мной Звяга!

Топор Савелия застыл в воздухе. Мужики грузно перевалились через дубовую стену. За ними быстро карабкался молодой татарин с кривой блестящей саблей. Он полетел вниз с рассеченной головой. Савелий бил с такой яростью и силой, с какой никогда еще не рубил в лесу старые, вековые ели.

Звяга и Ваула встали рядом с Савелием. Они сталкивали толстыми жердями каждого, кто подымался по лестнице. Рядом на стене так же отчаянно защищались рязанские ополченцы, отбивая штурм.

Им помогали женщины. Они выливали на штурмующих ведра кипящей воды и горячую смолу; бросали

камни и глыбы льда на всех, кто пытался взобраться по лестнице.

К полудню штурм был отбит. Татары отошли и притихли.

Штурм повторялся в течение пяти суток и днем и ночью. Защитники упорно стояли на своих местах, сменяя друг друга. Но ряды их редели, некому было заменить выбившихся из сил. Женщины становились на место убитых мужчин. А татары посылали на штурм всё новые, свежие отряды. Они метко стреляли из луков, сбивая стрелами защитников, и лезли упрямо, надеясь на скорую поживу.

Савелий, Звяга и Ваула помогали друг другу. Во время недолгого затишья они тут же на стене мгновенно засыпали, положив под голову руку.

Вслед за камнеметной машиной татары подвезли к воротам два тарана — большие бревна с железными концами, подвешенные на прочных канатах. Избиваемые пленные, прячась за кожаные щиты, раскачивали бревна, со страшной силой ударяя ими в ворота города. Дубовые доски трещали, отлетали щепки.

Долго и упорно били тараны, пока наконец раскололи ворота. С криками торжества ворвались татары в пролом, но толстая каменная стена наглухо закрывала вход. За дни штурма ее сложили рязанские женщины вместе с детьми.

Однако татары не прекратили натиска.

Защитники города слабели; они понимали, что сил их не хватит, что конец близок.

20 декабря вдова рязанского князя Агриппина с молодыми снохами и ближними боярынями собрались в соборной церкви. Они решили встретить здесь неминуемую гибель. Многие рязанские женщины присоединились к ним. Епископ и священники пели молитвы и сулили райское блаженство принявшим мученическую кончину.

Слепой звонарь продолжал еще звонить в большой набатный колокол. Казалось, звон вещал, что борьба продолжается, что никто не сдается, что русские люди костьми лягут за свою землю.

На шестой день осады, 21 декабря, татары с горящими факелами в руках снова двинулись по лестницам на штурм. Измученные защитники Рязани обессилели, и татары ворвались в город.

Дикий радостный вой несся со всех сторон. Татары бежали по улицам, врывались в дома, рубили и старых и малых, никого не щадя.

Они разбили церковные двери, ворвались в храм, изрубили женщин и священников, подожгли здание. Они бросали в огонь маленьких детей, вырвав их у матерей, которых тут же убили.

В тот день к Савелию сразу поползли четыре лестницы. Внизу чернела толпа татар, готовых итти на штурм.

Савелий и ратники сбрасывали камни, сбивали влезавших, но лестницы сомкнулись, и татары перевалили через стену. Стремясь скорее к поживе, они Савелия не тронули. Перегоняя друг друга, татары побежали к детинцу, где находились княжеские хоромы, кладовые, склады и скотные дворы.

Савелий попал в толпу убегающих. Рязанцы скользили по обледенелым накатам и падали в реку, где лед проломился. У кого хватало силы, тот переплывал реку и бежал в сторону леса.

Начался грабеж. Татары не очень преследовали убегавших: «Далеко не уйдут, все равно наши будут».

Савелий, несмотря на ледяную воду, переплыл Оку. В мокрой одежде, с топором за поясом, он вылез на противоположный берег. В последний раз оглянулся на Рязань.

В чаду пламени и дыма выделялись колокольни горевших церквей. Среди воя и криков победителей Савелий ясно слышал равномерный одинокий звон набата, раздававшийся с соборной колокольни.

Там, до последнего вздоха, пока не прикончил его ворвавшийся татарин, призывал русских людей на защиту родины старый слепой звонарь.

К вечеру в Рязани никого в живых не осталось.

«Некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях — все вместе лежали мертвые...» [1]

6. Прощание с павшими

Штурм окончился. Пожар угасал. Рязань, за ночь засыпанная снегом, вся в обугленных развалинах, лежала,

[1] «Повесть о походе хана Батыя».

как страшно изуродованная покойница, прикрытая парчевым серебристым покрывалом.

Бату-хан пожелал осмотреть покоренный стольный город. Гонцы поскакали в ближайшие отряды джихангира с приказом через день к восходу солнца выстроиться против ворот Рязани.

Татары растянулись неровной линией вдоль берега замерзшей Оки. Сотни построились в десять рядов. Перед каждой полусотней сидел на коне лихой багатур, держа копье, украшенное цветным лоскутом. Каждую сотню возглавлял джагун[1]. Позади сотни неподвижно застыли барабанщики с двумя котлами, обтянутыми кожей, трубач с рожком на перевязи и щитобоец с круглым медным гонгом[2].

Татарские сотни тоже поредели. Во многих десятках нехватало нескольких всадников. Среди оставшихся было немало перевязанных, с кровавыми следами русских мечей и стрел.

Вдоль реки, на скатах городских валов и на дороге валялись голые трупы. Из глубокого снега торчали в воздухе разутые ноги, на которых уже уселось крикливое воронье.

Тысяча «непобедимых» уже давно выстроилась вдоль реки, кони застоялись и тянули подобранный повод. Вдали протрубил боевой рожок. Другие рожки повторили сигнал. Джагун первой сотни звучным голосом крикнул:

— Внимание и повиновение!

— Внимание и повиновение! — повторил отряд.

Воины выпрямились. Тысяча замерла в ожидании джихангира.

Из пригородного посада, со стороны уцелевшей от пожара церкви, выехала группа всадников. Впереди скакали трое; средний держал белое пятиугольное знамя с золотой маковкой и рыжим конским хвостом. На знамени был вышит золотыми нитками кречет, держащий в когтях ворона.

За знаменем ехал всадник и вез воткнутую на копье голову рязанского воеводы Вадима Данилыча Кофы.

---

[1] Джагун — сотник.

[2] Гонг — медный щит для сигнала спешного сбора или отступления.

Мертвые глаза были закрыты, лицо строгое, спокойное; ветер развевал длинную седую бороду и серебряные кудри.

Позади два скорохода в белых кафтанах, белых замшевых сапогах и белых высоких шаманских колпаках вели под уздцы белого жеребца ослепительной красоты с черными горящими глазами. Он изгибал шею, перебирал легкими ногами с черными копытами и плясал, стараясь вырваться.

Покрытый малиновой бархатной попоной с золотыми вышивками, конь блистал в лучах утреннего солнца.

Монголы с почтением смотрели на белого коня. Они верили, что на нем невидимо едет бог войны Сульдэ, любящий монголов, давший им новую победу.

Бату-хан ехал на вороном жеребце с белыми до колен ногами и белой отметиной на лбу. Он был в серебристой, переливающейся в солнечных лучах кольчуге и в золотом шлеме с длинным белым пером. Его взгляд скользил поверх людей. На коне была серебряная с золотыми бляхами сбруя, чепрак был расшит золотом. Этот вороной конь был подарен князем Федором, замученным по приказу Батыя в монгольском лагере.

За джихангиром ехали ханы на разукрашенных золотом и ценными камнями жеребцах. Среди них выделялся толстый и широкоплечий Субудай-Багатур, ехавший на саврасом коротконогом иноходце в самой простой походной сбруе.

Бату-хан ехал вдоль линии войск. Татары и монголы кричали: «Уррагх!»

Джихангир повернул обратно. Сотня «непобедимых» отделилась и последовала за ним. Батый со своей свитой переехал реку, где чернели большие промоины и валялись изуродованные трупы на льдинах.

У городских ворот проезд был уже расчищен работавшими у стены пленными.

Город был совершенно разрушен. Деревянные дома сгорели. Повалившиеся обугленные бревна чадили. Пахло паленым мясом. Из тлеющих пожарищ стекали грязные ручейки.

Бату-хан подъехал к развалинам соборной церкви и поднялся на каменное возвышение, возле которого преж-

де собирался народ. Здесь еще сохранился почерневший от дыма медный колокол. Перекладины, на которых он висел, обгорели, и колокол-вечник лежал на боку.

Мрачное зрелище открылось перед глазами монгольского владыки. По всей площади были сложены бревна, доски, двери, оконницы, колеса, сани, оглобли и обугленные остатки рязанских домов. На этой груде правильными рядами тесно лежали мертвые воины войска Бату-хана: монголы, татары, кипчаки — все, кто пал, штурмуя Рязань.

Сколько их? Кто сосчитает! Кто узнает, откуда они родом! Кто скажет, что будет с юртами, где целыми днями родные глаза смотрят на запад, ожидая сына, отца, брата, обещавшего вернуться с конями и верблюдами, нагруженными богатой добычей!.. Безмолвные, со страшными ранами, с застывшими искаженными лицами, лежали они на спине, уставив открытые глаза в чужое, холодное небо.

Спутники джихангира затихли при виде своих погибших товарищей, которые ушли навсегда в тот неведомый мир за облаками, где умершие воины призрачными тенями собираются в отряды «священного воителя» Чингиз-хана.

Так учили шаманы...

Мертвые воины оставались в своих обычных одеждах. Никто не осмелился бы снять с покойника синий чапан или расшитую узорами безрукавку, — воин должен явиться к тени Чингиз-хана в благообразном виде. Храбрые багатуры уходили в царство сказок и песен со своими мечами, привязанными к застывшим ладоням.

В наступившей тишине прозвучал протяжный жалобный стон. Он донесся из середины нагроможденных окаменелых тел. Стон повторился, отчетливо слышались слова:

— Тяжело... воды...

Монголы заволновались, зашептали:

— Нельзя разжигать священный костер!

Бату-хан оставался неподвижным. Он процедил сквозь зубы:

— Начинайте скорей!

Один из приближенных ханов сказал нараспев:

— Счастлив тот, кто вместе с багатурами, павшими

за величие монгольского улуса[1], улетит, подхваченный дымом священного костра! Он попадет за облака в алмазный дворец бога Сульдэ!

Загремели барабаны. Затрубили рожки. Тридцать шаманов в белых одеждах, с меховыми шкурами на плечах пошли, издавая пронзительные вопли, приплясывая и ударяя в бубны, вокруг огромного костра. Некоторые монголы, потерявшие близких, сойдя с коней, последовали за шаманами, подняв в правой руке шелковый расшитый платок.

Китайские мастера с восьми сторон подожгли паклю, намоченную горючей жидкостью. Дым заклубился над костром и быстро побежал по сухим бревнам и доскам. Пламя разгоралось, охватывало лежащие тела и желтыми языками взлетало к небу.

Монголы попятились от костра, но никто не смел удалиться, пока джихангир, неподвижный и молчаливый, прощался со своими нукерами. Но джихангир не уезжал, ожидая, пока его верные слуги пошлют ему прощальный привет.

Пламя облизывало трупы, промасленная одежда вспыхивала ярким огнем. От жара трупы зашевелились, скрючились, задвигали руками. Мертвый монгольский сотник, большой и могучий, как бы с трудом приподнялся и, точно прощаясь, повернул голову.

Жара стала нестерпимой. Горячий вихрь закрутился по площади. Вверх полетели раскаленные головни и обломки досок. Бату-хан, закрываясь рукавом, крикнул:

— Бай-арлалла, баатр дзориггэй![2]

Он хлестнул плетью коня и, вырываясь из дыма, поскакал с площади вниз, к реке. За ним, звеня оружием, теряя порядок и сталкиваясь, помчались монгольские всадники с прощальными криками:

— Байартай! Байартай![3]

Подожженная поминальным костром Рязань загорелась вторично. Целые сутки продолжался пожар и доносился удушливый запах обгорелого мяса.

---

[1] Улус — государство.
[2] Спасибо, доблестные богатыри!
[3] До свиданья! До свиданья!

Войско пировало три дня. Воины резали пойманный скот. Ханы ели жеребятину и пили вино, найденное в подвалах рязанского князя. Простые нукеры пили чай, сваренный с коровьим салом и жареным просом, и шопотом переговаривались:

— Йах, йах! Если при штурме каждого города будет гибнуть столько воинов, то много ли багатуров вернется на родину?.. Чуй! Не будем думать о завтрашнем дне, сегодня будем есть, пить, отдыхать и веселиться!..

Часть шестая

ЧЕРНАЯ ТУЧА НАД РУССКОЙ ЗЕМЛЕЙ

1. Скрипит!

На каменной стене стольного города Владимира-Суздальского стоял дозорный Шибалка. На нем был бурый армяк, надетый поверх овчинного полушубка. На уши он надвинул собачий меховой треух. Лыковые лапти поскрипывали на хрустевшем снегу. Жесткая борода стала серебряной от инея. Глаза зорко посматривали по сторонам туда, где засыпанные снегом леса дремали в голубоватом свете ущербной луны. Похлопывая ногу об ногу, ходил он взад и вперед, от одной бойницы до другой.

Дозорный Шибалка следил за дорогой на юг, уходящей в сторону Рязани. Там уже рубятся русские с татарвой. Какие вести принесут оттуда гонцы? Отбили рязанцы татар, напирающих из Дикого поля, или вороги обошли город и уже скачут по снежным полянам прямо на Владимир?

Шибалка стар, но крепко держит длинный боевой то-

пор[1] его жесткая, мозолистая рука. Как и в молодости, Шибалка готов итти биться туда, где есть опасность для родной земли.

«Не раз половцы делали набеги и заходили далеко в глубь русских земель, — вспоминает Шибалка. — Люди, гоня перед собой скотину, бежали ночью по дорогам, не зная, где преклонить голову. Красным заревом горел небосклон. Обычно половцы долго не оставались. Они хватали мужиков, девок, лошадей, быков, быстро угоняли их в свои степи. Но русские молодцы не раз настигали их и отбивали уведенную добычу...»

Многое может вспомнить старый воин, и тяжелые думы охватывают его, как серые тучи, медленно ползущие по небу.

Бесшумно шагает Шибалка взад и вперед. Черная тень его выделяется резко на сверкающем снегу.

Город в мирном сне. Ни звука, ни шороха в неподвижном морозном воздухе.

Тонкие, будто детские голоса послышались снизу, под стеной. Шибалка прислушался. Три тени, вынырнув из-за бойницы, приближались к площадке на стене. Три мальчика в длинных, до пят, шубенках, прижимаясь друг к другу, быстро семенили лапотками.

— Кто идет? Зарублю! — сказал хриплым голосом дозорный и стукнул топором.

— Дедушка Шибалка, не сердись! Это я, Булатко! — ответил голос. — Со мной суседские Поспелка и Незамайка.

— Вижу, что ты, бесенок! Чего не спите? Зачем ночью по стене бродите? Князь узнает — осерчает!

— Мы, дедушка, хотим только посмотреть, что такое скрипит.

— Чего?

— Вот он, Незамайка, говорит, это земля стонет и охает, беду чуя. А я смекаю, не татары ли ползут к нам? Если придут татары, мы тоже хотим драться с ними — кажись, не маленькие! Вот мы и прибежали узнать, что за скрип.

[1] Боевой топор, на длинной рукояти, носился на перевязи за спиной. Позже такой топор с большим лунообразным лезвием назывался бердыш. Иностранцы считали отряды русских пехотинцев с бердышами самой сильной частью русского войска.

— Ишь чего выдумал! Какой такой скрип? — сказал Шибалка.

— Да ты сними колпак, в нем тебе не слыхать.

Старик снял меховой треух и наставил ухо.

В тишине ясной ночи доносился отдаленный скрип, приглушенные голоса и одинокий тонкий плач.

Шибалка пристально смотрел, желая понять, что за стон, что за горе несется из глубины снежных полей.

— Смотри-ка туда, дедушка!

— Эх вы, малые ребятки! Да то Зима ходит по полям в медвежьей шкуре, стучится по крышам, будит баб ночью печи топить. За Зимой вереницами бредут метели и просят дела: засыпать снегом обоз или заморозить незадачливого путника... А Зима идет лесом, сыплет из рукава иней, идет по реке и под следом своим кует воду льдом на пять локтей. Вот откуда скрипит и потрескивает. Это метелица бабьим голосом воет.

Но мальчики не успокоились. Они продолжали всматриваться в даль.

— Да вот там, дедушка, на реке [1], гляди!

Луна выплыла из-за тучи, и в мерцающем серебристом свете стал ясно виден длинный обоз коней, саней и людей, двигавшихся по укатанной дороге по льду реки. Нарастающий тягучий скрип полозьев и едва слышный тонкий плач нарушали торжественную тишину морозной ночи. Люди и кони направлялись вниз по реке; они тонули в серо-голубом тумане, а за ними появлялись новые вереницы розвальней, которые с легким поскрипыванием уходили вперед...

— Кто это там едет? — спрашивали мальчики.

— Это сбеги [2] спасаются в леса... Знать, татары близко.

— Дедушка, а какие такие татары? Ты видал их?

— Не видал, а слышал, что это дикие люди, не имут смысла человека, живут со скотом в Диком поле и злобою всех одолевают.

— А нас они тоже одолеют? Придут они сюда?

— Может, придут, а может, их уже порубили и отогнали рязанцы. С табунщиками драться надо, что с мед-

---

[1] Река Клязьма зимой становилась самой удобной дорогой для обозов.

[2] Сбеги — беженцы.

ведем: коли побежишь от него, он догонит и задерет, а как полезешь на него с рогатиной, так опрокинешь и будешь с медвежьей шкурой.

— Глянь-ка, сбеги сюда едут! А за ними воины на конях. Не татары ли это?

Вереница саней направлялась к воротам крепостной стены; за ними следом ехала группа всадников. Лунный блеск вспыхивал на коротких копьях, на железных шишаках[1] и на пластинках броней.

Шибалка схватил колотушку и начал быстро ударять в висевшее между бойницами чугунное било, подымая тревогу.

Груженые розвальни и отряд всадников подъехали к запертым Золотым[2] воротам, над которыми возвышалась небольшая церковка.

Снизу отчетливо доносилась русская речь прибывших. Всадники стучали в ворота.

На стену прибежали разбуженные воины и поднялся, запахивая медвежью шубу, степенный сотник.

— Кто такие? — крикнул со стены сотник.

— Князь Роман Ингваревич с тревожной вестью из Рязани.

— А другие кто такие?

— Пустите в город. Пострадали от безбожных татар. Бежим в тихие места.

— Какие у нас тихие места? Ждем ворогов со дня на день. Князя Рязанского с дружиной мы пропустим, а вы проезжайте в дальние погосты, там и отдохнете...

В ответ послышались крики, брань и плач.

Тяжелые дубовые створцы ворот раскрылись, пропустили всадников и снова закрылись.

Сбеги, громко проклиная владимирцев и их князя, потянулись дальше искать крова и приюта.

2. Татары близко

Был двадцать третий день десятого месяца студня[3].

---

[1] Шишак — остроконечный шлем.

[2] Владимир в XIII веке явно подражал Киеву, и ворота города были названы Золотыми, подобно киевским Золотым воротам, над которыми тоже была выстроена церковь.

[3] До XV века декабрь, или по древнерусскому наименованию «студень», считался десятым месяцем в году, так как год начинался с 1 марта.

Великий князь Юрий Всеволодович Владимир-Суздальский поужинал жареным гусем с кислой капустой, закусил парой моченых яблок и прилег на лежанке, крытой бараньими шкурами, да там и уснул.

Среди ночи его разбудил встревоженный голос.

— Вставай, княже, очнись!—говорил старый, преданный слуга Аргун[1], расталкивая князя. — Плохие вести привезли из Рязани.

— Какие вести? Кто привез? — спросил князь, с трудом пробуждаясь.

— Прибыл из Рязани князь Роман Ингваревич.

— Что говорит?

— Сам тебе поведать хочет.

— Из Рязани, говоришь? Что же с нею стряслось? — все еще недовольно ворчал князь, натягивая сапоги. — Где князь Роман?

— Здесь, в гриднице.

Дружинник подал беличий охабень[2]. Сильные руки князя Юрия дрожали и долго не попадали в рукава.

Великий князь Юрий Всеволодович прошел в гридницу, где обычно происходили советы князя с боярами.

Слабый свет лампад перед старыми темными иконами озарял бревенчатые стены, кое-где завешанные сукном и коврами. Здесь ожидали стоя княжеские сыновья Владимир и Всеволод и несколько ближних бояр.

Воеводы Жирослав Михайлович, Еремей Глебович и Петр Ослядюкович были встревожены; даже они, повидавшие и испытавшие много в своей долгой боевой жизни, не имели слов, не находили выхода, — слишком тяжелы были вести из Рязани.

На скамье, крытой ковром, сидел, положив кудрявую голову на руки, приехавший из Рязани князь Роман. Он сидел не шевелясь, усталый, как бы задремав от бессонной ночи и бешеной скачки.

Громко, властным голосом заговорил, входя, великий князь Юрий Всеволодович.

— Что ты привез из Рязани? Что сделали с ней татары? Крепко ли бились рязанцы или показали пяты и отдали родной город врагам?

---

[1] Аргун — древняя кличка, прозвание плотников. До сих пор владимирских плотников зовут аргунами.

[2] Охабень — верхняя длинная одежда.

Князь Роман Ингваревич ничего не отвечал. В тишине ночи слышалось лишь легкое дребезжание от ветра оконного пузыря.

— Я спрашиваю, как бились рязанцы? Этакий вольный, могучий народ! Неужто сдали город?

Князь Роман очнулся, услыхав лишь последние слова. Он вскочил с перекошенным от страдания лицом и воспаленными от многих бессонных ночей красными глазами. Сдерживая ярость, он крикнул хриплым голосом, готовый броситься на великого князя:

— Не тебе так говорить, не тебе нас и попрекать! Отвернулся ты от нас в тяжелую годину, сам не пришел на наш зов и подмоги не прислал... Нет больше Рязани! Сожгли ее мунгалы. Полегли все рязанцы, а от города осталось одно горящее пепелище. Но никто не отступил! Живые мы не отдали города. Только через изрубленные тела ворвались к нам окаянные мунгалы!

— А князь Юрий Игоревич?

— Убит... в Диком поле...

— А князь Пронский, князь Муромский, Глеб Михайлович Коломенский?

— Все, отбиваясь, полегли... Все оглядывались, не идешь ли ты на помощь с суздальцами, ростовцами, не идут ли новгородцы. Где же там! Вы заперлись за своими стенами, взобрались на печи и, ворочаясь, давите тараканов.

— Не смей говорить такие речи! — закричал великий князь.

— Где же были суздальцы — сальники, кулики?[1] Что вы сделали, на болоте сидючи?

— Больно ты дерзок приехал! Все вы, рязанцы, губошлепы желторотые!..

— Не порочь же ты рязанцев! Лежат они, застывшие, на снежных полянах, и некому даже бросить в их могилы горсть родной земли... Если услышу от тебя хоть одно слово насмешки...

Князь Роман схватил лежавший на скамье меч, но бояре и оба сына князя повисли на руках споривших. Великий князь Юрий, стараясь вырваться, кричал и тянулся к мечу, висевшему на стене.

---

[1] Сальники, кулики — обычный шуточный эпитет, который укрепился за суздальцами.

— Не ему меня учить! Сам знаю, что делать надобно! Не тебе, ворона, каркать нам под руку!

— Батюшка, не надо так говорить с нашим гостем в тяжелый для нас час, — старались успокоить великого князя его сыновья.

Князь Юрий Всеволодович остыл, призадумался и заговорил обычным, властным голосом:

— Что не удалось рязанцам, то сделаем мы, владимирцы и суздальцы. Мы продолжим бой. Выгоним из нашего княжества татарских ворогов-грабителей, истребим их злобное племя. Я разделю свои полки: с одним ты, мой старший сын, князь Всеволод, пойдешь в Коломну, с другим полком пойдет в Москву мой младший сын Владимир. Ему в подмогу я дам воеводу Филиппа Няньку. Спешите, татары могут налететь раньше вас. А здесь, во Владимире, на время моего отъезда останется воеводой Петр Ослядюкович... Князь Роман будет помогать старшему сыну моему, Всеволоду.

Все молчали, пораженные желанием князя в тревожное время уехать из Владимира. Княжич Всеволод сказал:

— Батюшка, мы выполним твою волю. Мы не уступим родной земли. Мы будем биться, пока хватит сил, но ты...

Повернувшись к сыновьям, князь обнял и благословил их. Затем сделал знак воеводам подойти ближе и тихо сказал:

— Я вместе с племянниками выезжаю на Волгу, в Ярославль, Кострому, Углич, Кашин. Там, в Заволжье, я найду место, где построю боевой стан. Там соберу новую, могучую, несокрушимую рать. Я одолею татарского царя Батыгу!

— Дай-то бог! Исполать тебе! — воскликнули все.

Воеводы хотели расспросить великого князя о воинских приготовлениях в городе Владимире, но он отказался им отвечать.

— Теперь вы сами распоряжайтесь! Теперь вы — головы, вы — начальники!.. — И князь удалился в свою опочивальню.

3. Русь всколыхнулась

Великий князь Юрий Всеволодович уехал на рассвете вместе с двумя племянниками и сотней верховых дружинников.

Кутаясь в медвежью шубу, князь поудобнее уселся в открытом сплетенном из лозы возке. Три коня, запряженные гуськом, потащили скрипучие сани. Верхом на переднем коне ехал старый слуга, искусный на все руки Аргун.

На узких кривых улицах города еще было темно. Кое-где в маленьких окнах деревянных домов тусклый красный свет пробивался через пузыри, показывая, что начиналась дневная жизнь: топились печи, месилось тесто, выкладывались на доски караваи и пироги.

В городских воротах княжеский поезд из нескольких саней и всадников задержался. Сторож Шибалка допытывался, кто едет, а князь приказал дружинникам и слугам никому не проговориться о его отъезде. Шибалка заглянул в возок и узнал выглядывавшие из высокого воротника медвежьей шубы пронизывающие черные глаза. Он снял колпак и побежал открывать тяжелые дубовые ворота.

Юный князь Владимир и воевода Филипп Нянька, спешно собравшись, помчались в Москву. Сопровождали их сто дружинников верхами. У каждого был заводной[1] конь. За ними следовал обоз саней, груженных кольчугами и разным оружием, с запасом еды для ратников и ячменя для коней.

Ехали сперва по реке Клязьме, потом направились напрямик, чтобы избежать речных извилин и перевертов. Всюду, даже в глухих лесных деревушках, чувствовалась тревога. Всколыхнулся русский народ. Точили топоры да рогатины и расспрашивали, где собирается ратный люд. Но никто толком ничего не знал.

Князь Владимир остановился в лесном поселке подкормить лошадей. Он сидел возле избы на завалинке. Из лесу показался высокий человек с большой рогатиной и луком за спиной. Он тащил на плече убитую дикую козу и шел мерным твердым шагом. Охотник остановился перед Владимиром и снял меховой колпак. На плечи упали белые волосы, пожелтевшие на концах. Он

[1] Заводной — запасной.

вытащил из воротника седую бороду, рассыпавшуюся на груди.

Узнав, что перед ним сын князя Владимирского, старик опустил к ногам молодого князя козью тушу.

— Кушай, княжич, на здоровье! Полдничай вместе с твоими ратниками. Слышал я от монаха-странника, что на Русь навалилась несметная табуноцкая сила. Вот и я не утерпел, вышел из своего логова. Уже много лет живу я в болотах с медведями и сохатыми[1] да еще бортничаю[2] — кормят меня дикие пчелы!.. Теперь я поднялся скликать на войну сыновей и внуков, их у меня двадцать семь молодцов. Все вместе пойдем отбивать лихих ворогов. Где нам собираться?

— Иди в город, что поближе, — во Владимир.

— Это к батюшке твоему, великому князю Юрию Всеволодовичу? Нет. Не пойду я к нему. У него рука тяжелая. Тому назад пятнадцать годов стоял твой батюшка с суздальским войском на реке Липице и зря уложил там все свое войско. Десять тысяч мужиков суздальских тогда пали. Да какие всё молодцы! А кто нас рубил? Свои же пахари: новгородские, смоленские, ростовские. А для чего рубились? Знаешь ли?

— Знаю. Они хотели отнять княжение у моего отца, великого князя Юрия Всеволодовича.

— Князья промеж себя не могли решить: сидеть ли во Владимире князю Юрию Всеволодовичу или его родному брату Константину Ростовскому? Брат на брата с ножом полез. А биться заставили простых людишек. Нам-то не все ли равно, какой брат будет сидеть — Константин или Юрий? Князья нас не пожалели, и покатились зря глупые мужицкие головы! О татарах тогда и не слыхивали, а братья резались меж собой хуже татар. Теперь великий князь Юрий Всеволодович, твой батюшка, небось почесывается да охает: как бы найти у колдунов живой и мертвой водицы и поднять десять тысяч покойников против татар? Эх, княжич Владимир, покойничков ни заговорами, ни молитвами не подымешь. А кто из стариков остался жив, кто бился на реке Ли-

---

[1] Сохатый — лось.

[2] Бортничать — добывать дикий пчелиный мед, который пчелами откладывался в бортях, дуплах старых деревьев. При отсутствии сахара в ту эпоху торговля медом играла большую роль и внутри страны и вне ее.

пице и помнит, что с нами князья сделали, так те за великим князем Юрием не пойдут!

— Ты что же ведешь разбойничьи речи? — рассердился молодой князь Владимир. — Да я тебя за такие слова уложу на месте!..

— Еще одним покойником больше будет, а татары все же придут. И никто, как мы, мужики, будем с ними биться и гнать из нашей земли. А как будет с ними драться великий князь Юрий Всеволодович, мы не ведаем. Я с сыновьями и внуками уже выступаю и других сторонников[1] созову. Татар будем ловить и на рогатину сажать... А ты, княжич Владимир, не серчай на старика и кушай мою козлятину на здоровье да не показывай в бою татарам хвоста своего коня.

Старик одел колпак, низко поклонился князю Владимиру и, тряхнув седыми кудрями, пошел прочь, высокий, крепкий, прямой. Из кустов вышло несколько охотников, с рогатинами и луками, такие же высокие, стройные, в бараньих шкурах, и пошли за стариком след в след, нога в ногу.

4. Бату-хан жжет Москву

Бату-хан торопился первым прибыть в Мушкаф[2]. «Это маленький городок, — рассказывали булгарские купцы, — но близ него скрещиваются водные пути урусутской земли, и там иногда останавливаются купцы из разных стран, едущие в богатый Ульдемир и в Булгар».

Джихангир решил: не надо допускать в Мушкаф других чингизидов. У него были свои мысли, свои планы, и о них он не раз говорил с молчаливым Субудай-Багатуром, который сумрачно и коротко отвечал:

— Так! Приедем — посмотрим!

Ранним утром передовая тысяча Бату-хана прибыла к крутому и обрывистому берегу, поросшему старым сосновым лесом. Внизу изогнулась заснувшая подо льдом река.

---

[1] Сторонники. — В то время сторонниками назывались свободные, не княжеские отряды, своего рода партизаны.

[2] Мушкаф. — Так в то время у монголов называлась Москва. По новейшим исследованиям, Москва времени нашествия монголов была маленьким укрепленным городком, с небольшим населением.

На другом берегу, на холме, виднелся небольшой деревянный городок, опоясанный бревенчатыми стенами. В беспорядке теснились дома, два пестрых терема, амбары, небольшие церквушки. Засыпанный снегом городок был окутан сизым дымом, клубившимся над деревянными крышами.

Татар здесь не ожидали. Тянулись обозы, люди шли к реке и обратно. Бабы несли на коромыслах деревянные ведра. У проруби на реке стояли сани с бочкой. Человек доставал черпаком воду. Несколько женщин, стоя на досках у проруби, били вальками по вымытым портам.

Почерневшие маленькие срубы, из которых валил пар, выстроились вдоль берега реки. Голые люди выскакивали оттуда, бежали к проруби, окунались с головой и стремглав возвращались обратно.

Бату-хан указал на них плетью:

— Что делают эти безумные?

— Эти домики называются мыльни, — объяснил толмач. — Там люди секут себя березовыми вениками, моются хлебным квасом и горячей водой, затем окунаются в проруби на реке. Это очень полезно. Оттого урусуты такие сильные.

Бату-хан заметил:

— Кто смывает с себя грязь, тот смывает свое счастье. Оттого монголы счастливы в боях, что никогда не моются.

Бату-хан увидел несколько больших лодок, лежавших на берегу, перевернутых кверху днищами. Около них ходили люди, дымились костры.

— Это лодки иноземных гостей [1], — сказал толмач. — На этих лодках гости ездят и в Новгород, и в Киев, и в Булгар, и к латынянам [2] через Смоленск. Эти латинские гости из-за ранних морозов застряли в Мушкафе.

— Я хочу видеть иноземных торговцев и говорить с ними, — приказал Бату-хан. — Их не надо резать, а надо их поймать и привести ко мне.

Позади городка вдруг к небу повалил густой черный дым. Загорелись сразу три села. В клубах дыма

[1] Гость — купец, торговец.

[2] Латыняне. — Так в то время на Руси обычно назывались иноземцы, исповедовавшие католическую, «латинскую» религию.

вспыхивали горящие красные языки. Старые дома охватывало высокое пламя, выбрасывая оттуда пылающие головни. Они падали на соседние дома, и пожар разгорался сильнее. На реке и в городе забегали люди. Водовоз бросил черпак и, нахлестывая кнутом коня, помчался к городским воротам. Бабы, схватив белье, врассыпную побежали в разные стороны.

— Шейбани! Хан Шейбани пришел! — заговорили монголы. — Шейбани набросился на Мушкаф с другой стороны, раньше нас!

Подъехал Субудай-Багатур и прищуренным глазом всматривался в полыхающее зарево.

— Откуда свалился Шейбани? — спросил Бату-хан.

— Шейбани-хан поджигает город, — говорил Субудай. — Он примчался по льду через реки Жиздра и Угра, торопясь обойти нас. Он не дает жителям скрыться в лесах. Прикажи окружить город с этой стороны и вылавливать купцов и ремесленников. Скоро князь Мушкафа придет к тебе с поклоном и мольбой.

— Я останусь здесь, на горе! — Бату-хан соскочил с коня. — Пусть мне поставят юрту!

Субудай-Багатур возразил:

— Невдалеке отсюда стоит селение[1]. Там ты, джихангир, можешь выбрать себе дом.

— Не хочу! Мы с тобой привыкли спать у костра.

— Верно! — сказал Субудай. — Но для чего в этот сердитый мороз коптеть в дыму? Мушкаф не легко будет взять. Там сидит хитрый старый воевода. С ним придется повозиться немало дней.

— Повозимся! Но Мушкаф будет мой!

Бату-хан и его брат Шейбани осаждали маленькую крепость пять дней. Жители укрылись за прочными бревенчатыми стенами и упорно сопротивлялись. Воевода Филипп Нянька и молодой князь Владимир руководили защитой, сменяли усталых бойцов, посылали свежих на особенно опасные места.

На пятый день прибыли метательные и стенобитные машины. Татары приволокли их к стенам. В город полетели огромные камни и глиняные ядра, начиненные зажигательным составом. Деревянные дома загорались

---

[1] Селение Воробьево — на месте нынешних Воробьевых гор.

сразу в нескольких местах. Жители уже не поспевали тушить пожары.

На высоком берегу между двумя кострами, на ковре, наброшенном на упавший ствол сосны, сидел Бату-хан. Рядом с ним стоял угрюмый Субудай-Багатур. Они смотрели на горящий город. Конечно, лучше бы взять город неразрушенным, но если урусуты так хотят бороться! Что для Бату-хана маленький Мушкаф? Одним городом больше или меньше, не все ли равно? Разве не то же было в Китае, Хорезме и других странах, где приходилось сжигать и громить города?

К джихангиру подъехали нукеры, гоня пленных. Связанные общей веревкой, раздетые, без шаровар, посиневшие от холода, они все же не падали духом и сохраняли гордый вид. Среди них выделялся один, одетый отлично; видно, его не коснулась враждебная рука. На нем была широкая малиновая шуба, безрукавка, отороченная соболем. Рукава шелкового кафтана, шерстяные полосатые чулки, башмаки с металлическими пряжками, фетровая шляпа с широкими полями и пышным пером — все было иноземного образца. Пленных, кроме нукеров, сопровождали факих Хаджи-Рахим и старый Назар-Кяризек. Они подошли к Бату-хану.

— Становитесь на колени перед джихангиром! — крикнул толмач.

Пленные опустились в снег.

— Кто эти люди? — спросил Бату-хан.

— Ты пожелал увидеть иноземных купцов, — сказал Хаджи-Рахим. — Вот они здесь перед тобой. Они владеют несколькими лодками с товарами. Мне с большим трудом удалось освободить их из арканов и привести сюда. Вот этот нарядный купец — их старшина. Он тоже был ободран, и синяки на его лице говорят, что он познакомился с татарской могучей силой. Но все же в последнюю минуту, желая почтить тебя, великий джихангир, он вытащил из-под лодки спрятанную праздничную одежду, чтобы в достойном виде предстать перед твоим сверкающим лицом.

— Пусть он расскажет, — сказал Бату-хан, — кто он, как его имя, из какой страны и города он прибыл. Какие у него дела в городе Мушкафе?

Старшина купцов поднялся, выставил вперед ногу, склонился низко перед Бату-ханом, махнул широкой

шляпой с пером перед собой, точно сметая снег. Купец заговорил по-русски, видимо хорошо изучив этот язык, а толмач переводил его речь.

— Я, как и оба моих почтенных товарища, родом из Любека, богатого города Вендской области германской земли. Остальные из других городов: Дитмар из Брюггена, Рудольф из Дортмунда, Райднольд из Сеста и Карол из Мейдебаха. Все мы принадлежим к купцам-русариям, потому что мы, как и отцы наши, давно ведем торговлю с русами. В городе Москов мы остановились случайно, из-за ранних морозов. А плыли мы по рекам в славный город Владимир, где мы имеем склад товаров и торговую лавку. На родине нас зовут ганзейцы[1]. Так именуются купцы, которые разъезжают на кораблях, не боясь опасностей, и торгуют с далекими странами. Главный город, через который мы ведем торговлю с русами, — Смоленск. От него мы направляемся вниз по реке Днепру в Киев и дальше на восток. На север мы направляемся по реке Дюне[2]. Некоторые наши самые смелые ганзейцы ездили за товарами в отдаленный и прославленный город Новгород и в еще более далекий и богатый город Булгар на реке Каме.

— Какими товарами вы торгуете? — спросил Батый.

— Мы покупаем у булгар и арабов восточные товары: имбирь, перец, гвоздику, изюм, сушеные фрукты. У русов мы покупаем воск, мед, меховые товары, шерсть, щетину, смолу, деготь, кожи, сало, кудель...

— А сами вы что продаете?

— Мы торгуем главным образом славным добротным германским сукном и белоснежными холстами. Продаем также оружие и железо, отличное вино рейнских виноградников и разные искусные изделия из благородных металлов, золота и серебра, предметы из меди, оловянные тарелки и кружки; имеем также свинец, краски и синьку.

— Можете ли вы сейчас показать мне ваши товары?

Купец снова низко поклонился и смел шляпой снег.

---

[1] Ганза, или Ганзе, — древнее готское слово, означало товарищество германских купцов, торговавших за границей. Во времена Батыя ганзейские купцы (еще не объединенные в один союз) доходили до Владимира и до Булгара и вели оживленную торговлю по Западной Двине, Днепру и Дунаю.

[2] Дюна — Западная Двина.

— Для нас было бы величайшей честью представить вашему ханскому величеству товары, какими мы торгуем. К сожалению, произошла маленькая неприятность, ничтожное недоразумение, которое легко исправить при благосклонной милости вашего величества.

— Что случилось? — спросил Бату-хан, сохраняя величественное спокойствие. В глазах его мелькнули веселые искры.

— Лодки, в которых мы хранили немного наших товаров, посетили твои почтенные и храбрые воины, и каждый из них брал все, что ему нравилось. Так как почтенных гостей было очень много, а товаров недостаточно, то мы не смогли ничего сберечь, чтобы поднести вашему величеству для выражения нашей преданности.

— Прикажи их зарубить! — тихо прошипел Субудай-Багатур. — Все они хитрые соглядатаи.

— Нет, я награжу и возвеличу их! — ответил невозмутимо Бату-хан.

— Это опасно...

— Молчи! Так нужно! — Бату-хан снова обратился к купцам: — Вы, значит, жалуетесь на моих воинов?

— Нисколько! — ответил спокойно старшина. — Я жалею только, что мы не были достаточно щедрыми хозяевами. Все же мне удалось сохранить для вашего величества скромный подарок. — Купец вытащил из-за пазухи серебряный кубок с затейливыми фигурными украшениями и поднес его монгольскому хану.

Улыбка скользнула по лицу Бату-хана, и он покосился на хмурого Субудай-Багатура. Джихангир принял кубок, стал рассматривать его, приподнял крышку и заглянул внутрь.

— Скоро вы будете, — сказал он сурово, — вырезать на кубках и на ваших монетах: «Бату-хан, джихангир, покоритель вселенной». Я проеду через ваши земли и возьму город Любек.

Как будто обрадованные, купцы воскликнули:

— Пока ты возьмешь город Любек, согрей нас и верни наши теплые одежды!

— Я вас помилую. Вы получите от меня в дар татарские шубы. Такие смелые купцы мне полезны. Скоро не будет больше царства Булгарского, Урусутского или Германского и прочих, а будет только одно Монголь-

ское царство... И вы, купцы, свободно будете ездить по всему моему царству и торговать нужными нам товарами. Тогда вы станете самыми богатыми из заморских купцов. Есть у вас еще просьба?

— Мы боимся за свои лодки. На чем мы вернемся домой? Твои почтенные воины начали рубить и жечь их. Прикажи своим воинам, чтобы они перестали уничтожать этот город и наши лодки.

Бату-хан хлестнул плетью.

— Говорите о том, что касается вас: о коже, воске и сукне, но не касайтесь моих воинов! Когда стрела пущена, нельзя ее удержать! Я приказал взять город, и воины, по законам «Ясы», три дня могут его грабить и жечь, и никто не смеет остановить их радости и веселья. Но когда три дня пройдут, я сломаю хребет каждому воину, который еще останется в покинутом городе... Да, я сровнял с землей этот ничтожный городишко... Довольно просьб! Разрешаем их увести!

Купцы, со страхом озираясь, быстро удалились.

— Умный у них старшина! — сказал Бату-хан Субудай-Багатуру.

— И потому особенно опасный! — мрачно ответил старый полководец.

Город продолжал пылать. Деревянные строения быстро превращались в горящий костер. По небу в темных облаках дыма метались белые голуби. Стенобитные машины проламывали широкие входы в стенах, куда, теснясь, бросались татарские всадники.

— Так велит Чингизова «Яса»!..[1] Урратх! Кху-кху монголы!—кричали татары и безжалостно рубили встречных, срывали с них одежды. Пробираясь по узким улицам городка, врывались во дворы и дома. Захватив добычу, татары спешили скорее выбраться из пылающего города. Некоторые тащили на арканах пленных со связанными руками, гнали перед собой женщин или везли детей, перекинув их поперек седла.

Два дня городок и все окружные села были во власти татар. Они рылись в развалинах, добивали раненых и слабых.

На третий день татары стали собираться в свои от-

[1] Среди законов «Ясы» есть один, требующий не иметь жалости к врагам, а беспощадно их избивать, несмотря на возраст.

ряды. Повсюду разводили костры. На них складывали рядами своих убитых воинов. Костры задымились. Татары сидели вокруг, ели жеребятину, пели, раскачиваясь, заунывные песни и кричали: «Байартай!», прощаясь с павшими товарищами.

Утром следующего дня татары ушли так же быстро, как появились. Ни одного монгольского воина больше не было видно в опустошенной Москве.

5. Осада Коломны

Монголы осадили крепость Коломну[1]. Старые бревенчатые стены служили городу прочной защитой. Ворота с ржавыми железными щитами, бляхами и перекладинами были наглухо закрыты. Жители торопливо взбирались на стены и смотрели со злобой, как кругом разъезжали группы вражеских всадников. Их небольшие крепкие кони то неслись, легко перескакивая через бугры и кусты, то останавливались, крутясь на месте.

Иногда тяжелые ворота с визгом открывались, из городка выезжали в поле русские всадники. Они бросались на вертевшихся перед стенами монгольских удальцов, гонялись за ними, чтобы захватить в плен. Но монголы близко к себе никого не подпускали и удирали во всю прыть. Русские не преследовали их, помня наказ воеводы не отъезжать далеко от городских стен.

Некоторые татарские всадники показывались перед самыми воротами. Они стреляли из луков в защитников Коломны, стоявших наверху, на стенах. Монгольские стрелы были длинные, с железными закаленными остриями. К некоторым стрелам были приделаны глиняные свистульки, издававшие при полете пугающий визг. Неосторожные тяжело платились за свою отвагу: татарские стрелы пронизывали их грудь насквозь.

Группа татарских всадников на легких быстрых конях подъехала близко к городским воротам, дразня и вызывая на схватку. Коломенские удальцы просились в битву с татарами, но старый опытный воевода их удерживал:

— Еще не пришел час битвы. Не верьте хитрому татарину. Он нас заманивает.

---

[1] Коломна — передовая крепость против южных кочевников, входила в Рязанское княжество.

Защитой Коломны ведал Еремей Глебович, прославившийся в войнах с половцами. Помогали воеводе сын великого князя Всеволод Юрьевич и спасшийся из Рязани князь Роман Ингваревич. Оба командовали полками: князь Всеволод — суздальским полком, а Роман — собранным из ратников, пришедших из Рязани.

Молодые князья порывались схватиться с татарами, разбить их и, укрепившись, двинуться дальше, на другие татарские полчища.

Воевода наконец согласился и приказал десяти сотням быть готовыми: с рассветом они выйдут из города для нападения на татарский лагерь.

— Захватите татарина в плен, — приказал воевода. — Надо у них выведать: сколько у татар войска, кто из ханов стоит перед Коломной и где другие ханы? Придут ли они тоже в Коломну или поведут свои отряды на другие города? Без «языка» не возвращайтесь!

Главным начальником войска, осаждавшего Коломну, был молодой хан Кюлькан, младший сын великого Чингиз-хана. Он вел тумен татарских всадников. Кроме того, у него было пять тысяч кипчаков хана Баяндера и смешанный тумен из воинов разных племен. Отряды эти, проходя по Суздальской земле, грабили и беспощадно истребляли захваченных жителей. В течение месяца они сожгли и превратили в развалины четырнадцать городов.

Хан Кюлькан подъехал к Коломне в морозный зимний день. Он приказал поставить походные юрты на противоположном берегу реки Оки, на опушке соснового леса. Оттуда отчетливо виднелись зубчатые бревенчатые стены Коломны и железные ворота. Безлюдная снежная равнина замерзшей реки служила хорошим полем для передвижения войск в предстоящей битве.

Высокий сильный Кюлькан, такого же богатырского сложения, как отец его Чингиз-хан, стоял возле своей юрты и жадно всматривался в крепость. Разгром ее принесет ему первую воинскую славу. Он стоял неподвижно, тая страстную жажду богатырских подвигов.

У ног его сидел, подобострастно сжавшись, старый шаман в остроконечном колпаке и с меховой накидкой на плечах. Он посматривал хитрыми глазками на Кюлькана и поддакивал ему.

— Мне уже девятнадцать лет, — говорил Кюлькан,— а я еще ничего не сделал. Ничего славного, достойного моего великого отца! Правда, в мои годы отец был лишь сыном десятника, от которого разбежались его голодные нукеры. Отец находился тогда в плену с тяжелой колодкой на шее и колотил молотом по наковальне, подгоняемый жестоким хозяином-кузнецом. И все-таки он стал каганом монголов! А я — хан Кюлькан, я — сын повелителя всех народов вселенной, у меня прекрасные скаковые кони, под моей властью двадцатипятитысячное войско. Одним движением руки я могу послать его в бой. Клянусь перед вечно синим небом, я, хан Кюлькан, закончу то, чего не смог выполнить отец! Я покорю вселенную до последнего моря.

— И покоришь, и покоришь! — твердил шаман. — На небе звезды предсказывают — тебе суждено стать еще более великим завоевателем, чем твой отец. Ты пройдешь туда, куда его священная нога не ступала!

— Мне мешают соперники, — продолжал Кюлькан. — Первый — Гуюк-хан. С ним нужно пока дружить. Но сильнее его Бату-хан. Зачем его избрали джихангиром? При первой же неудаче Бату-хана надо казнить, объявив его неспособным, потом можно будет убрать и Гуюк-хана... Но главное: здесь, под Коломной, надо показать удальство, смелость, щедрость, чтобы все нукеры прославляли Кюлькан-хана. Потом они же помогут мне сделаться великим каганом!..

— И ты будешь каганом! — восклицал шаман. — Заоблачные боги мне то же говорят. А твои соперники Бату и Гуюк скоро погибнут.

В отряде хана Кюлькана находился кипчакский хан Баяндер. Будучи правоверными мусульманами, кипчаки стояли особым лагерем, не смешиваясь с монголо-татарскими отрядами.

Кипчакские воины любили, греясь у костров, слушать былины про подвиги богатырей или смешные рассказы о приключениях плешивого силача Кечель. Любили они поиздеваться над сотником Тюляб-Биргеном, напоминая ему, что связанный пленный урусутский мальчишка увел его красавца коня.

Под Коломной воины заговорили, что среди урусутских всадников, выезжавших из ворот, многие видели

удальца на гнедом коне Тюляб-Биргена. Каждый давал совет, как вернуть скакуна.

Тюляб-Бирген отворачивался, скрипел зубами, грозя зарубить насмешников.

Сотник Тюляб-Бирген отправился к хану Кюлькану. Два запорошенных снегом нукера после долгих уговоров пропустили его в юрту. Позади костров из сосновых веток на ковре из барсовых шкур сидел сын «священного правителя». Налево от хана тесно прижались друг к другу несколько военачальников. В руках ханы держали круглые деревянные чашки. Слуга-уйгур, без сапог, в войлочных чулках, стоял на ковре близ бурдюка, подвешенного на крюке, и ковшиком подливал в чашки крепкую арзу.

Тюляб-Бирген терпеливо выжидал, сняв меховой колпак и повесив на шею пояс в знак того, что он всецело отдает себя на волю вечно синего неба. Кюлькан для сохранения величия продолжал беседу. Наконец он соизволил заметить безмолвного сотника.

— На что ты жалуешься и что просишь? Что хочешь сообщить, храбрый и славный Тюляб-Бирген? Подойди сюда к нам, садись рядом.

— Ты один можешь спасти меня! Пусть я свалюсь жалким трупом! Если я не способен сам проложить себе дорогу славы и победы, то лучше мне умереть. Если ты не поможешь, я брошусь в бой и погибну под мечами урусутов.

— О чем тебе горевать? — сказал старый темник Бурундай, прославленный опытный соратник Чингиз-хана.— Ты молод, но в рассказах у наших костров уже отмечен как храбрый воин и лихой разведчик. Продолжай начатый путь! Добивайся славы!

— Это все было. А теперь каждый желторотый юнец при виде меня гогочет, хотя сам еще не умеет срубить одним взмахом голову врага.

— Что же ты просишь? — спросил хан Кюлькан.

— Прошу милости! Из крепости Коломны каждый день вместе с урусутскими всадниками выезжает враг мой на украденном у меня гнедом коне. Мое сердце не переносит этого...

— Достойно говоришь! Разве воин может допустить, чтобы кто-нибудь из врагов ездил на его коне? Поймай дерзкого и заруби его.

— Ты читаешь, как по книге, скрытые мысли твоих верных слуг и знаешь, о чем я хочу просить.

— Довольно! Я все понял! Дайте чашку арзы верному Тюляб-Биргену! Я устрою веселую охоту на этого дерзкого урусута. Надо захватить живьем и коня и ездока. Даю тебе сорок всадников на самых быстрых моих конях. Ты расставишь их вдоль реки по три человека через каждые двести шагов. Как только урусут выедет из ворот, сотня моих всадников врежется в толпу урусутов, расколет их и отгонит молодого злодея в сторону. Охотники с арканами погонятся за ним. В погоне за мальчишкой все время будут сменяться новые всадники на свежих конях. Самый крепкий конь не выдержит такой гонки. И мы легко захватим и мальчишку и твоего гнедого.

— Ты великий, ты щедрый!

— Потом я сам буду допрашивать злодея, а ты, Тюляб-Бирген, будешь прикладывать к его спине раскаленный камень, чтобы он говорил правду. Для этой веселой охоты я дам тебе лучшего коня.

— Я твоя жертва на всю жизнь!

6. Облавная охота

С рязанским отрядом князя Романа Ингваревича в Коломну приехал Торопка. Он остался гонцом при князе, который ценил ловкого юношу.

— Если поручишь что Торопке, — говорил князь Роман, — он все выполнит, хотя бы ему грозила гибель.

Любимцем Торопки стал стройный гнедой жеребец, вынесший его из татарского плена. Торопка и холил, и лелеял его, и, голодая часто сам, кормил из рук хлебом, отдавая коню последнюю корку. А доставать в Коломне хлеб и сено становилось все труднее, так что конь стал худеть. Жители прятали хлеб, не зная, сколько времени продлится осада. Народу в городе набилось много; сюда съехались беглецы из окрестных мест. Уже начали резать лошадей для еды.

Тогда Торопка решил попытаться выбраться из города, чтобы поискать корма для своего любимца. Торопка стал готовиться. Седло и сбруя коня были всегда в исправности, кожаные переметные сумы полны ячменя для

дороги и плотно прихвачены ремнями, чтобы не свалились при скачке.

Торопка усердно упражнялся в стрельбе из лука. Доставать стрелы было легко: каждый день в крепость летели с визгом монгольские стрелы, пронзая неосторожных.

Торопка прикрепил к дереву на высоте груди человека мешок с опилками и учился попадать в него с коня. Сперва это казалось невозможным: монгольский лук, сделанный из черных рогов горного козла, был тугой не по силам. Торопка мог его натянуть только до половины стрелы, которая летела вяло и скоро падала на землю. Монголы же натягивали лук, держа правую руку у подбородка и стремительно выпрямляя левую руку. Коснувшись тетивой правого уха, они пускали стрелу. Стрела улетала, пробивая насквозь цель. Торопка упорно добивался такой же сноровки.

Князь Роман призвал его однажды и дал сложенный свиток, завернутый в красную тряпицу.

— Тебя недаром прозвали Торопка-расторопка. Князь Всеволод поручает тебе важное дело. Завтра мы неожиданно ударим на татар. Будет горячая резня. Во время схватки ты бросишься через реку в сторону соснового леса, чтобы татары не заметили тебя. Охотницкими тропами торопись уйти на север. Князь Всеволод извещает в этой грамотке отца, великого князя Юрия Всеволодовича, что слаба у нас защита города, и просит помощи. Трудное сейчас наше положение. Долго мы не удержимся. Татарва валом валит к Коломне и скоро задавит нас. Ты дорогу держи на Киржач, Ростов и Углич. Туда еще татары не дошли. Народ расскажет тебе, где разбил боевой стан великий князь, где он собирает свежие полки. Месяц, через силу два мы еще выдержим. Но если к тому времени великий князь не подоспеет, все мы до единого здесь поляжем, спасения нам не будет. На тебя надежда, что ты доспеешь, найдешь великого князя и его полки придут на выручку.

На рассвете назначенного дня еще в темноте русские всадники заполнили узкую улицу, ведущую к городским воротам. Перед суровой сечей разговаривали сдержанно, вполголоса. Многие молчали, находясь во власти тревожных дум: «Может, назад и не вернемся!»

Торопка и с ним три княжьих отрока ждали у самых ворот. Отрокам был тоже дан наказ пробраться в темноте через вражеские посты и отвезти грамоты в разные города.

С ночи крутила метель. Ветер сметал с крыш легкий снег и осыпал им всадников. Немногие из них были в кольчугах; большинство было в нагольных шубах с нашитыми на груди и плечах железными и костяными пластинками.

— Ну, чего еще ждать! — шумели хриплые голоса. — Эй, сторожа, открывай!

Заскрипели с лязгом и скрежетом ржавые петли ворот. Дубовые створки широко распахнулись.

Гнедой конь Торопки один из первых тронулся в путь. Впереди отряда, окруженный дружиной, ехал князь Роман Ингваревич. Отряду предстояла задача—налететь на спящий татарский лагерь.

Отряд перешел в рысь, всадники подтягивались, держась ближе друг к другу. На белом снегу выделялись их черные фигуры.

Доехав до середины реки, Торопка свернул в сторону и стал ускорять бег коня. Вдруг высокий, тонкий голос, совсем вблизи, отчаянно закричал:

— Кху-кху, кху-кху монголы!

Странные звуки послышались с разных сторон. Застучали по льду копыта. Впереди двигались всадники, они перекликались на непонятном языке.

Торопка круто свернул в другую сторону, но и там перед ним опять выросли неясные тени всадников. Торопка бросился назад, смутно различив узкую тропинку, и поскакал по ней.

Навстречу ему летели три монгола. Просвистела около уха стрела. Монголы гнались и сзади. Гнедой Торопки мчался, перелетая через бугры и льдины. Татары с яростными криками преследовали его, потом отстали. Задыхающийся Торопка сдержал коня, остановился, прислушался. Снова приближались глухие голоса и топот коней. Торопка бросился в сторону и наскочил на монголов, державших под уздцы лошадей. Послышались радостные крики:

— Тюляб-Бирген! Твой гнедой сам скачет к тебе! Держи его!

Монголы неслись за Торопкой. Вскоре один из них

стал догонять. Гнедой несся изо всех сил. У противника конь был лучше. Оглянувшись, Торопка натянул лук и пустил стрелу, целясь в голову. Всадник вскинул руками и упал с коня. Дико завыли монголы:

— Горе! Горе! Хан Кюлькан! Убит хан Кюлькан!

Гнедой умчался от погони. Монголы задержались и отстали.

Торопка свернул на замерзшую речку.

Вскоре он ехал, сдерживая коня, глухой лесной тропой, прислушиваясь к далекому волчьему вою...

7. Гнев Бату-хана

Гонцы, посланные один за другим, примчались к Бату-хану с известием о гибели хана Кюлькана, младшего сына «священного правителя» Чингиз-хана.

Джихангир, приказав окружить юрту часовыми, не желал никого видеть. Гонцы твердили, что они не могут ждать «ни на кормежку коня», что они сейчас же должны мчаться обратно с ответом джихангира.

— У нас нет полководца! Войско не знает, что делать! — кричали они.

Но нукеры-тургауды их грубо отталкивали:

— Нельзя! Ждите!

Гонцы шопотом спрашивали проходивших мимо нукеров:

— Чем там занят джихангир?

— Важными делами: колдует вместе с урусутским колдуном, узнаёт пути дальнейших побед.

Гонцы привязали поводья коней к поясам и ждали, сидя на пятках близ юрты. Подъезжали новые гонцы и садились возле.

Мимо проходил сотник Арапша. Высокий, худой, с неподвижным взглядом, он остановился перед гонцами.

— Что вы наделали? Плохо теперь ваше дело!

— Чем мы виноваты? Мы преданно исполняем приказы и привезли джихангиру донесение от темника Бурундая.

— Вы привезли черную весть, в которой виноваты сами. Знаете ли вы, что полагается вам за это?

Гонцы вскочили; некоторые хотели сесть на коней.

— Внимание и повиновение! — крикнул Арапша. — Нукеры, не выпускайте этих черных вестников! Держите

их коней! А вы ждите, скоро с вами будет говорить сам джихангир.

Бату-хан с саблей в руке вышел из юрты, обвел гневным взглядом сидевших гонцов. Они упали на колени.

Он начал тихо, сквозь зубы. Постепенно голос его усиливался. Подконец он выкрикивал слова:

— Вы из преступного тумена! Вас десять тысяч человек, и никто не захотел оградить своего хана от вражеской стрелы!..

— Мы... великий хан Кюлькан... — лепетали гонцы. — Он сам делал, что хотел... Мы исполняли его волю...

— Вам был вверен, как великое счастье, кусок солнца: сын «священного правителя». Сберегли вы его?

— Он сказал, что сам хочет биться...

— А вы и обрадовались? Разве дело полководца рубиться мечом в передовом отряде? Разве «священный правитель» великий Чингиз-хан когда-нибудь рубился? Он был настоящим полководцем, всегда находился позади войска и передвигал девятью словами десятки и сотни тысяч всадников. Так он одерживал победы, потрясавшие вселенную.

Гонцы молчали.

— А что вы сделали с ханом Кюльканом? Вы обрадовались, что хан Кюлькан как простой нукер скачет впереди и дерется с урусутами! Никто не удержал его, не отвел назад, не закрыл его своим телом. Вы прятались за кустами. Вы предатели, и нет вам прощения!..

Гонцы распростерлись на земле.

— Скачите назад! Скажите войску, что джихангир приказывает загладить вину: чтобы крепость Коломна была взята приступом до моего прихода! Если же я приеду, а вы всё еще будете скакать вокруг города, я прикажу «непобедимым» и «бешеным» всех вас растоптать копытами коней, как ненужное отребье. Прочь отсюда! Чего вы медлите?

Гонцы бросились к коням, вскочили на них и мгновенно исчезли.

— Ты слышал, Субудай-Багатур?

— Да, Ослепительный! В твоих словах я почуял голос твоего деда.

— Я покажу урусутам, что значит убить сына величайшего из людей — Чингиз-хана! Я залью кровью

всю урусутскую землю! Я перебью все живое, всех живущих, последнюю собаку и последнего ребенка! Монгольское войско пронесется огненным пожаром и обратит урусутскую землю в молчаливое кладбище, где будут раздаваться только крики ворон и завывания волка. Нукеры, коня!..

Кругом забегали. Зазвенели медные гонги, сзывавшие нукеров. Задребезжали рожки, извещавшие о походе.

— Позволь, Ослепительный, тебе напомнить, — сказал тихо Субудай, — что гонцов ты отослал, а не назначил преемника погибшему хану.

— Я так хочу! По обычаю пока будет начальствовать старший темник Бурундай. Он воин опытный. А через день я сам буду на месте и покажу, как надо брать крепость!

Через день передовые отряды Батыя подошли к Коломне. Бой был в полном разгаре. Монголы непрерывной лавиной старались взобраться на стены; оттуда их сбивали защитники города. Но силы русских воинов слабели, помощь не приходила.

С великим мужеством бился среди рязанских дружинников и пал доблестной смертью князь Роман Ингваревич Рязанский. Рядом с ним сложил седую голову воевода Еремей Глебович.

Татары резали всех. Немногие оставшиеся в живых попали к ним в плен. На дымящихся развалинах Коломны татары пировали три дня.

В центре города, на площади, где раньше стояла церковь Воскресения, Батый приказал сложить большую кладку бревен. На нее на персидском ковре положили тело молодого хана Кюлькана. Вокруг него монголы положили сорок связанных самых красивых молодых коломенских девушек. Два любимых коня были заколоты в ногах хана Кюлькана. И девушки и кони должны были последовать в заоблачный мир, чтобы верно служить погибшему молодому господину.

На той же площади был устроен второй костер для павших монгольских воинов. Бату-хан, на вороном коне, мрачно смотрел на огромные огненные языки погребальных костров и кричал вместе с другими воинами:

— Байартай! Байартай!

8. Монголы грозят стольному городу

Княгиня Агафья, супруга великого князя Владимирского, вместе со всеми тяжело переживала эти тревожные дни. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, она проводила время в заботах о семье, о хозяйстве, утешала всех, призывала быть мужественными. По утрам она посещала соборную церковь Успения богородицы, где вела беседу с угрюмым епископом Митрофаном. Молодые снохи ее, княгини Мария и Христина, и многие боярские жены плакали навзрыд, твердя, что пришел конец миру. Дети убегали из княжьего двора на стены.

— Мы будем помогать дружинникам! — кричали они. — Мы умеем пускать стрелы в татар, бросать в них камни!

Беспокоила княгиню приемная дочь, сирота, пятнадцатилетняя всегда веселая Прокуда.

— Вот уж истинная прокуда!..[1] Не сидится ей в терему, повадилась и она убегать на стены. Да еще дерзостно отвечает: «Я-де в терему ничего, кроме своего садочка, не вижу». Поймаю ее и запру за десятью замками...

Князь Всеволод с малой дружиной внезапно примчался обратно из Коломны. Княгиня Агафья спешно созвала ближних думных бояр. Собрались тысяцкие, воевода Петр Ослядюкович и обе княжеские снохи.

Князь Всеволод рассказывал:

— Я прорвался к вам чудом, архангел сберег меня. Татары обложили город Коломну со всех концов. Войска у них очень много. Правит ими молодой хан, сын ихнего самого главного хана Чагониза. Третьего дня вдруг поднялся в татарском стане вой и барабанный перестук. Пленные сказали, будто их вождя, хана Кюлькана, убила русская стрела. Оттого они завыли, своему богу жаловались. В этой суматохе я и проскочил. Татары придут сюда огромной силой, разольются по полям, как вода в половодье, и не будет нам тогда выхода... Кто из женщин может, пусть бегут на север, в Новгород, Кострому или на Белоозеро. Надо прятаться в лесах, на пустошах. Во Владимире будет резня. Вряд ли мы удержимся до прихода князя-батюшки.

Княгиня Агафья твердо заявила:

[1] Прокуда — проказница.

— Мы никуда от вас не убежим. Вместе будем пить одну чашу горькую!

Молодые снохи заплакали:

— Никуда мы от вас не уйдем! Зачем нас гонят в холодные пустоши? Там все одно пропадать с малыми детьми! Лучше здесь на стене будем биться вместе с вами!

— Не женское это дело! — заметил воевода Петр Ослядюкович.

Вмешалась сидевшая со снохами Прокуда:

— А я вот слышала, что татарские женщины на конях бьются рядом с мужьями и братьями.

— Молчи, Прокуда! — строго остановила ее княгиня Агафья. — Совсем ты от рук отбилась! Не хочешь в терему сидеть, на стены выбегаешь.

— Убегу я от вас и проберусь в заволжские леса к крестному батюшке. Чего нам сидеть да вздыхать? Лучше биться с врагами. Смерть неминуема — она везде нас поймает!

— Запру тебя в терему!—пригрозила княгиня Агафья.

— Придут татары — и терема не будет и нас с тобой не будет!

— Что за охальная девка стала! — застонала княгиня.— Эй, нянюшки! Отведите-ка Прокуду в теремок!

— Сегодня школа, я пойду учиться! — И Прокуда убежала.

9. В греко-русской школе

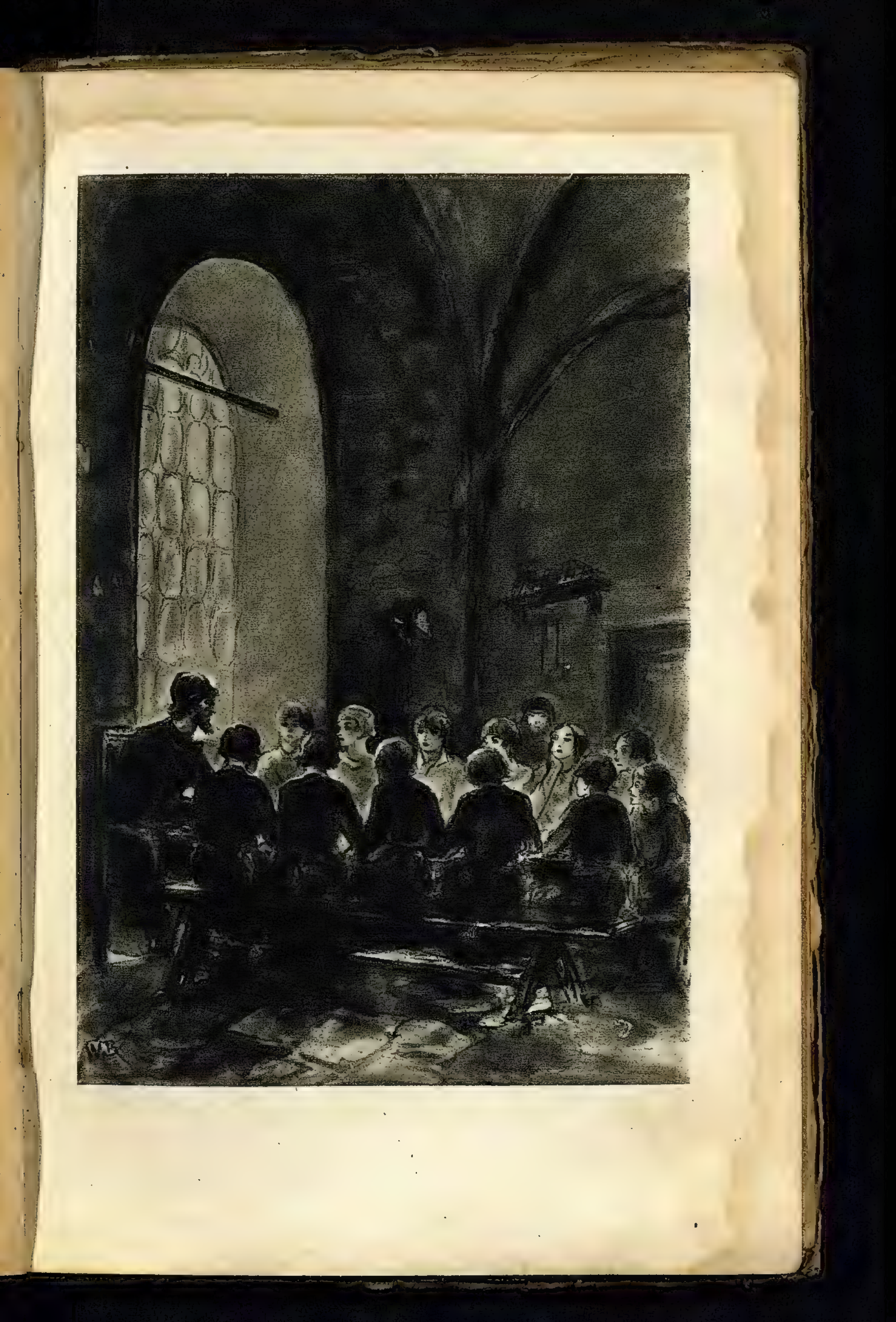
В каменной пристройке соборной церкви собирались мальчики. В сенях они отряхали и обметали вениками лапотки. Входили скромно, быстренько скидывали шубенки и бросали в угол, затем, достав с полки деревянный гребень, расчесывали волосы, остриженные в скобку. Выходили на середину светлицы, медленно, чинно крестились на икону с горящей лампадкой и подходили к учителю, сидевшему в резном деревянном кресле. Громко говорили:

— Здравствуй на многие лета, Максим Далматович!

Учитель, смуглый, чернобородый, с большим острым носом, строго смотрел на ребят и отвечал сухо:

— Садитесь за стол, расправьте книжицы.

Мальчиков было двенадцать. Они чинно уселись на скамьях по обе стороны длинного узкого березового сто-



ла и разложили перед собой рукописные книги из сшитых пергаментных листов, замусоленных и потертых.

— Встать! — сказал учитель и, сняв меховой колпак, повесил его на стенку на деревянный гвоздь, близ полочки с книгами.

Мальчики встали. Один из них прочел молитву.

— Сядьте!

Ребята сели. В это время дверь распахнулась и в избу вбежала Прокуда. За ней вошла пожилая нянюшка. Сняла с Прокуды шубейку, оправила ей сарафанчик и села в углу на ларец.

Прокуда поклонилась учителю в пояс, сказала приветствие и уселась рядом с учениками, отодвинув локтем крайнего.

Учитель провел темной смуглой рукой по черной бороде, откашлялся и начал:

— Сегодня я должен сказать вам особое поучительное слово. Булатка, смотри на меня! Верещага, перестань толкать Чапыру! Глядите мне в глаза... — Учитель закашлялся. — Я монах, мое дело книги писать и учить таких младых, как вы, грамотной мудрости. Вы изучили все буквицы, и я уже намеревался, яко по лестнице, подымать вас к изучению часовника, псалтыря и прочих божественных догматов. Я, грек, приехал сюда долгим путем с далекой святой горы Афон, через славный град Константинополь, именуемый Царьградом. Меня и других греческих и латинских мастеров выписали с великими трудностями князья владимирские, чтобы строить храмы божьи и чтобы из русских немыслящих младенцев вытесывать людей достойных и разумных.

Ребята, раскрыв рты, слушали. Прокуда подперла щеку кулачком и, сдвинув брови, старалась понять туманные слова учителя.

— Эта школа, рекомая греко-русская, основана великим князем Константином Всеволодовичем, доблестным и мудрым государем владимир-суздальским. Держал он при себе много ученых людей, любил книги и сам их писал. Он накупил много старинных греческих редких свитков дорогою ценою и таким, как я, грекам, знающим русскую речь, повелел переложить их на русский язык. Он собирал известия о деяниях древних славных князей русских, и многие премудрые книжники при нем тру-

дились. Одних греческих книг у него было более тысячи, которые частью он сам купил, частью получил в дар от вселенских патриархов из Царьграда...

Учитель закрыл лицо рукой, склонился к столу и замолчал, только плечи его вздрагивали.

Ребята подталкивали друг друга локтями и спрашивали на ухо:

— К чему это он говорит? Что с ним делается?

Учитель отнял руку, тряхнул головой. Провел рукой по вьющимся длинным, черным, как смоль, волосам и продолжал:

— Пришло время тугое. На славный город наш Владимир, где светится, как лампада в нощи, наша маленькая школа, где молодые души горят любовью к знанию, надвигается темная туча с грозой и молоньёй, чтобы всё обратить в угли и пепел. И эта школа греко-русская и эта вивлиофика[1] с драгоценными книгами — что все это значит для народа дикого, который идет, все выжигая, всех убивая, оставляя за собой смерть и ужас! Татарин схватит эти драгоценные книги с памятниками веков минувших и бросит в костер, чтобы поджарить лошадиную ногу. Может, тысяча лет пройдет, когда снова устроят ваши правнуки здесь, во Владимире, такую школу с вивлиофикой, в которой такие же учителя, как я, будут учить русских ребят сладостной эллинской речи...

Учитель вытер рукой глаза и обвел внимательным прощальным взглядом ребят.

— Может быть, я был очень строг с вами? Но без строгостей нет учения и нет спасения. Сегодня наш последний урок. Отныне ваше место на стенах города. Мы, взрослые, возьмем мечи и копья, а ваше дело помогать отцам и братьям, подбирать стрелы, приносить воду и хлеб усталым воинам.

— Это мы знаем! Только этого и хотим! — воскликнули мальчики.

— Теперь еще одна, последняя моя к вам просьба. Может быть, татары ворвутся в школу и сожгут ее. Снесем книги этой вивлиофики в подклеть, сложим в ларцы и закроем камнями. Кто из вас выживет, тот вспомнит после ухода татар об этой подклети, вынесет книги на свет божий, и ваши дети и внуки будут по ним

[1] **Вивлиофика** — по-гречески библиотека.

учиться. Наш святой долг спасти для потомков этот драгоценный светоч знания... Надевайте ваши хламиды[1]...

Ребята вскочили и стали одеваться, радуясь, что будут участвовать в столь важном деле. Прокуда подошла к одному из мальчиков и оттянула его в сторону.

— Булатка! Не скажешь ни слова о том, что я тебе поведаю? Разыщи и принеси мне какой-нибудь зипунишко, порты, рубаху и лапотки...

— Да у меня ничего нового нет, все рваное.

— Вот рваное мне и нужно. Мамонька-княгиня задумала запереться в соборе и сжигаться, если татары придут. А я переоденусь мальчишкой и убегу в лес, к сторонникам. Буду биться с татарами, пока мы их не выгоним...

— Молодец Прокуда! — обрадовался Булатка. — И я с тобой пойду! Ай да девка! Всё тебе достану!

10. Скорбные дни города Владимира

Еще на рассвете из городских ворот выехало несколько десятков крестьянских саней; на них уезжали горожане, желавшие спасаться в лесах, а в полдень город Владимир был уже отрезан от всего мира — нагрянули татары.

Татары подходили к городу медленно, мирно, точно съезжающийся в престольный праздник на ярмарку народ. Вскоре они заполнили все окрестные поля. Всюду задымили костры; возле них расположились обозы. Приходили караваны верблюдов. Татары отпрягали коней не спеша, словно ничто им не угрожало, словно они не боялись русского войска.

Татарские отряды на крепких коротконогих конях, держась кучно, стали быстро проноситься под стенами Владимира.

Население Владимира спешило на стены увидеть страшных врагов, о которых передавалось столько жутких рассказов.

Княгиня Агафья и две молодые снохи ее, Мария и Христина, в сопровождении ближних боярынь и нянюшек тоже поднялись на крепостную стену близ Золотых ворот. Здесь уже собрались воеводы и молодые князья

[1] Хламида — по-гречески верхняя одежда.

Всеволод и Мстислав. Все внимательно следили за передвижением татар.

В это время к Золотым воротам подъехал отряд, в котором выделялись нарядно одетые ханы в красных полосатых и пестрых одеждах, на высоких статных конях с дорогой сбруей, отделанной золотом. Некоторые всадники были в кольчугах, другие — в блестящих панцырях. Ханов сопровождала сотня всадников, вооруженных длинными тонкими копьями.

Толмач, половецкий перебежчик, побывавший в русском плену, приблизился к воротам.

— Не стреляйте! Слушайте! Великий владыка северных и западных стран джихангир Бату-хан прибыл сюда со своим могучим, непобедимым войском. Знает ли ваш великий князь и государь Юрий Всеволодович о прибытии в его земли великого хана? Почему же ваш князь до сих пор не явился к великому хану с поклоном? Почему он не шлет даров, не дает клятвы верности, не открывает городских ворот? Где прячется ваш князь? Приведите его сюда!

Стоявшие на стенах бояре тихо переговаривались.

Вместо ответа некоторые из нетерпеливых владимирцев пустили в татар стрелы. Один раненый татарский конь закружился на месте. Татары сейчас же ответили тем же. На стене раздался стон.

Толмач продолжал кричать:

— Не стреляйте! Смотрите! Узнаёте ли, кто перед вами?

Два татарских всадника тащили на аркане упиравшегося высокого худого юношу. Так охотники тащат опасного дикого зверя, натягивая веревки в разные стороны, не давая зверю броситься на провожатого.

Дикий, отчаянный крик донесся со стены. Это закричала княгиня Агафья, узнав в пленном своего сына, князя Владимира, уехавшего защищать Москву. Женщины, стоящие рядом с княгиней, зарыдали, увидев русского юношу, раздетого в жестокую стужу, в одних холщевых портах и рубахе, с тряпками на ногах вместо сапог.

— Сын мой! Владимир! — кричала в слезах княгиня Агафья. — Что они с тобой сделали?

— Матушка, не плачь! — отвечал снизу князь Владимир. — Крепко стойте за родной город! Отбивайте их

и не бойтесь ничего! Они долго на нашей земле не останутся и к весне уйдут назад в Дикое поле. Они мучили и ущемляли меня, чтобы я уговорил вас сдаться. Но не верьте проклятым! Стойте крепко!

Проводники стали стегать князя Владимира плетьми. Толмач вмешался.

— Довольно! — закричал он. — Замолчи! Слушайте, упрямые владимирцы! Перед вами неразумный гордец, молодой князь Ульдемир. Смотрите, какую жалкую судьбу он себе приготовил: он наказан за то, что не хотел покориться нашему великому джихангиру. То же ожидает каждого, кто дерзок и непокорен. Девяносто девять городов уже взяты и обращены в пепел. Упрямые жители перебиты или уведены в плен. Князь Ульдемир перед вами, мы его водим на веревке, как медведя, на потеху людям. И вы хотите того же? Сдавайте ключи от городских ворот, и вам под властью великого Бату-хана будет спокойно и светло!

— Не слушайте его! — крикнул Владимир. — Отбивайтесь! Татары жалости не знают. Не покоряйтесь, они все равно всех вырежут. Врут они, окаянные!..

— Умрем, не покоримся! — отвечали со стены князья Всеволод и Мстислав.

И толпа на стене загудела:

— Умрем, но не покоримся! Уезжайте в свои степи! Здесь вам делать нечего!

Татары повернули обратно. Всадники, сторожившие Владимира, сбили его с ног и потащили за собой по снегу, как мертвую тушу.

В тот же день татары, желая устрашить владимирцев своим могуществом, поставили на бугре, против Золотых ворот, желтый шатер и по обе стороны его десяток круглых, как шапки, белых и черных войлочных юрт. Кругом задымили костры многочисленной стражи.

Жители Владимира жадно наблюдали, стоя на крепостных стенах. Никто не обмолвился о том, чтобы сдаваться. Все знали, какая участь предстоит покоренным городам. Все слышали об уловках татар: только бы проникнуть в город, а там уже жителям пощады не будет!

Князья Всеволод и Мстислав хотели с дружинниками выйти на татар.

— Умрем, но умрем с честью, в поле!

Старый воевода Петр Ослядюкович останавливал их:

— Умереть мы сумеем и даже много татар перед тем уложим. Но разумнее выждать. Наш государь великий князь Юрий Всеволодович без дела не сидит. Он собирает великую рать, скоро явится сюда на выручку и спасет нашу землю и свой стольный город.

Пока татары готовились к приступу, большой их отряд отделился и направился к Суздалю. Город защищался два дня. На третий татары ворвались в город, разграбили его, подожгли княжеский двор и Дмитриевский монастырь, перебили жителей. Спаслись из суздальцев только те, кто ранее убежал в леса. Татары безжалостно рубили всех: стариков, беспомощных старух, калек, слепых и, вопреки своему обыкновению щадить церковников, перебили в Суздале и попов, и монахов, и монахинь.

6 февраля [1] тысячи татар подтащили к стенам Владимира сложенные из бревен сооружения, каких владимирцы раньше не видывали. Это были стенобитные и камнеметные машины. Татары подвозили на санях большие камни, глыбы замерзшей земли, хворост и лесины и сваливали все это грудами. Они возводили леса и складывали примет [2], по которому собирались взобраться на крепостные стены.

К вечеру татары спешно окружили город сплошным тыном, чтобы перехватывать убегающих.

Никаких надежд у владимирцев больше не оставалось. Татар было так много, что на каждого горожанина приходилось до двадцати и более противников. Владимирцы в слезах прощались друг с другом.

7 февраля на рассвете татары бросились со всех сторон на крепостные стены города. Стенобитные пороки [3] стали со страшным гулом и треском долбить Золотые ворота.

Другие отряды татар напали на город с севера, от речки Лыбедь, стараясь пробить Оринины и Медяные

---

[1] В 1238 году, а по летосчислению того времени («от сотворения мира») в 6746 году.

[2] Примет — сооружение вроде башни, которое возводится возле стен осаждаемого города. По примету ведется наступление.

[3] Пороки — стенобитные машины на колесах или, зимой, на полозьях. Они сооружались по указаниям китайских мастеров, сопровождавших войско Чингиз-хана, а позже — Батыя.

ворота. Особый отряд со стороны реки Клязьмы бил пороками Волжские ворота, желая захватить крайний Новый град. Владимирцы, упорно отбиваясь, готовились отступать в средний, старый, Печерний город.

Княгиня Агафья, ее снохи, княгиня Мария и Христина, ближние боярыни и старейшие попы и монахи укрылись в каменной соборной церкви. Там их ждал епископ, владыка Митрофан, высокий, худой, с черной бородой. Рядом с ним на амвоне в черных ризах собралось все духовенство. Священники пели хором «Со святыми упокой». Епископ низким сильным голосом призывал всех твердо, с верой встретить неизбежную мученическую кончину:

— Покайтесь и думайте только о спасении душ ваших! Приимите сейчас великий постриг![1] Облекитеся в великий образ ангельский! Убиенные безбожными татарами, вы возлетите к престолу господа нашего вседержителя, в обители райские. Воззри на нас, господи, и простри невидимо руку твою! Прими в мире души рабов твоих!

Все бывшие в храме поочередно подходили к владыке Митрофану. Он отрезал у каждого прядь волос в знак пострига, чертил священным маслом крест на лбу. Посвящаемые в монашество набрасывали на голову черные куколи[2] и покрывала и брали друг друга за руки. Всю ночь простояли они, тесно сплотившись, ожидая своей гибели, и пели священные песни. Утром снаружи сквозь запертые двери к ним донеслись свирепые крики разъяренных татар и дикие пронзительные вопли захваченных в плен женщин.

Уже слышались тяжелые удары бревен о церковные двери и треск досок, как вдруг княгиня Агафья хватилась, что приемной дочери ее Прокуды нигде не видно.

— Погибнет Прокуда без пострига, без покаяния! — стонала княгиня Агафья. — Бедная моя головушка! Всех родных теряю сразу!

С высокого бугра на берегу реки Бату-хан наблю-

---

[1] Постриг — обряд вступления в монашество, когда у мужчин и женщин обрезают прядь волос и на голову надевают черный куколь.

[2] Куколь — остроконечный черный колпак с нашитым белым крестом.

дал за штурмом Владимира. Багровые отблески пожара, начавшегося одновременно в двух концах города, переливались на золотой сбруе вороного коня, на серебряных пластинках панцыря, стянувшего мягкую соболью шубу. Красными искрами вспыхивала золотая насечка стального шлема.

Прищуренные черные глаза пристально всматривались вперед, туда, к Золотым воротам, куда подъезжали всё новые татарские всадники. Оставив коней внизу, они подымались вверх по примету и приставным лестницам.

На каменной стене между бойницами шел отчаянный бой. Татары бросались вперед, схватывались с владимирцами, спрыгивали со стены внутрь города, а защитники продолжали упорно отбиваться топорами и рогатинами. На место погибших спешили новые русские ратники, но бойцов становилось все меньше, а прибегали все новые толпы татар, стремясь скорее начать грабеж, сулящий богатую добычу и веселую потеху. Они торопились ворваться в дома, где найдут теплые шубы, одежду, расшитую шелком и жемчужными нитями, кладовые с богатыми запасами.

Слева от Бату-хана на низкорослом саврасом коне недвижно сидел широкоплечий приземистый Субудай-Багатур. Он молча переводил взгляд то на джихангира, то в сторону воющего и громыхающего города. Рядом с ним на крепком чалом иноходце сгорбился длинный, худой и сутулый темник Бурундай. Узкие, щелочками, глаза на безволосом желтом лице не отрывались от пылающего Владимира. Он торопливо объяснял:

— Теперь с севера ведет наступление Гуюк-хан, а с востока хан Шейбани... Пожары с двух концов разгораются... Их отряды уже там. А вот наши «синие непобедимые», небу подобные, медлят... Давно уже им надо быть в середине города, на площади, где каменный дом урусутского бога. А «непобедимые» топчутся на месте!

— Ты говоришь неверно! — возразил Субудай. — Воины Гуюк-хана всегда и повсюду опаздывали. Не они, а сами урусуты поджигают свой город.

— Я не могу ждать! — обозлился Бату-хан. — Нукеры разучились влезать на стены... Китайский мастер Ли Тун-по не может справиться с обыкновенными во-

ротами... Я покажу им, как надо брать крепость, я сам верхом на коне взберусь на стену!

— Не слушай Бурундая! — сиплым голосом возразил Субудай-Багатур. — Все идет правильно. Тебе подобает спокойно выжидать. Осажденные храбры и упрямы только по утрам. А в полдень из Ульдемира сюда приплетутся в парчевых шубах дрожащие старики с подгибающимися коленями и поднесут тебе на золотом блюде ключи от города. Да!.. Так всегда бывало и в Китае, и в Тангуте, и в Бухаре, и в Самарканде! Так будет сегодня и здесь!

Горя от нетерпения, Бату-хан бесился. Это передавалось его вороному жеребцу, который перебирал ногами, прыгал на месте и порывался броситься вперед.

— Темник Бурундай, скачи к воротам и проверь, не улегся ли там спать китайский мастер Ли Тун-по!

Бурундай хлестнул плетью. Чалый иноходец стрелой унесся вперед...

Долбивший ворота длинный тяжелый таран с железным набалдашником продолжал с грохотом выскакивать из бревенчатого сруба, привезенного на полозьях. Внутри сруба таран раскачивали полуголые пленные под равномерные выкрики:

— Еще!.. Бей сильней!..

Монголы стегали плетьми пленных, понуждая раскачивать сильнее. От ударов трещали дубовые створки ворот, летели щепки. Наконец ворота развалились. Татары с ликующим воем, теснясь, бросились вперед.

Узкая улица была перегорожена бревнами, телегами, санями, поваленными заборами... Всюду татар встречали владимирцы, отбиваясь топорами и тяжелыми дубинами. Владимирцы сидели на крышах, поражали татар стрелами, швыряли сверху тяжелые камни. Улицы все более загромождались трупами людей и коней, но ничто не задерживало ворвавшихся кочевников. Они прыгали с коней, обдирали павших, прятали захваченное в мешки, снова садились в седла и неслись дальше. Их маленькие крепкие кони, спотыкаясь, карабкались на преграды, перебирались через бревна, падали вместе с всадниками. Нукеры упорно расчищали путь для следовавшего за ними Бату-хана и его свиты.

Джихангир ехал медленно, озаренный светом разгоравшихся пожаров. Вороной конь поводил ушами, хра-

пел, прыгая через изрубленные, еще двигавшиеся тела. Стоны, дикие вопли и торжествующие крики неслись со всех сторон.

Бату-хан остановился перед каменным собором на главной площади, где толпились «непобедимые». Иногда судорожная улыбка кривила его каменное лицо. Видимо довольный, он сказал ехавшему рядом Субудай-Багатуру:

— После Булгара и Рязани сегодня я беру третью столицу!

Субудай прохрипел:

— Да! К концу великого похода монголов на твоем ожерелье будет нанизано девяносто девять столиц.

— Где же обещанные тобой старики с ключами? — насмешливо спросил подъехавший Бурундай.

— Если они сейчас не придут, тем хуже для них! — пробормотал, отвернувшись, Субудай.

— Тем хуже для них! — повторил Бату-хан. — Я не стану слушать их просьб о милости к побежденным. Весь город будет вырезан! Это будут кровавые поминки по хане Кюлькане!..

Высокий величественный собор, сложенный из белых камней, казался неодолимой твердыней. Около его главной дубовой двери суетились татары, стараясь их разбить топорами. Из собора доносилось плавное протяжное пение многих голосов.

— Что они поют? Где толмач? — спросил джихангир.

— Я здесь! — откликнулся князь Глеб. — Люди, укрывшиеся в соборе, сами поют себе панихиду, чтобы им было легче умереть.

Нукеры притащили длинное бревно. Раскачивая его на руках, татары стали равномерно ударять в соборные двери. Те постепенно поддавались ударам, наконец затрещали...

Пение слышалось сильнее. После новых сильных ударов двери рассыпались и, озаренные красным светом пожара, показались искаженные смертельным ужасом женские лица. В черных куколях с нашитыми на них белыми крестами, в черных одеждах, держа зажженные восковые свечи, женщины протяжно пели:

— Со святыми упокой...

А посреди собора, на возвышении, стоял в черном

облачении, с золотой митрой на голове епископ Митрофан. Обеими руками он высоко подымал золотой крест, благословлял им на четыре стороны и кричал изо всех сил:

— Кайтесь, братья и сестры! Настал день судный! Ваши души, омытые покаянием, сейчас отлетят безгрешными к престолу всевышнего... Кайтесь! Громче кайтесь!

Бату-хан въехал по ступеням на каменную паперть, с коня заглянул внутрь собора и громко бросил толпившимся нукерам:

— Уррагх! Смелые соколы! Вперед! Добыча ваша!

Нукеры радостно закричали:

— Уррагх! Кху-кху монголы! Разграбим дом урусутского бога!

Двери были слишком узки для толпы теснившихся монголов. В проходе показались монахи в длинных черных подрясниках. Они отчаянно отбивались топорами от напиравших воинов.

Куча разрубленных тел на пороге все росла, закрывая доступ к добыче.

— Огня! — шепнул джихангиру Субудай-Багатур.

— Огня! Разведите костер! — крикнул Бату-хан.

Нукеры ломали заборы, тащили на паперть бревна и доски и складывали здесь костер. Другие прибежали с горящими головнями. Высокое пламя закрыло черневший вход. Огненные языки лизали прочные каменные стены. Из собора доносилось все то же протяжное пение, заглушаемое воплями и стонами женщин...

Новые доски и бревна наваливались на костер. Все выше взвивалось пламя, все тише становилось пение...

Монгольские воины удивленно прислушивались.

— Как упорны женщины Ульдемира! — говорили они.

— Ни одна не просит пощады...

— Они согласны скорей сгореть живыми...

Старый воин покачал головой:

— Если здесь женщины такие смелые, то ульдемирские старики вряд ли поднесут джихангиру ключи города!

Наконец пение затихло. Донесся одинокий жалобный плач и оборвался. Все было заглушено треском разгоревшегося костра.

Монголы ждали недолго; разметали костер и стали

проникать внутрь собора. Они вытаскивали задохнувшихся от дыма женщин. Ограбив их, спешили к своим коням, нагружали узлами с добычей и отъезжали.

Бату-хан, сохраняя надменное величие, ожидал на паперти своей доли «священной добычи». Согласно строгим законам «Ясы», каждый нукер и простой воин после битвы должен был подъехать к джихангиру и, опустившись на правое колено, сложить перед Ослепительным самое ценное из всего захваченного.

На паперти были разостланы женские шубы. На них навалены груды разноцветных ожерелий, серебряных и золотых крестов, запястий, колец и других женских украшений. Рядом бросались парчевые поповские ризы, серебро с икон, золотые чаши. Поверх всего сверкала золотая митра епископа Митрофана.

Монголы притащили сюда же могучего старика с большой седой бородой; он был скручен арканами и упорно старался вырваться.

— Джихангир, ты приказал, чтобы тебе показывали смелых вражеских багатуров! — доложил сотник Арапша. — Этот старик остался последним живым в доме урусутского бога. Он бился один против всех. Ни дым, ни огонь, ни три стрелы в боку его не свалили...

— Князь Галиб, — сказал Бату-хан, — расспроси старика!

Князь Глеб спросил пленного, как его зовут, давно ли он служит в войске.

— Меня зовут Шибалка. Я тридцать лет простоял дозорным на городской стене у Золотых ворот.

— Я прощаю твою вину, — решил Бату-хан. — Я беру тебя к себе моим нукером.

Князь Глеб объяснил старику:

— Шибалка! Великий царь татарский оказывает тебе большую милость. Он прощает тебе, что ты по неразумию осмелился биться против его царского величия. Он берет тебя к себе на службу. Стань на колени и земно благодари.

Шибалка, задыхаясь, свирепо повел налитыми кровью глазами.

— Ладно! Послужу я верой и правдой! Дайте мне мою острую рогатину, и я воткну ее в толстый живот великого царя татарского! И тебя, отступника, заруб-

лю!.. — И, собрав последние силы, старик плюнул кровавой пеной князю Глебу в глаза.

— Желтоухая собака! — завизжал Бату-хан, стегнув плетью по лицу Шибалки.

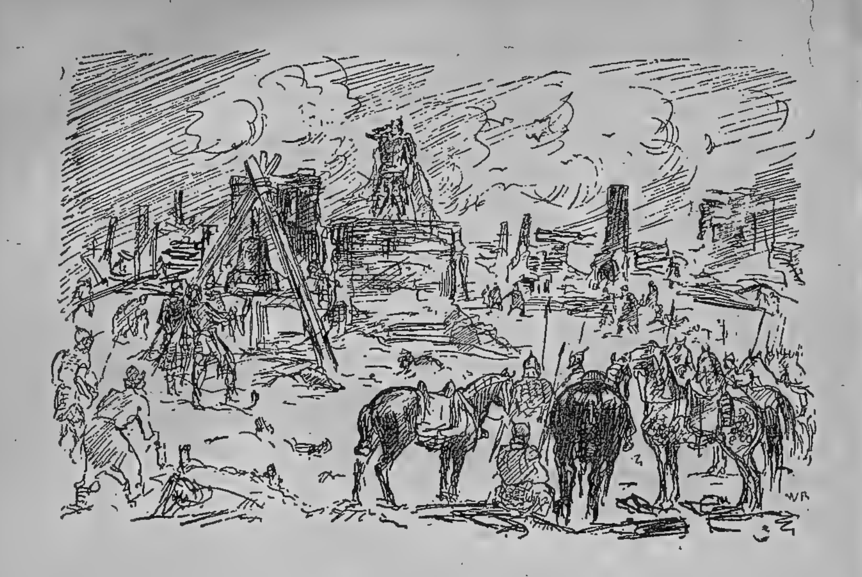
Тот, не дрогнув, продолжал стоять. Четыре монгола повисли на его руках.

— Субудай-Багатур, что учит «Яса»? Как следует наказать дерзкого?

— Эй, нукер! — прохрипел Субудай-Багатур. — Покажи урусутскому старику, как у нас наказывают за оскорбление величия джихангира!

Ближайший нукер соскочил с коня, вытащил из ножен кривую саблю и наискось вонзил ее в живот Шибалки.

— Придет день... станет свободна от ворогов наша земля!.. — выкрикнул последним усилием Шибалка, медленно осел и упал лицом в снег...



Часть седьмая

ЕВПАТИЙ НЕИСТОВЫЙ

1. Корень рязанский

По дороге из Чернигова на Рязань ехал отряд всадников, все в железных кольчугах, кованых шлемах и налокотниках. Отряд растянулся в поле длинной вереницей, сверкающей на солнце. Не слышно ни шуток, ни веселых возгласов, ни споров. Чем ближе к Рязани, тем чаще попадались разоренные погосты, опустошенные гуменники[1], сожженные избы... Видно, здесь успела похозяйничать татарская рука!

Впереди отряда на горячем половецком коне ехал молодой витязь. Он часто подымался на стременах, пытливо всматривался в туманную даль. Росла тревога: что ждет его там, в родной Рязани? Ужель отряд опоздает? Ужели помощь больше не нужна?

Неласково встретил князь Михаил Черниговский Евпатия Коловрата, прибывшего вслед за князем Ингваром

[1] Гуменник — место, где расположено гумно для молотьбы хлеба и скирды необмолоченного хлеба.

Игоревичем послом из Рязани. Смирив гордыню, Евпатий воздал князю великий почет — поклонился земно.

— Челом бью тебе, княже, помоги! Наш князь и государь Юрий Игоревич Рязанский прислал молить тебя — не оставь нас без помощи в злой беде!

И Евпатий рассказал князю и боярам черниговским о грозных полчищах мунгальских, которые, как тучи саранчи, надвигаются через Дикое поле на северную Русь. Все рязанцы, и стар и млад, встали на защиту родной земли. Но одних рязанцев мало, не справиться им с бесчисленными врагами.

— Красно говоришь ты, Еупатий! [1] — ответил Михаил Черниговский. — Уже слышал о вашей беде от князя Ингвара Игоревича. Да над просьбой твоей поразмыслить надо... Не можем мы дать своих ратников!

Бояре зашумели:

— Нельзя вести на мунгалов наш Большой полк!

— С чем тогда останется Чернигов?

— Кто его оберегать будет?

Долго спорили бояре. Долго убеждал и упрашивал Евпатий. Порешили наконец созвать охочих людей.

Бирючи [2] кликнули клич, собрали народ черниговский. Поднялся на вечевую вышку Евпатий, рассказал про угрозу Рязани и всей земле русской, поговорил с народом, как привык говорить в родном городе на шумном рязанском вече.

Дружно откликнулись черниговцы на призыв. Один за другим потянулись они к Евпатию. Много набралось охотников, да что толку с такого войска: без оружия, пешие, без теплой одежды — в зипунах и холстинных портах...

Нахмурился Евпатий: в Рязани ждут не дождутся помощи, а тут...

— Слушай, Еупатий! Я так решил, — сказал князь Михаил Черниговский: — выбери триста удальцов. Я им выдам отборных коней, воинские доспехи и запас на дорогу. А больше, не взыщи, помочь не могу!

Поблагодарил Евпатий народ черниговский, отобрал

---

[1] Еупатий. — В некоторых древних источниках Евпатий Коловрат именуется Еупатий Неистовый.

[2] Бирюч — глашатай; особое лицо с зычным голосом, объявлявшее на площади народу постановления властей.

триста лихих молодцов. Снарядил их князь Михаил, и отряд поспешил в далекую Рязань.

После трудного пути по степным малоезжим дорогам отряд приблизился к Рязани. Всадники ускорили бег коней. На высоком берегу Оки, там, где недавно красовался нарядный город, они увидели пустые, засыпанные снегом развалины.

Всадники провели коней по льду через реку. В полыньях и промоинах виднелись оледенелые тела. Всюду, на отвесных откосах берега, на городских валах и на дороге, лежали скованные морозом трупы.

Крепкие деревянные стены вокруг города были разрушены. Из широкого пролома на месте главных ворот выскочили одичалые, взъерошенные собаки. Они бросились врассыпную и скрылись. Всадники осторожно пробирались через обгорелые балки и груды кирпичей и мусора. Они въехали на главную площадь. С трудом узнавал Евпатий места, где еще недавно шумело народное вече, где пестрели разноцветные купола соборной церкви, где стояли великокняжеские хоромы с нарядными теремами и высоким резным крыльцом, откуда бывало князь говорил с народом. Все выжег, все уничтожил бушевавший здесь огонь татарского погрома.

Среди площади виднелись следы огромного костра. Валялись обгорелые людские кости, черепа, закоптелые татарские шлемы и щиты.

— Немало и татар здесь, видно, полегло! — говорили ратники.

Всадники сошли с усталых коней. Мрачно смотрели они на опустошенный город, пустынный и печальный, как заброшенное кладбище. С высоты вечевой площади была видна вся разгромленная, сожженная Рязань. Куда ни взглянешь, везде смерть, везде разрушение...

Около сохранившейся каменной вечевой вышки лежал на боку, врезавшись в землю, закоптелый медный колокол, чей могучий голос бывало сзывал рязанцев на многолюдные шумные сходы.

Евпатий молча повернулся и медленно направился в сторону. Ратники расступались, давая ему дорогу. С трудом удалось ему разыскать родные места. Вот каменные ступеньки церкви на углу улицы, а вон там, на пригорке, раньше стояла старая отцовская изба.

Евпатий пробирался через валявшиеся бревна, камни,

железные прутья. На обломках, опустив голову на руки, неподвижно сидел человек. Что-то знакомое было в его могучих плечах, в длинных седых кудрях...

Камень покатился под ногами Евпатия. Сидящий обернулся.

— Евпатий!..

— Ратибор!..

— Я ждал тебя, друже, — говорил Ратибор, обнимая молодого воина. — Я знал, что ты приедешь. Твое слово крепко...

— Приехал, да поздно! — И Евпатий показал на обугленные развалины. — Где мои? Не знаешь?

— На все воля божья! Мужайся, Евпатий!.. Старуха, мать твоя, еще дышала, когда я сюда добрался. Все мне поведала... Жену твою татары хотели в плен утащить. Она топором отбивалась. Тогда всех зарубили...

— А дети?

— Их в плен увели... вместе с другими...

Евпатий закрыл лицо руками.

— Евпатий! — тихо, по-дружески сказал Ратибор. — Оставим свое горе, подумаем о родной земле! Догоним ворогов! Посчитаемся с ними!.. Привел ли ты черниговцев?

Евпатий очнулся.

— Привел, да мало. Всего триста человек.

— Найдем еще людей! Много народу в лесах схоронилось. Я был у сторонников. Их с каждым днем все больше. Соединимся с ними и нагоним татар... Идем, друже!

Евпатий взглянул в последний раз на обломки родного дома.

— Идем!

Друзья пошли к вечевой площади. По дороге Ратибор рассказал Евпатию о гибели рязанских полков, о том, как его подобрал молодой князь Роман, как они вместе пробирались обратно в Рязань, как раненая нога заставила его задержаться в пути. Князь Роман покинул его, торопясь в Рязань. Едва оправившись, Ратибор снова поспешил домой и нашел только развалины родного города... Татары ушли в сторону Владимира. Здесь их больше не видно.

Черниговские ратники отдыхали на обугленных балках. Они поднялись навстречу Евпатию и Ратибору.

Широкий кряжистый воин, черниговский старшой, выступил вперед.

— Что надумал, Евпатий? Что будем делать?

Евпатий снял стальной шлем и обвел всех суровым взглядом.

— А вы чего хотели бы, братья черниговцы?

— Ты звал нас помочь рязанцам. А Рязани-то больше нет. Татары кладбищем сделали ее.

Евпатий молчал.

— Так неужели мы стерпим это? — продолжал старшой. — Вот тебе наш сказ: порешили мы, черниговцы, на татар итти. Отомстим им за наших братьев!

Евпатий низко поклонился.

— Спасибо, братья! И я и Ратибор так же мыслим. Не станем медлить, пойдем по татарским следам. Может, пленных кого выручим...

— Пойдем! Пойдем! — требовали ратники.

— Порешите сперва, кому воеводой быть.

— Евпатий! Пусть нас ведет Евпатий!..

Старшой снова заговорил:

— Кому же, как не тебе, Евпатий, вести нас на татар? Ты все дороги здесь знаешь, да и человек ты ратный. А мы ведь земляне! От сохи воевать пошли... Ты не бойся! Сумеем и мы постоять за Русь! Голов не пожалеем. Будем рубить татар, как лесины рубили. Запомнятся им наши мужицкие топоры!..

— Верно, верно!

— Спасибо, братья черниговцы! — сказал Евпатий.

Протяжный, будто жалобный звук пронесся над площадью. Евпатий обернулся. Черниговцы пытались поднять тяжелый вечевой колокол. Притащили бревна, поставили их в виде двух треног, связали верхние концы, сверху положили бревно-перекладину. Одни подтягивали веревками колокол, другие помогали, подхватив его за края. Наконец колокол повис. Ратники обсасывали пальцы, на которых от натуги выступила кровь из-под ногтей.

— Не валяться же тут ему! — пояснил старшой. — Вечник, чай, наш, народный голос!..

Воины подошли к колоколу.

— А может, и жив еще кто? — сказал Евпатий. — Ну-ка, кто молодший! Бей в колокол! Не всех же рязанцев татары перебили...

Молодой дружинник раскачал язык и ударил с размаху. Раздался сильный протяжный звук.

— Покойников не поднимешь! — заметил один из ратников, грустно покачивая головой.

Дружинник продолжал ударять часто и мерно, и звонкий голос колокола пронесся над опустошенным городом, над спаленными ближними городскими посадами, долетел до разгромленных дальних погостов.

Евпатий стоял на вечевой вышке и зорко смотрел по сторонам. Неужто никто не откликнется?..

Но что это? Из черного погреба, из-под обгорелых обломков показался человек. Он поднялся и, закрывая глаза от солнца, смотрел в ту сторону, где звучал вечевой колокол. За ним появился другой, третий... Отовсюду, из темных дыр, из подъизбиц, незаметных тайников и подклетей, вылезали изможденные, выпачканные в саже и пыли ратники, старики, женщины, дети. Пошатываясь и ковыляя, они спешили к площади.

Мертвый город ожил. Люди прыгали с груды на груду, спотыкались, падали и снова вставали. Их было немного, но все же это были рязанцы!

Вдали, на снежных полях вокруг города, показались черные точки. Прятавшиеся в лесах люди торопились к развалинам Рязани, куда звал их знакомый призывный звон вечника.

Ратибор бросился им навстречу:

— Жива еще Русь! Жив еще корень рязанский!..

2. На лесной поляне

Тихо в дремучем вековом лесу. Когда прыгнет белка или вспорхнет одинокая зимняя птица, отчетливо слышно паденье клочьев снега с ветки. Иногда треск мороза в стволах разбудит тишину и откликнется вдали в густом ельнике. Изредка высоко в верхушках стройных сосен, покачиваемых ветром, послышится слабый шорох. И опять торжественная тишина наполнит тайной онемевший, словно настороженный старый лес.

Сугробы снега прикрыли кусты вереска, можжевельника и волчьих ягод. Ни пешком не пройти, ни верхом не проехать. Только на коротких лыжах, подбитых конской шкурой, можно пробраться через глухую чащу.

Еле заметная извилистая тропинка, протоптанная в

глубину леса, вела на небольшую полянку. На ней собрались сторонники. Здесь были все, кому посчастливилось спастись от татарской отточенной стрелы или тугого аркана: земяне из сожженных селений, немногие уцелевшие защитники Рязани, оставшиеся ратники уничтоженных отрядов. Там, за лесом, где протянулись ровные снежные поля, сверкают мечи, течет кровь русских людей, пылают родные избы... Здесь же, в вековом лесу, все тихо и можно, лежа на еловых ветках, греться у костра.

И вдруг раздался тихий задушевный голос:

Еще что же вы, братцы, призадумались?
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повесили свои буйные головушки,
Что потупили очи ясны во сыру землю?

Несколько человек дружно подхватили:

Еще ли лих на нас супостат злодей,
Супостат злодей, татарин лихой...

Молодой сторонник сердито проворчал:

— Распелись не к добру!.. — и отвернулся с недовольным видом.

Тяжелая рука ударила его по плечу. Парень обернулся. Рядом стоял долговязый мужик в нагольном тулупе и собачьем треухе, с топором за поясом.

— Чего каркаешь? — спросил он.

Парень потирал плечо.

— Тьфу, Звяга! И рука ж у тебя!..

— Чем песня плоха?

— Татары услышат...

— Где им сюда добраться! В снегу утопнут.

— Все одно, какое нонче пенье!..

— А почему не петь?

— Избу сожгли... Тятьку зарубили... Любашу увели!.. — протянул парень.

— Эх!.. Так разве у тебя одного? Чего ты хлюпишь? Все мы горя хлебнули! А завтра нечестивцам сами головы отрубим! Все одно прогоним их!

Парень недоверчиво покачал головой.

— Без песни нельзя, — продолжал Звяга, опускаясь на подостланные еловые ветки. — Потому наше дело защитное, правое. Почему татары весело не поют, а под-

вывают? Их дело неверное. А правильный человек завсегда поет. То-то!..

— У меня вон в брюхе с голоду поет... — не уступал парень.

— Ишь ты! — громко засмеялся третий сторонник, подходя ближе. — Щи про тебя еще не сварены.

— Ничего! — спокойно возразил Звяга. — Как закипит в котелке вода, мы болтушки с мучной подпалкой нахлебаемся. Не взыщи только, что соли нет.

— Да муки-то последняя горсть...

— И это нам впрок: заснешь покрепче — во сне пироги увидишь!

Неожиданно раздался резкий окрик:

— Стой! Кто идет?

По тропинке пробирался на лыжах широкий плотный коротконогий крестьянин. На плечах он тащил куль муки. Оглядывая сторонников бойкими черными глазами, он часто откидывал голову назад, отдуваясь, двигаясь через силу. Несколько сторонников подошли ближе. Остальные продолжали лежать, подставляя бока теплу костра.

Насмешливый голос прокричал:

— Эй, сторонники! Удальцы-молодцы, гвозди вострые! Прибежал сват от тещи, прямо с погоста, отмахал верст со ста. Притащил муки аржаной куль большой. Подходи, кто не спесивый, не ленивый, подставляй чашку, ладони аль шапку! Торопись печь блины, не то опара сядет, кумовьев отвадит!..

— Откуда мука? Кто принес? — загудели, приподымаясь, мужики.

— Да вот — человек тароватый, борода лопатой. Татарва его с печи спугнула, косноязычным стал, и зовется с тех пор Ваула.

Звяга подскочил:

— Ваула! Сват!..

И бросился обнимать приятеля.

— Смекнул я, что вы здесь голодуете. Я вам мучки и притащил, — объяснял Ваула. — Ну и запарился!

— Ай да молодец! Накормил нас доотвала, когда в брюхе пусто стало! — говорили мужики.

— Садись, Ваула, к нашему костру!

— Нет, к нашему!..

— Да ты скажи, что с тобой сталось? — спрашивал

Звяга. — Видел я, как ты с рязанской стены в реку скатился. Я думал, ты утонул.

— Еще мой день смертный не пришел — выбрался, вишь! Двое суток по лесу скитался, пока не обсох.

— Го-го-го! — засмеялись мужики. — Своим ли паром сушился?

— А то чьим же? Бежал, как мог, искал сторонников. Наткнулся на выселок. Два старика меня обогрели, на лыжи поставили, каравай и куль муки дали. «Иди, говорят, на сиверко[1]. Там встретишь удалых сторонников. Скажи: земно им кланяемся, спасибо им, что родину берегут. И мы, старики, рогатины точим и скоро к ним прибежим».

— А что слышно там, в миру?

— Сами, что ли, не знаете? Время лихое, татары носятся то здесь, то там, всех рубят, душат петлей, пощады никому не дают.

Издалека послышался протяжный свист, потом оклик дозорного:

— Эй, постой! Кто едет на коне татарском?

Молодой звонкий голос отвечал задорно:

— Конь из татарвы, да ездок такой же, как и вы!

На поляну выехал всадник. Конь был татарский, горбоносый, с поджарым животом, как у борзой. На нем была татарская сбруя в сердоликах с серебряными пряжками и пестрые переметные сумы. На коне сидел мальчик с вздернутым носом, в большой шапке и заплатанном зипунишке, обтягивавшем узкую грудь. Тонкие ноги в кожаных лаптях были вдеты в короткие татарские стремена. Сзади, вцепившись в хвост коня, плелся второй мальчуган.

— Го-го-го! — грохотали сторонники. — Вот так всадник!

— Да с ним попутчик идет, коня за хвост дерет!

— Вишь, какого лихого воина нам бабушка прислала!

— Давно ли под лавкой медведкой ползал?

Юный всадник подъехал к сторонникам.

— Примите нас, люди добрые! Мы бежали из татарского плена.

— Молодцы, ребята! Маху не дали.

---

[1] Сиверко — северный ветер.

— Иди, иди к нам, кирпатый! А это что за молодец за тобой плетется?

— Да Поспелка! Он из сил выбился. Мы вдвоем на коне ускакали, а теперь по очереди пешком идем.

— Садитесь к нам, ребята!

Мальчик сошел с коня, привязал его к елке и подошел к костру. Его темные глаза казались огромными на бледном исхудалом лице. Мальчик взглянул на своего спутника и прыснул от смеха:

— Брось, Поспелка, нюнить! Спаслись — и ладно!

— А что они с Булаткой сделают?

— Да мы его выручим!

— Да как же вы, ребята, из плена-то удрали?

— Сейчас расскажу. Только нет ли у вас, люди добрые, сена хоть клок коня подкормить? Без него бы мы пропали!

— Чего захотел! Откуда мы тебе сена достанем? Не с елки ли? Да твои сумы за седлом, поди, сухарями набиты?

— А я и не знаю, что в сумах, они не мои.

— Сейчас посмотрим, что тебе татары подарили!

Сторонники подошли к коню, отвязали переметные сумы и распустили ремешки. Разостлав на снегу армяк, вытряхнули сумы. Оттуда посыпались: бабья панёва, вышитая рубаха, серебряный кубок, несколько нательных крестов и три цветных узелка. В одном оказались золотые серьги, в другом — горсть монет, черных и серебряных, в третьем, побольше, — мелко накрошенные сухари.

— Вот это тебе впрок! — воскликнули сторонники.— Хоть мало сухарей, все же коня спасешь.

— Братцы, родные! Да что ж это! Изверги вместе с серьгами у девок уши отрезали!

Мужики вскочили и стали передавать друг другу серьги.

— Ну, мы им это припомним! Где они, воры-разбойники? Откуда вы прибежали, ребята?

Мальчики присели к костру и стали рассказывать быстро, захлебываясь, перебивая друг друга:

— Мы из Владимира. Татары подожгли город. Мы втроем бежали в лес. Хотели к сторонникам пробраться... Нас поймали татары из отряда Бай-Мурата — злые, что звери! Они поволокли нас на арканах и много других

голодных пленных. Таскали нас за собой со связанными руками. В Ярустове татары нашли бочонки меда и браги и все перепились. Они заснули, а мы с Поспелкой перетерли ремни, подползли к коню Бай-Мурата и ускакали. Жаль, Булатку выручить не могли! Его татары в подъизбицу забросили...

Поднялся Ваула:

— Братцы! Ярустово недалеко, я туда тропу знаю. Идем!

Сторонники зашумели:

— Верно! Может, разбойники еще опохмеляются...

— Нам со Звягой там каждый пень знаком, — добавил Ваула. — Мы вас проведем!

— Идем, идем! — И сторонники стали быстро собираться.

— Поспелка, пошли Булатку выручать! — вскочил шустрый мальчуган.

— Молодец, кирпатый! Да как звать-то тебя?

— Меня-то? Прокудой зовут.

— Что?! Прокудой? Да ты девчонка, что ли?

— А то кто же? — засмеялся курносый мальчуган, сдернул меховую шапку и тряхнул лихо русыми косами.

Вскоре отряд сторонников потянулся гуськом в сторону Ярустова. Впереди шел Ваула, за ним Прокуда и Поспелка. Муку и немногие пожитки сторонники нагрузили на татарского коня, которого вел за собой Звяга.

3. Аман[1]

Полная яркая луна светила с беззвездного неба. Быстро плыли облака. Словно зацепившись за луну, они закрывали ее на мгновение и летели снова дальше.

Ваула озабоченно покачал головой.

— Скоро пурга будет! — сказал он шагавшему рядом бородатому стороннику.

— Заметель подымается! — отозвался тот.

— Пурга нам наруку, — сказал Звяга. — Татары, поди, в избы забились, нас и не заприметят.

Облака закрывали луну, и лес тогда сразу окутывался густой тенью и сумраком. Сторонники медленно про-

[1] Аман — пощада.

двигались вперед гуськом, держась близко друг к другу, чтобы не оторваться. Передние шли на лыжах, остальные упорно шагали за ними, проваливаясь по колено в глубокий снег.

— Тесней, Рязань! Шагай дружнее!

Пурга разыгралась внезапно. Лес вдали начал гудеть, завыли верхушки вековых сосен и елей. Ветер проносился с пронзительным свистом, подхватывал и уносил вороха рыхлого снега, засыпал им сторонников.

Вскоре уже отовсюду слышался непрерывный гул, треск ломавшихся сучьев и грохот падающих стволов.

— Не отстава-ай! — кричал Звяга.

Итти становилось все труднее. Колючий снег бил и обжигал лицо. Ветер захватывал дыхание.

— Эй!.. Не отстава-ай!.. — глухо доносились перекликающиеся голоса.

Сторонники шли долго, упорно пробиваясь сквозь бурю, боясь отстать. Знали, что гибель ждет того, кто затеряется в дремучем лесу.

Наконец передовой Ваула сказал:

— Теперь пойдем тише, соколики. Ярустово близко.

Сквозь свист ветра донеслись злобные голоса собак. Они не тявкали привычным ночным лаем, а заливались яростно, не замолкая ни на мгновение, хрипя и давясь, точно близко чуя врага.

Сторонники остановились, прислушались и решили:

— Татары на погосте!

— Подходи, сгрудись! — передавали они друг другу.

Сторонники собрались на опушке леса. Они настороженно всматривались. В слабом свете луны, часто прятавшейся за облака, виднелись черными пятнами избы. В некоторых дымились трубы. Повеяло ржаным хлебом. Кое-где в узких окошках чуть светились тусклые огоньки.

Прокуда ухватила Звягу за рукав.

— Вон в той крайней избе стоит ихний главный разбойник Бай-Мурат!..

Звяга прислушался.

— Да он и сейчас там шумит, еще не угомонился.

Порывы ветра донесли всхлипывающий женский плач, жалобные стоны и выкрики.

Звяга шопотом отдавал приказания. Сторонники вни-

мательно слушали его. Потом разделились и стали медленно пробираться огородами. Небольшая группа пошла за Звягой, от которого не отставала Прокуда. Ваула повел остальных. Усталый Поспелка остался на опушке леса сторожить татарского коня.

Пурга стихла так же внезапно, как и началась. Сторонники бесшумно подошли к частоколу. Невдалеке прижался к столбу дремавший дозорный. Звяга подкрался, и дозорный упал, широко раскинув руки. К ограде были привязаны татарские кони. Рядом лежали в снегу голые истерзанные людские тела.

— Господи! Что же это? — зашептали сторонники.

— Идем! — торопил Звяга. — Может, успеем еще кого спасти!

Сторонники отвязали коней, взобрались на них и осторожно объехали погост. По пути им встречались полудикие монгольские и уворованные русские кони. Они перехватывали их и продвигались дальше, крепко сжимая в руках рогатины, топоры, заостренные колья и дубины.

Дойдя до околицы, трое спешились, подползли к темневшему в стороне старому сараю и подожгли его. Весело вспыхнула солома. Красный язык лизнул крышу сарая и потух. Потом загорелся снова и затрепетал в клубах черного дыма, озаренного багровыми отблесками.

— Бей ворога! — закричали мужики, со всех сторон врываясь в избы.

Им отвечал визг и крики татар. Они выбегали из теплых изб на мороз, ошалев от неожиданности, с трудом приходя в себя от недавнего хмеля. Они метались в разные стороны, искали своих коней. Но коней не было, а из темноты набросились неведомые люди, сбивали с ног и рубили топорами. Татары убегали по задворкам, сторонники догоняли их и приканчивали.

В сараях сторонники нашли связанных русских пленных. Освобожденные, они вырывали из ограды колья и бросались преследовать своих мучителей.

Ваула одним ударом уложил хмельного часового, сидевшего на крыльце поповского дома, и осторожно вошел в горницу.

На столе еще видны были остатки пира, обглоданные кости, корки, опрокинутые чашки. Несколько пья-

ных татар валялось на полу. Старый полураздетый поп сидел в углу, обняв колени руками, и повторял: «Господи помилуй! Господи помилуй! Не ведают бо, что творят!»

Связанного Бай-Мурата сторонники притащили к обледенелому колодцу с высоким журавлем. Бай-Мурат стоял, покачиваясь, спросонья едва понимая, что происходит. Исподлобья, свирепо посматривал он на толпившихся перед ним сторонников, поводил хмельными, налитыми кровью глазами и твердил:

— Аман, аман!..

— Тебе аман? — сказал Ваула грозно, тыча в лицо Бай-Мурата медную серьгу с отрезанным ухом. — Откуда эта серьга? Из твоей котомки! Кто нашим девкам уши резал? Кто насильничал? Кто пленных голыми на мороз бросал? Ты! Кого казнить за это? Тебя, разбойника!

Сторонники закричали:

— Зарубить его!

Подбежала Прокуда, грозя кулаками.

— Что они с Булаткой сделали? К журавлю на колодце привязали, холодной водой обливали... Вон он, еле живой!

— Привязать разбойника к журавлю! — решил Ваула. — И прибить ему ухо к колодцу. Пусть знает, как сладко было нашим девкам, когда им уши отрезали.

Подъехал Звяга на татарском коне.

— Что вы с этим супостатом возитесь? Кончайте его да на коней! Татар на погосте уже не осталось.

Спасенные из татарского плена окружили сторонников. Женщины и дети плакали от радости и просили хлеба. Сторонники отдали им награбленную татарами добычу, брали себе лишь коней, татарские кольчуги и оружие. Мужчины присоединились к сторонникам. Женщины решили пробраться с детьми лесами и малоезжими дорогами к родным погостам.

— Отдыха не будет! — крикнул Звяга. — Нас еще мало, надо замести следы, пока другие татары не хватились... Скорей, соколики, лесом пойдем!

— Я с бабами не пойду! — решительно заявила Прокуда. — Поеду с вами!

Она помогла посадить в седло Булатку. Сзади него сел Поспелка.

— Держи Булатку крепко! — наказывала Прокуда.

Она ловко взобралась на своего татарского коня и поехала рядом.

4. В погоню за Батыем

В лесу сторонники задержали двух монахов. Засунув за кожаные пояса длинные полы черных подрясников, с лыковыми котомками за плечами, оба монаха брели по тропинке на юг, в сторону половецких степей.

Один, высокий и тощий, шагал впереди; другой, низкий и круглый, жмуря красные слезящиеся глаза, уцепился за ремень переднего и ковылял боком, стараясь не отстать.

— Куда вас нелегкая понесла? — загородил им дорогу Ваула. — И почему это на вас обвисли рясы, точно они сняты с чужого плеча?

Красноглазый, теребя рыжую бородку, выступил вперед, переломился в поясе и поклонился до земли.

— Хощу рещи вам, о братие: бежим мы от бесчинствующих злодеев, рекомых татаре, кои все земное искореняют нещадно...

— Поэтому вы и рясы надели?

— Рясы эти исконные наши и обвисли на нас от малоядения, — пропищал бабьим голосом высокий монах. — Людие стали скупы, людие стали немощны, не чтут и не дают благостыни лицам сана духовного.

— Чего только очи наши не видели! — продолжал красноглазый. — И бессловесные скоты и нечувствующие каменья от того, что сейчас деется, могут повергнуться в плач и стенание. Увы! Горе нам, увы!

— А вы куда же путь держите? — строго спросил Ваула. — От смерти или за смертью?

— Да что ты непутевое речешь!.. В Киев мы идем, братие, в Киев златоглавый, первопрестольный! Там, сказывают, монахи не голодуют и не бегают, как здесь, а спасаются в монастырских скитах в достодолжном почете. Потому народ там богобоязненный, полный благочестия, а злые татаровья далеко. О них там и слухом не слыхали.

Ваула спросил:

— А вы топоры держать умеете или запрятали их за печку?

— Отроду топора в руцех не держали! Где нам

мирским делом заниматься! Мы духовные стихи поем, читаем заупокойные молитвы и сладостные стихиры.

— Вижу, что вы из родной земли бежите, когда она кровью заливается, когда мунгалы детей в костры бросают! — сказал грозно Звяга. — У нас в отряде тоже есть монах, отче Ратибор. Да еще человека четыре сбросили подрясники, натянули зипуны и взялись за рогатины. А вы что?

— Ну и лодыри же, ну и дармоеды! — воскликнул Ваула. — Ни пользы от вас нет, ни толку. Отвечайте, не мешкая, где вы видели татар?

— В земле Суздальской, о братие! Там татары и мунгалы по всем погостам рассыпались, аки прузы [1], и жгут там и насилуют земян.

— И страху не имеют?

— А кого им бояться? Говорят, князь Юрий Всеволодович Суздальский уехал далеко, в белоозерские леса, Большой полк собирать, а его дружинники и охочие ратные люди заперлись по городам за крепкими стенами... Нам бы поесть чего!

— Ладно! Садитесь к костру. Может, кто вас и подкормит.

Оба монаха, не снимая заплечных кошелей, подсели к костру, где на угольях шипел закоптелый глиняный горшок.

— Чего варите?

— Аль не видишь? Свежую уху!

— Свежую? То-то радость, отче Авраамий! Да разве в такой чаще рыба водится?

— А почему нет? — ответил Ваула. — У нас тут щука и белуга по лесу ходила. Леса пали, горы встали, щучий хвост увяз!

— Поди ж ты какое чудо!

Длинный монах заглянул в горшок.

— А что же рыбы в горшке не видно?

— Ну так что ж! У тебя из котомки щучий хвост торчит, горшка ждет. Давай-ка его сюда!

Монах нехотя скинул котомку и ворча вытащил мороженую щуку.

— Добрые люди нам на дорогу дали. Путь-то до-

---

[1] Прузы — тараканы.

Киева еще долгий. Кушайте сами, братие, только нас отпустите!

Ваула взял рыбу, поскоблил засапожным ножом чешую, разрубил щуку на части, выпотрошил ее и бросил в горшок.

— Еще мучицей заправим, вот и ладная уха будет. Может, и соль у тебя есть?

— Есть полгорсти...

— Давай и соль. Мы давно без соли хлебаем.

Длинный монах со вздохом достал из котомки тряпицу, отсыпал из нее соли в горшок и опять бережно спрятал тряпицу. Оба присели к горшку, держа деревянные ложки.

— Чего ты все вздыхаешь, отче? — вмешался Звята. — Прилетел тень на Петров день, сел тень на пень и начал плакать: волосы вянут, дубрава шумит. О чем плачешь? Хочешь на тот свет с солью притти?

— Да мы ничего! Мы с охотой! — испугались монахи. — Только окажите милость, как прикончим ушицу, отпустите нас подобру-поздорову!

— Да нам что за корысть держать вас! — сказал Ваула. — Только обуза такие лодыри, как вы!

Оба монаха, забыв об ухе, спрятали ложки, стали креститься, кланяться всем в пояс и быстро зашагали по дороге на юг.

Сторонники, посмеиваясь, принялись за еду, когда между елями показался путник. Он вел за повод коня.

— Кого бог принес? — крикнул дозорный.

— Гонец из Коломны!

— Коли ты из Коломны, ты нам самый нужный человек. Пойдем к старшому!

На поляне горели костры. В стороне стояли привязанные кони. Возле одного костра сидело несколько ратников. Один из них, в коротком нагольном полушубке, зашивал дратвой разорванный сапог. Другой точил на камне топор. Третий рассказывал:

— Налетел тут на витязя Алешу печенежский могучий удалец по имени Редёдя и хотел ударить его в грудь торчмя головой. Тут Алеша Попович как схватит Редёдю за голову, как поднимет его над своим темечком, да как шваркнет о землю, — тут у Редёди и дух вон!..

Рассказчик замолк. Все рассматривали подходивше-

го. Он был еще очень молод, безусый, в кольчуге и высоких булгарских сапогах. Конь его был строен и статен, но очень истощен.

— Видно, дальний путь ты проехал, что конь твой так замаялся? — спросил один из сидевших у костра.

— Из Коломны. Еду гонцом к великому князю Юрию.

— Что же ты таким кружным путем едешь? — поднял голову чинивший сапог.

— Всюду татарские разъезды. Поневоле пришлось петлять...

— Что-то, сынок, лицо твое мне больно знакомо.

— Да и я тебя помню, — отвечал прибывший. — Не ты ли приезжал в Перунов бор на медвежью охоту? Отец мой, Савелий Дикорос, тебя по лесу водил. Здоров буди, Евпатий Коловрат!

— Ужель Торопка? Каким же ты славным витязем стал! Да что же ты стоишь? Садись к нам!

Торопка привязал коня к дереву и опустился на ворох еловых ветвей близ костра. Он подробно рассказал об осаде Коломны, Владимира, о своем бегстве и стычке с монголами. Евпатий расспрашивал его, где сейчас стоят татарские отряды, куда пролегает Батыева тропа... Торопка толково объяснил, что знал. Тогда Евпатий повернулся к сторонникам:

— Братцы, подымайтесь! Идем на север!

5. В великокняжеской усадьбе

Направляясь на север, Бату-хан с сотней тургаудов остановился близ Суздаля, где находилась усадьба владимир-суздальского великого князя Юрия Всеволодовича. Бату-хан пожелал осмотреть усадьбу.

— Я хочу увидеть своим глазом, как живет урусутский коназ. Во время войны с китатами [1] я видел у них много дворцов и загородных усадеб. Теперь я увижу, как устраивают свои юрты урусутские владыки, как держат скот, как хранят богатства.

В усадьбу заблаговременно была послана сотня из тумена «синих непобедимых», и бродившие мелкие татарские отряды не успели ее разграбить.

---

[1] Китат — по-монгольски китаец.

Огромный двор был окружен высоким тыном из прочно вкопанных бревен-стояков [1]. Посреди двора стояли хоромы, в которых жил князь со своей семьей, многочисленной челядью и дружинниками.

Хоромы состояли из нескольких изб разной вышины, которые соединялись крытыми переходами и мостками. Над хоромами подымались нарядно разукрашенный терем и вышки. На стенах и на потолке яркими красками были нарисованы звери, птицы и цветы.

Раньше здесь кипела жизнь, суетились дворовые люди, расхаживали женщины и играли дети. Еще валялись на снегу брошенные при спешном бегстве платки, ларцы и сундуки... Теперь все было пустынно и видны были только монгольские часовые на крылечках с узорными перилами.

В усадьбе монголы разыскали дряхлого старика-ключаря. Батый обошел с ним горницы, кладовые, повалуши [2] и клети. В главной светлице и гриднице ему понравились муравленые [3] печи из обливных изразцов зеленого цвета и дубовые полы из брусков, выкрашенных черной и зеленой краской в шахмат.

Джихангир посетил отдельные части главного двора: конюший двор, двор боярский, дружины и съезжий, где оставляли своих коней гости. Он зашел и в коровник и на гумно, затем вернулся в хоромы, поднялся на верх разукрашенного терема и долго смотрел из окошка, в которое красивым узором были вставлены кусочки слюды. Оттуда открывался вид на всю усадьбу, на окружающие поля, перелески и несколько деревушек.

Вдруг откуда-то, как будто из-под земли, раздались крики и дикие песни. Тургауды расчистили заваленный камнями вход в подклеть и увидели пьяных воинов. Сломав решетки, те ловко пролезли туда через отдушины и валялись на сыром земляном полу под большими бочками, висевшими на железных цепях под прочными каменными сводами.

— Зачем бочки висят? — объяснял оставшийся в усадьбе старый слуга. — Так их ветер поддувает, не

[1] Стояк — бревно, вкопанное стоймя.
[2] Повалуша — кладовая.
[3] Муравленые — покрытые глазированным изразцом.

дает плесени покрыть бочку, чтобы вино не скисло. Вино, чай, не простое, а для княженецкого стола!

Тургауды принесли Бату-хану деревянные жбаны с вином и медом.

Но он был мрачен и отказался пробовать русское вино.

— Не отравлено ли вино?

Ханы попробовали, нашли вино по вкусу, развеселились и начали петь:

Вспомним, вспомним степи монгольские,
Голубой Керулен, золотой Онон![1]
Сколько, сколько монгольским войском
Втоптано в пыль непокорных племен...

— Где Субудай-Багатур? — спросил Бату-хан. — Почему его нет?

— Непобедимый поехал с другим отрядом.

Разгулявшиеся ханы, видя, что вина много, решили угостить им воинов.

— Устроим пляски с пением в честь великого джихангира!

Ханы послали нукеров известить воинов ближайшего отряда, что джихангир угощает их вином.

Вскоре на княжеский двор потянулись монгольские воины. Они тащили на веревках пленных русских женщин и девушек.

Пришедшие воины были из отряда диких, «лесных» монголов, которые жили в северных горных местах, заросших вековыми лесами, и занимались охотой, а не скотоводством, как степные монгольские племена. Их старые побуревшие шубы были надеты на голое тело. На ноги были накручены звериные шкуры, большие мохнатые треухи низко надвинуты на глаза. Лесные монголы славились особой свирепостью и дикостью, громадной силой и храбростью.

Сидя, поджав ноги, прямо на снегу, они с любопытством оглядывали здания усадьбы. Они не выпускали из рук искусно сшитые из бересты туесы[2], которые заменяли лесным монголам и чашки и миски.

---

[1] Керулен и Онон — реки в Монголии, на родине Чингизхана.

[2] Туес — круглая коробка из бересты.

Русские девушки были одеты в тряпье, которое им оставили монголы. Одни дрогли в драных мужских зипунах, другие кутались в обрывки старых шуб, ветхие платки или грубые простые мешки.

Толмач громко закричал:

— Пойте песни! Ваш владыка джихангир Бату-хан хочет посмотреть, как урусутки пляшут и поют.

Монголы зашевелились и стали хлестать плетьми по головам урусуток. Несколько девушек устало поднялись.

— Споем, что ли?.. Хоть согреемся...

Звонкими голосами, четко разносившимися в тихом морозном воздухе, они запели:

Заплетися, плетень, заплетися!
Ты завейся, труба золотая...

Девушки взялись за руки и медленно пошли по двору кругом.

Батый подъехал к хороводу верхом на вороном коне и остановился. Из-под собольего треуха смотрели темные холодные глаза. Суровым взглядом он следил, как передвигались по снегу укутанные в овчины и тряпки женщины.

— Наши девушки на Керулене поют и пляшут лучше, — сказал Батый. — Они бегают и прыгают, как красное пламя костров. А эти плетутся, как побитые голодные собаки.

— Верно, верно! — воскликнули ханы. — О наш прекрасный Керулен, о голубой Онон! Все там лучше, чем в других странах!

Бату-хан взмахнул плетью, его конь, взметая снег, поскакал по широкому двору. За ним, звеня доспехами, последовали нукеры. Джихангир подъехал к высокому крыльцу, сошел с коня и направился в хоромы. Нукеры занялись раздачей вина. Они по очереди пропускали в подклеть монгольских воинов, которые возвращались оттуда с полными туесами.

Воины развели костры, доставали положенные в огонь раскаленные камни и опускали их в туесы с вином. Вино закипало, и монголы жадно пили горячий напиток. К вечеру все перепились и крепко спали.

Бату-хан, окруженный несколькими тысячниками, сидел в лучшей горнице усадьбы на широкой лавке и слу-

шал былинные песни старого монгола. Он хмуро прислушивался и вздрагивал при всяком шуме за стеной.

Со двора послышались крики и сердитая ругань. В гридню вошел Субудай-Багатур и за ним высокий стройный сотник Тюляб-Бирген. Субудай остановился у двери, склонился до земли и выпрямился. Испытующим взглядом скользнул он по лежащим на полу и лавках телам пьяных ханов и уставился на джихангира. Тот мрачный сидел на широкой дубовой лавке, подобрав под себя ноги, и равнодушно смотрел на большую деревянную чашку, полную до краев вином. Возле него сидел факих Хаджи-Рахим, ровным голосом рассказывая о подвигах великого полководца Искандера Двурогого:

—...Взобравшись на стену крепости, Искандер спрыгнул вниз, прямо в толпу врагов. Защитники набросились на него с торжествующими криками. Искандер, отступив к стене, долго бился один против многих, ловко поражая бактрийцев мечом, пока его воины не перелезли тоже через каменную стену и спрыгнули вниз. Искандер был ранен в ногу стрелой. Видя льющуюся из раны кровь, он удивился: «Говорят, что я сын бога. Между тем у меня такая же красная кровь, как у простых людей...»

Хаджи-Рахим взглянул на Субудай-Багатура и замолчал. Старый полководец был заметно встревожен. Бату-хан спустил ноги и поднялся навстречу.

— Что случилось? Целый день сердце твердит мне: «Жди беды!»

Субудай указал на спящих тысячников.

— Они будут спать до завтрашней ночи, и их ничем не разбудить. Мы же с тобой должны сейчас уехать.

— Куда? Зачем?

— Слушай, что говорит этот кипчакский сотник!

Тюляб-Бирген подошел ближе. Он был известен как смелый, спокойный, уверенный в себе воин. Теперь он был бледен, и черная подстриженная лопаткой борода дрожала, когда он говорил:

— Изрубленные урусуты проснулись. Они стали трехголовыми мангусами. Наши стрелы их не пробивают, мечи о них ломаются. Они скачут на крылатых конях. Я убил двоих, прочтя молитву пророку, и едва спасся. Моя сотня почти вся перебита урусутами. Они

налетели на нас ночью и пропали, как дым, как неуловимые джинны...

— Я всегда говорил, что страна урусутов — страна волшебников. Но я все же покорю ее!

Субудай-Багатур повел широкими плечами:

— Я в жизни видел много необычайного, когда я был под тенью Единственного и Неповторимого[1]. Но о таких богатырях я слышал только в сказках.

Тюляб-Бирген настойчиво повторял:

— Крылатые прискачут сюда скоро, сейчас!

— Надо их захватить, а эти храпящие пьяницы сейчас ни на что не способны! — злился Субудай-Багатур.

— Пока не прилетели урусутские мангусы, пусть Ослепительный уедет в свой тумен! — убеждал Тюляб-Бирген. — Здесь ему защиты нет!

— Арапша! — крикнул Бату-хан.

Арапша сидел в углу на лавке, опустив голову на руки, сжимая рукоять меча, воткнутого в пол. Он очнулся и быстро подошел.

— Приведи коней! Мы уезжаем.

Арапша оглянулся на тела лежащих пьяных монголов. Субудай добавил хрипло:

— Мы уезжаем одни. Кто любит спать, пусть спит!

6. Крылатые мангусы

Евпатий узнал от селян, что в усадьбе великого князя Юрия Всеволодовича близ Суздаля пирует и бесчинствует какой-то татарский отряд и что туда проехали важные ханы со знаменами и значками.

«Может, там стоит сам Батыга? — подумал Евпатий. — Вот когда я смогу с ним разделаться...»

И отряд, разделившись надвое, спешно направился к Суздалю. «Конные ястребки»[2] делали большие обходы, чтобы миновать многолюдную дорогу, где рыскали татарские отряды в поисках поживы. «Пешие волчата» пошли напрямик, лесными тропами.

Подъехав к усадьбе, Евпатий задержал конных черниговцев за рощей, а сам пробрался вперед, на опушку.

---

[1] Подразумевается Чингиз-хан.

[2] «Конные ястребки» — всадники.

В тихом морозном воздухе ясно доносились из-за высокого бревенчатого тына заунывные песни и переливные трели татарских дудок. Сумерки быстро сгущались. Из ворот усадьбы выехало около сотни татарских всадников. Один впереди держал белое девятихвостое знамя. Они стегнули коней и вскачь помчались по дороге.

Когда совсем стемнело и над спящим лесом поднялась яркая луна, к Евпатию подобрался Звяга.

— Волчата здесь, стоят наготове. Не пора ли?

— Начинайте! — отвечал Евпатий. — Не подымайте шума. Бейте молча!..

Сторонники напали тихо, без единого крика. Спавшие крепким хмельным сном монголы долго не могли понять, что случилось, откуда свалились неведомые враги. Со всех сторон налетали безмолвные всадники. Переливались голубыми искрами их стальные кольчуги. Длинные прямые мечи и тяжелые палицы бесшумно поражали татарских воинов. Только хриплые стоны нарушали тишину.

— Крылатые мангусы! — пронесся крик.

Его повторяли в ужасе просыпавшиеся татары. Очнувшись, они метались по двору усадьбы, стараясь вырваться; бежали к воротам, но и там их встречали неведомые люди и рубили топорами.

Отчаянный бой продолжался всю ночь в багровом дыму разгоревшегося пожара. Старые деревянные постройки пылали яркими огнями. Лесные монголы, застигнутые врасплох, с воем отчаяния бегали в общей суматохе между пылавшими избами и конюшнями.

В эту ночь сторонники уничтожили многочисленный татарский отряд, но в жестоких схватках потеряли немало и своих.

7. Берендеево болото

Узнав о гибели лесных монголов, Батый разослал во все концы нукеров, сзывая отряды, рыскавшие по Суздальской земле. Указано было место, где встретиться — около города Переяславля-Залесского. Отряды должны были стягиваться кольцом, как на облавной охоте, затягивая петлю.

Новые вестники донесли Батыю, что неуловимые

летучие урусуты перебили еще несколько татарских отрядов и опять исчезли в дремучих лесах.

Тем временем Евпатий со своими сторонниками продвигался на север. От встречных, убегавших в леса селян Евпатий узнал, что татары не идут дальше, а повернули обратно. Это известие встревожило Евпатия. Татары стали появляться со всех сторон, — нужно было проскользнуть между ними. Выжидать в чаще нельзя было — корм кончался, нехватало ни сена, ни хлеба.

Лесными тропами Евпатий вышел на Берендеево болото, из которого берет начало речка Трубеж, впадающая в Плещеево озеро. По руслу реки Евпатий думал вырваться из кольца татарских отрядов и уйти на соединение с главным войском владимирского князя.

На гладкой поверхности замерзшего болота показались татарские всадники. Они всё прибывали, выезжая из густого леса, и мчались к отряду Евпатия. Приблизившись, татары пускали в ратников стрелы и быстро уносились прочь.

Евпатий знал татарские уловки и вел свой отряд в сторону Плещеева озера. Однако на пути показались новые отряды конных татар. Они медленно отступали в лес, явно уклоняясь от боя. Евпатий продолжал вести отряд прежним намеченным путем, приближаясь к руслу речки Трубеж.

Впереди подымалась возвышенность, поросшая сосновым лесом. На ее обнаженной вершине виднелись развалины древних построек, засыпанные снегом.

— Палаты царя Берендея! — заговорили сторонники. — Здесь жил «царь Берендей, до колен борода»!

Около развалин на холме появился новый татарский отряд. Впереди развевались длинные концы белого знамени. Отряд остановился, преградив дорогу.

— Батыга там! — крикнул Евпатий. — Вперед, соколики!.. — и вместе с конниками помчался в сторону холма.

Пешие сторонники продолжали итти ровным шагом, готовые помочь черниговцам. Татары на холме зашевелились и стали спускаться на лед. У подножия конники сшиблись с татарами. Ударами меча Евпатий отбросил нескольких татар и помчался вверх, к белому знамени.

Наперерез Евпатию скакал на рыжем коне высокий, дюжий монгол с поднятым мечом. Евпатий, готовясь к схватке, повернул коня так, что, поровнявшись, понесся рядом с монголом. Тот замахнулся, но неудачно. Евпатий с силой ударил по мечу монгола и вышиб его. Вторым ударом Евпатий рассек монгола до пояса. Послышались отчаянные крики татар:

— Тогрул убит!.. Тогрул убит!..

Евпатий снова бросился к холму. Подоспевшие конники скакали рядом с ним, сшибаясь с налетавшими врагами. Татары умчались с холма врассыпную.

Евпатий остановился на вершине и оглянулся. Татары появились со всех сторон. Всё новые отряды выезжали из леса и кольцом окружали холм, где на развалинах собрались «ястребки» и «волчата».

Бой длился долго. Бесчисленные татары густым строем наступали на русских воинов, которые стояли плотной стеной, не уступая стремительным нападениям. Плохо вооруженные сторонники в яростных схватках уложили немало татар. Но русских становилось все меньше.

Там, где всего больше теснилось воинов, где чаще свистели стрелы и громче звенели мечи, выделялись два высоких воина. Они не укрывались от ударов; выпрямившись во весь рост, они отчаянно бились не отступая.

Меткие татарские стрелы отлетали от крепких кольчуг. Кривые сабли их не пробивали. Вместе с двумя воинами сражались плотными рядами русские ратники. Несокрушимой стеной стояли они и отбивали буйные налеты татар.

Изредка сквозь страшные звуки сечи, ржание коней, лязг железа, стоны раненых слышался густой раскатистый возглас:

— Держись, друже Евпатий! Рази их, окаянных!..

В ответ раздавался звучный голос, которым бывало заслушивались на вече рязанцы:

— Не бойся, отче Ратибор, держусь!

Лучших всадников посылали сюда ханы. Но кони испуганно поднимались на дыбы и уносились в сторону. Другие падали вместе с седоками, сраженные ударами витязей. Кто успевал увернуться от меча Евпатия, того настигала палица Ратибора.

Громадный, с блестящим шлемом на длинных седых кудрях, со смуглым лицом и сверкающими темными глазами, с тяжелой палицей в руках, Ратибор приводил в ужас нападающих. Спокойный и решительный Евпатий был не менее грозен.

И в страхе отступили татары...

Верхом на любимом вороном жеребце, окруженный ханами, Бату-хан наблюдал за битвой. Движеньем руки он подозвал Субудай-Багатура.

— Повелеваем: привести обоих урусутов живыми!

Субудай послал отборную сотню, за ней вторую... Воины не вернулись, а урусуты продолжали биться.

Взбесившийся конь примчал едва державшегося в седле раненого. Он тяжело упал к ногам Бату-хана.

— Ослепительный! Их взять нельзя! С ними сам урусутский бог Сульдэ!..

Последние слова раненый прошептал едва слышно. Он вздрогнул, вытянулся и затих. Нукеры оттащили его в сторону.

Бату-хан отвернулся. Лицо его исказилось.

— Почему спят мои шаманы? — прошипел он.

Прибежавшие шаманы выли, били в бубны, плясали. Они просили всесильного монгольского Сульдэ сразить урусутского бога. На разные голоса призывали они своих богов на помощь, обещали им девять лучших вороных коней и девяносто девять пленных юношей.

Но бог Сульдэ не захотел спуститься в глубокие снега, в бездонные болота. Да и шаманам не нравилась злая земля урусутов, где выли свирепые метели и трещали жестокие морозы.

А татары всё падали вокруг урусутских витязей.

Уже давно длилась битва. Но Ратибор и Евпатий не ведали усталости. С прежней сокрушающей силой взлетала страшная палица, с прежней верностью косил острый меч. Так же громко звучал призыв Ратибора. Попрежнему уверенно отвечал Евпатий.

Русские воины, забывая усталость, сомкнув ряды, продолжали сражаться. Они наступали на татар, подбадривая друг друга громкими криками:

— Держись, Рязань! Не сдавай, черниговцы!

Бату-хан не отрываясь следил за битвой. Он завыл, когда третья сотня полегла от ударов грозных урусутов.

— Я теряю лучших моих воинов!..

Теснившиеся около джихангира ханы попятились.

— Вай-дот! — кричали они. — Что с ними делать? Это не люди, а крепкие камни!

Бату-хан ударил себя по щекам и завизжал:

— Субудай! Субудай!

И бросил подскакавшему старому полководцу короткое приказание.

Забегали нукеры. Послышался тяжелый топот коней, странный скрип и шум. Прозвучали снова татарские выкрики, треск и грохот. Резкие удары в медные щиты отозвали татарских воинов, схватившихся с урусутами.

Евпатий, видя отступление татар, высоко поднял меч:

— Вперед!.. За...

Но страшный удар в грудь прервал его звучный голос. Он упал, обливаясь кровью.

Сбивая все встречное, летели в теснившихся на холме русских воинов огромные камни. Это татары подтащили на полозьях китайские камнеметные машины.

Взвыл Ратибор. Отшвырнул палицу, бросился к любимому другу. В отчаянии теребил его:

— Жив ли ты, Евпатий?.. Откликнись, друже!

Осторожно припал к нему ухом... Кончено! Больше не придется им вместе биться за родную Русь!

Он поднял голову, оглянулся. Со всех сторон с диким грохотом падали страшные камни, сокрушая русских храбрецов.

Ратибор поклонился мертвому другу, поднялся во весь свой громадный рост и пошел, безоружный, большой и грозный, с бурно дышащей грудью и горящими глазами, навстречу неминуемой смерти.

8. Последние на бугре

Битва подходила к концу.

Между соснами на бугре осталась маленькая кучка людей. Это были последние воины Коловрата, последние оставшиеся в живых. Редкие камни падали еще на бугор, где русские стояли выпрямившись, тесно прижавшись друг к другу. Они выпустили последние стрелы. Сделать больше ничего нельзя.

Неожиданно высокий, звонкий, словно детский голос затянул песню... Родную, русскую, протяжную и грустную песню:

Еще что же вы, братцы, призадумались?
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повесили свои буйные головушки?

Песню дружно подхватили другие голоса, и она полилась, смелая и вольная.

Песня, казалось, говорила, что русские люди, умирая, прощаются с любимой родиной. Песня, казалось, говорила, что, убивая, татары русских не сломили.

Взглянув в сторону оставшихся урусутов, Батый приказал остановить машины. Грохот прекратился. И тогда до монгольских военачальников донеслось протяжное пение.

Джихангир удивленно прислушался.

— Взять их! — приказал он. — Привести сюда живыми!

«Непобедимые» бросились исполнять священную волю джихангира. Они окружили оставшихся урусутов. Набросились одновременно со всех сторон; захлестывая арканами, скрутили урусутам руки за спину.

Батый окинул приведенных пленных внимательным взглядом. Многие урусуты были ранены, залиты кровью. Были среди них белобородые старики, было двое юных — совсем мальчики. Урусуты стояли мрачные, но спокойные. Готовые к смерти, они без страха смотрели в глаза грозному хану.

— Развязать пленным руки!—приказал джихангир.— Субудай-Багатур, надень на шею каждому урусуту деревянную пайцзу!

— Внимание и повиновение! — сурово отвечал старый полководец.

— Скажи им, коназ Галиб, — обратился джихангир к стоявшему сзади старому толмачу, — Бату-хан прощает храбрых урусутов и дарит им жизнь и свободу. Они настоящие багатуры!

Князь Глеб поморщился, но исполнил приказание. Бату-хан пристально следил за ним.

Показывая на пленных урусутов, Бату-хан крикнул громко, чтобы воины слышали его:

— Вот как надо защищать свой родной улус!

К Бату-хану подошел летописец Хаджи-Рахим и до земли склонился перед молодым джихангиром.

— Ты великий, ты справедливый! Твоими устами говорил сейчас «священный воитель», твой мудрый дед. Он учил так поступать...

Баурши подошел к урусутам, которые еще не понимали происходившего. Но Батый остановил его. Князь Глеб перевел вопрос джихангира:

— Кто первый запел песню?

Урусуты переглянулись. В одном порыве три пожилых бородатых воина сделали шаг вперед. Но в тот же миг, оттолкнув их, выбежал молодой воин.

— Неправда, я! — воскликнул он странно тонким, звенящим голосом.

Задорно закинув голову, вызывающе смотрел он на джихангира.

Бату-хан спрятал улыбку. Его прищуренные, слегка раскосые глаза смотрели на вспыхнувшее юное, почти детское лицо, в смелые, взволнованные блестящие темные глаза мальчика. Джихангир повернулся к толмачу, но тощий высокий темник Бурундай перебил его. Приблизившись к молодому воину, он крикнул:

— Перед Ослепительным целуют землю, урусут! Благодари на коленях за милость! — и неожиданно грубо толкнул мальчика.

Тот упал, его меховая шапка свалилась, и с головы молодого воина сползли две русые косы.

К Бурундаю подскочил другой урусутский мальчик и вцепился в него.

— Не тронь! — крикнул он.

Бурундай схватил меч. Властное движение джихангира остановило его. Бурундай отступил с искаженным от злобы лицом.

— Девочка? — удивленно протянул Бату-хан, наблюдая, как молодой воин запрятывал косы под шапку. — Как зовут эту девочку?

— Она кня... — быстро повернулся ее маленький защитник, но девушка прервала его:

— Молчи, Поспелка, не к тебе спрос!

Обернувшись к Бату-хану, она спокойно отвечала:

— Мое имя Прокуда. Я бедная сиротка.

— Откуда ты?

— Из стольного города Владимира.

— Мои воины там были. Ульдемира больше нет.

— Знаю. Я видела, как вы жгли наш город. Я тогда убежала с Поспелкой.

— Берикелля! — сказал Бату-хан. — Так как у тебя нет больше дома, разрешаю тебе итти со мной, с моим войском.

— Позволь мне остаться на родной земле.

Джихангир ответил:

— Я обещал храбрым урусутам жизнь. Ты свободна!

Прибежавшие нукеры доложили, что найдены тела урусутов — молодого воина-силача и старого шамана, павших под ударами тяжелых камней. Батый пожелал увидеть их. Нукеры подвезли на деревенских розвальнях тела Евпатия и Ратибора.

Джихангир задумчиво осмотрел мертвецов, осторожно тронул пальцем полузакрытые глаза Евпатия.

— Нет, это были не мангусы и не шаманы! А храбрые воины, большие багатуры! Если бы они были живы, я хотел бы иметь их всегда против моего сердца... Мои воины должны учиться у них!..

И, обращаясь к теснившимся вокруг монголам, Бату-хан добавил:

— Воздадим им воинский почет!

Тогда храбрый полководец Субудай-Багатур, приближенные знатные ханы и нукеры с суровыми, строгими лицами вынули блестящие мечи, подняли их над головой и трижды прокричали:

— Кху! Кху! Кху!..

Часть восьмая

МОНГОЛЬСКИЙ РАЗГУЛ

1. Боевой стан

Из Ростова Великого помчались гонцы. Они везли письма великого князя Юрия Всеволодовича Владимирского и князя Василька Ростовского князьям, воеводам и волостелям в Новгород Великий, Псков, в ближние волжские города Судиславль, Ярославль, Кострому и дальше — в Галич и на Белое Озеро. Они призывали ратников в боевой стан близ города Красного Холма, где русские люди будут собираться в Большой полк.

К Красному Холму потянулись воины. Некоторые были на конях, в кольчугах, с мечами и копьями. Другие — их было большинство — шли в простых зипунах и полушубках, с топорами и самодельными рогатинами.

В Красном Холме князя Юрия не оказалось.

— Где же боевой стан? — толковали собравшиеся воины. — Да, место это надо держать скрытно. А то татары, того и гляди, раньше времени о нем проведают!..

Греясь у костра, ратники говорили:

— Хорошо, что наконец князь Владимирский отбросил свое долгое раздумье.

— Да! Он теперь самый сильный из всех князей, пора ему встать во главе русского войска!

— Давно надо было, при первом слухе о татарах!

— Он сам тогда оплошал, не поддержал рязанцев. Сколько понапрасну русских людей оттого полегло!.. Всем миром надо подняться на лютого врага, тогда только одолеем его... Эх, из-за княжеской розни, ссоры да которы[1] гибнет русская земля!..

Великий князь Юрий Всеволодович, пробыв недолго в Ростове, поскакал в Углич, спустился по Волге до Мышкина и оттуда лесными дорогами проехал на реку Сить. Недалеко от впадения Сити в Мологу, в деревне Боженки, князь остановился у попа, отца Вахрамея. Поп был древний, как и его деревянная, покосившаяся церковка; любил поговорить про старину.

Отец Вахрамей объяснил, что к погосту Боженки с запада ведет только одна дорога из Бежецка, а с востока можно проехать только зимой по Мологе и по Сити. Кругом леса непроходимые, на топких болотах с бездонными трясинными окнами.

— Значит, татары сюда не доберутся? — спросил князь Юрий.

— Все утопнут! — подтвердил отец Вахрамей.

— Это место мне любо! Пока татары будут меня искать, я успею собрать свежие силы и отсюда разобью врагов.

— С богом! — поддержал отец Вахрамей. — Начинай, государь Юрий Всеволодович, а я отслужу молебен и каждодневно буду молиться господу-вседержителю о даровании твоей рати победы и одоления врага.

Первыми отозвались на призыв ближайшие к стану князья сицкие. Они стали присылать дружинников и обозы с сеном, мукой и соленой рыбой. Пришли сицкие мужики, сицкари, в зипунах и заячьих полушубках, обшитых цветными ленточками, в волчьих треухах, с длинными, до плеч, волосами. Опираясь на рогатины, они тесной толпой остановились перед крыльцом, на

[1] Котора — раздор.

которое вышел князь. Выступивший вперед старшой сицкарь спросил скороговоркой[1]:

— Зацем кликал? Цаво мужиков гомонил? Сказывай нам, лесовикам, цаво рубить?

Князь Юрий сейчас же распределил их. Одним поручил ставить вдоль берега Сити срубы, такие, чтоб в каждом была сбитая из глины и камней печь. Другим приказал рыть глубокие ямы в рост человека.

— Это мы мозем! — отвечали сицкие мужики. — Мы и в болотце копать и елоцки рубить — ко всему мы привыцные.

Мужики немедля ушли гуськом в лес, застучали там топорами. Стали валить сосны и ели, а на высоком берегу глубоко врывшейся в землю Сити начали складывать рядком новенькие срубы с плоскими крышами, прикрытыми пластами коры. Через несколько дней над ними уже закурились дымки.

Ополченцы подходили отовсюду и в одиночку и десятками. Всем им князь Юрий указывал работу; одни быстро строили низкие землянки, другие свозили лесины, пни, сухостой и складывали из них длинные засеки[2].

Вскоре прибыл князь Василько Константинович Ростовский с отрядом в триста всадников и в тысячу пеших ратников. За ними следовал обоз саней, нагруженных мясными тушами, мукой и сеном.

Князь Василько объехал шумный лагерь, нахмурив брови, покосился на белые срубы, остановил коня перед засеками, покачал головой и направился к церкви. Рядом с поповским домом над новым срубом развевался великокняжеский стяг, вышитый золотыми нитями.

На крыльцо вышел старый священник в долгополом выцветшем подряснике, с седой бородой клинышком и с заплетенной белой косичкой.

— Исполать тебе, князь Василько Константинович! Окажи честь, заходи погреться!

— Здравствуй, отец Вахрамей! Давно тебя не видел — с последней охоты на сохатых. И ты и твоя церквушка всё стареете?

---

[1] Особая манера говорить сохранилась кое-где на реке Сити до настоящего времени.

[2] З а с е к а — деревья, сложенные непроходимой преградой.

— Плечи гнутся, а голова старая все держится и может еще пригодиться.

Князь сошел со своего статного чубарого коня. Дружинник подбежал и взял коня за повод. Василько Константинович поднялся на крыльцо старого дома и поцеловал благословившую его морщинистую руку попа Вахрамея.

— Что же, вы тут целый город строите?

— Да похоже на это, — отвечал священник.

— И долго будет стоять этот город? Год или два?

— Что могу я сказать! Это все князь Юрий Всеволодович решает. Он приказал строить, свозить бревна — вот и растет крепость.

— Народу, я вижу, собралось много. Как же все кормятся?

— Обо всем князь Юрий Всеволодович думает. Часть ополченцев с собой принесла печеного хлеба, окромя того, по приказу князя, отовсюду везут муку и соленую рыбу. А здешние сицкие бабы квасят, месят и пекут хлебы...

— А сено у вас есть? Со мной конные дружинники.

— Для твоего коня сено у меня найдется. Я накосил его летом для коровенки. А твоим дружинникам, может быть, князь выдаст. Я видел, земляне везут и сено... Да что же мы мерзнем на крыльце? Заходи, княже, милости прошу в мою убогую храмину.

Князь Василько повернулся к своим дружинникам, растянувшимся вдоль берега, подозвал начальника передней сотни:

— Осмотри лагерь и подыщи место, где поставить коней. Я переговорю с великим князем Юрием Всеволодовичем насчет кормов.

— У нас сена есть дня на три. Да и овса хватит дней на десять.

— Как бы не пришлось коней наших резать на щи! Ртов сколько привалило! А вот и князь!

Юрий Всеволодович шел с красным, распаренным лицом, в шубе нараспашку.

— Здорово я в мыльне попарился! Люблю помыться! Успел здесь шесть новых мылен поставить. Без них люди корой обрастут. Голова трещит, обо всем надо размыслить. Здравствуй, племянник, на многие лета! Обнимемся и пойдем в мою новую избу.

2. В лесных трущобах

После разгрома Владимира-Суздальского татарское войско двинулось дальше на северо-запад тремя потоками. Отряд темника Бурундая шел на Суздаль, Юрьев, Переяславль, Скнятин и Кашин. Отсюда отряд направился на Бежецк и Красный Холм.

Отряд Батыя прибыл в Углич, оттуда рекой Короҗечной поднялся вверх по течению до лесного поселка Кой.

Третий отряд татар прошел на город Мышкин, откуда, пробираясь лесными дорогами, направился к верховьям реки Мологи. Татары, пытая захваченных по пути крестьян, старались выведать от них, где находится боевой стан князя Гюрга Ульдемирского.

Мелкие татарские отряды были разосланы Бату-ханом для разорения Владимирского великого княжества и жгли все встречные города и погосты.

В начале марта Батый стоял в лесном поселке Кой, где нашел много сена, заготовленного к весеннему сплаву. Темник Бурундай расположился в Бежецке. Оба уже знали, что где-то невдалеке, среди дремучих лесов, собираются воинские силы великого князя Гюрга.

На совещании тысячников Бату-хан сказал:

— Я должен в одной битве уничтожить главное урусутское войско, иначе мы сами бесславно погибнем в этих снегах, лесных трущобах и болотах. Мы будем драться, не жалея жизни. Я стану единственным повелителем всей урусутской земли. Больше ни одного достойного противника у меня тогда не останется. Длиннобородые медведи должны покориться мне. Так учил и так всегда поступал в своих войнах величайший из всех людей, мой дед «священный правитель». Завтра для монгольского имени будет день великой славы или день великого горя...

— Горя не будет! — воскликнули тысячники.

— Разбив князя Гюрга, мы не будем отдыхать. Мы повернем коней на большую дорогу к самому богатому урусутскому городу Новгороду. Мы помчимся туда со всей быстротой, чтобы добраться раньше, чем начнут таять реки...

— А потом? — спросил один тысячник.

— Потом, отдохнув, мы пойдем в страну гордых

купцов, которых мы поймали в Мушкафе. В той стране города еще более богатые, чем Новгород. Как зовутся эти города? — обратился Бату-хан к переводчику.

— Любек, Гамбург, Брюгге...

— Да, это так! Я засуну все эти города в мою походную рукавицу. Но сперва мы должны прикончить урусутского князя Гюрга.

Бежав из урусутского плена, Мусук с трудом пробрался к татарам. Джихангир, узнав о его смелом побеге, назначил его начальником полусотни в отряде Тюляб-Биргена.

Долго совещались сотник Тюляб-Бирген и Мусук. Они решили поразить дерзкой удалью самого непобедимого великого полководца, всегда недоверчивого и угрюмого Субудай-Багатура. Решив испытать свое счастье, они выехали вперед в неведомую урусутскую лесную чащу. Распоряжался опытный в походах и набегах Тюляб-Бирген. Мусук соглашался со всем, что предлагал его новый старший друг, иногда восклицая:

— Очень хорошо! Будь всегда моим учителем в военных делах!

Предстояло сделать разведку, проникнуть в глубину еще непокоренных урусутских округов и разыскать главный лагерь князя Гюрга. Бату-хан в Кое и Бурундай в Бежецке ожидали известий от Тюляб-Биргена.

Леса кругом были густые, непролазные, дороги среди вековых елей были похожи одна на другую. Пойманные лесные охотники говорили малопонятно:

— Насы сыцкари зивут на сторонке. Знац мы не знаем, слысать не слысали, видец не видели!

В наказание за упрямство татары раздели пойманных охотников. Сицкари, голые, в одних лаптях, побежали в лес и, остановившись, издалека дразнили татар. Два татарских всадника, разозлившись, погнались через замерзшее озерко, чтобы их зарубить, но провалились под лед и, попав в трясинное окно, утонули вместе с конями. Голые сицкари, прыгая, как зайцы, скрылись в лесной чаще.

Тюляб-Бирген и Мусук понимали, что в урусутских лесах на каждом шагу стерегут их опасности, что нужно продвигаться с особой осторожностью. Они разделились. Тюляб-Бирген с отрядом остановился на пере-

крестке, а Мусук с десятком всадников отправился вперед на разведку.

Вьюга усиливалась. Метель непрерывно засыпала дорогу снегом. Впереди слышался лай собак. Мусук оставил коня спутникам, а сам осторожно пробирался вперед. Зачернела ограда, показались привязанные кони. По седлам и сбруе Мусук понял, что это застава урусутов.

«Вероятно, дальше находится их лагерь», подумал Мусук и, повернув обратно, помчался к Тюляб-Биргену.

Тюляб-Бирген сейчас же послал гонцов к Бурундаю и, укрывшись со своими нукерами в чаще, стал выжидать. К вечеру прибыл ответ. Бурундай приказывал ждать его и не испугать заставу, — он сам вскоре будет со своим отрядом.

Вскоре прибыли передовые сотни Бурундая. Они обошли кругом заставу, ворвались за ограду, перехватили коней и рубили всех выбегавших из землянок. В живых остались только два воина, взятых в плен. Они рвали на себе волосы и не отвечали на вопросы. Сказали только, что это сторожевая застава воеводы Дорожи.

Темник Бурундай прискакал к заставе, когда там уже не было ни одного живого урусута. Он послал гонцов к Бату-хану, извещая, что, судя по сильно утоптанной дороге, стоянка князя Гюрга должна быть поблизости от вырезанной заставы. Его отряд будет ожидать до утра, а на рассвете двинется дальше.

Ночью Мусук с тремя всадниками снова отправился на разведку. Он вскоре приблизился к поляне, которую пересекало глубокое русло замерзшей реки. На другом берегу протянулось селение с древней деревянной церковью. Там разъезжали всадники, ходили люди, виднелось много новых белых построек.

Мусук догадался, что перед ним боевой стан князя Гюрга, и стал выжидать, укрывшись между елями. Сумерки затянули туманной дымкой поляну. Вьюга стихла. Серебряный ободок полумесяца повис над верхушкой ели. Мусук решил во что бы то ни стало проехать через селение. Кое-где вдали лаяли собаки, несколько огоньков мерцало на другом берегу реки. Постепенно, один за другим, огоньки угасали.

Мусук ехал медленно, напряженно вглядываясь в темноту, стараясь сообразить, как расположены укрепления и засеки, откуда лучше повести нападение.

Вдруг из темноты послышался голос, и высокий человек быстро двинулся навстречу. Мусук повернул коня и поскакал обратно к отряду, боясь, что за ним уже мчится погоня. Но все было тихо в лесу.

Бурундай придвинул свой отряд еще ближе к открытому Мусуком селению. Всю ночь всадники провели, сидя на снегу возле коней. Среди ночи поднялся ветер и повалил густой снег. Завыла метель, заскрипели верхушки качавшихся елей. Под утро был передан приказ: «Дать коням по нескольку горстей зерна. Мы будем здесь биться так долго, пока новорожденный младенец станет стариком, но назад не повернем...»

3. Колдовской заговор

Снег валил трое суток не переставая. Ветер усиливался, гудел в вершинах вековых сосен, наносил вороха легкого снега и, точно передумав, снова сдувал нагроможденные сугробы, перебрасывал их, наметая в других местах новые пушистые холмы. Сплошное белое покрывало затянуло низкие прижавшиеся друг к другу шалаши и землянки боевого стана.

Все живое попряталось, спасаясь от разгулявшейся метелицы. Горе человеку в открытом поле! Ему грозит неминуемая гибель, если, выбившись из сил, пробиваясь через сугробы, он склонится к мягкой снежной постели и заснет.

Но одинокий человек, завернутый в звериные шкуры, стоял неподвижно на бугре, опираясь на длинную рогатину. Он громко нараспев обращался к пустому полю, где, точно белые тени, проносились густые вороха снега. Ему вторила метелица, а человек то громко завывал, то говорил шопотом:

— Иду я из ворот в Дикое поле, во просторные луга, в дольные места, ко дремучему лесу, ко ручью Студенцу, где стоит старый дуб мокрецкой, возле лежит горючий камень Алатырь. Под этим камнем живут седмерицей семь старцев, не скованных, не связанных... Отвалю я тот камень Алатырь, призову я тех старцев, поклонюсь им низенько. Отпирайте вы, старцы, свои же-

лезные сундуки, выпускайте белых муриев! Пусть полетят по небу те белые мурии, пусть нагонят они бури и метелицы, пусть засыплют снегом злые полки татарские, заморозят их лютой стужею! Зачем ты, татарин, пришел в наши земли? Вырву я тебя с корнем, заброшу за синюю даль, где ты засохнешь, как порошинка, завянешь, как былинка! Вспомнишь свое злодейство, да будет поздно... Замыкаю свои словеса замками железными, бросаю ключи под бел камень Алатырь. А и как у замков смычки крепки, так мои словеса метки. И ничем, ни воздухом, ни бурею, ни водою, заговор мой не отмыкается. Рать могуча, мое сердце ретиво. Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской. Чур, слову конец, моему делу венец. Заговор мой все превозмог!..

Точно покоряясь колдовскому заговору, буря закружила еще сильнее, налетели порывы ветра, стараясь свалить говорившего. В стороне послышался крик:

— Гей! Кто жив челове-аак? Погибаем!

Колдовавший ответил:

— Ходи сюда-а! Здесь дорога-а-а!

Из сизой мглы вынырнула тень, за ней другая, третья.

— Здоров буди! Где мы?

— Там, где тебе нужно. На татар идешь?

— Вестимо, на татар! Нас тринадцать ребят и семь девок.

— Целое войско! И мы здесь на татар рогатины навострили.

— Мы ищем ратный стан князя Юрия Всеволодовича Владимир-Суздальского.

— Счастливо мамка вас выходила! К нему вы и пришли и не завалились в лесных буераках. Идите за мной след в след, нога в ногу, а не то леший вас закрутит, ведьма замучит, и будете вы всю ночь плутать промеж двух сосен.

— Ого-го! Где вы, рязанцы, люди ратные, сторонники? Все сюда валите, да поживей, а то, гляди, стар человек уйдет от нас...

Дружный крик сильных низких голосов ответил:

— Идем, отец, все идем!

— Кто же все эти люди? — спросил старик

— Мои двенадцать сыновей и внуков да еще семь моих дочерей, сбежали от татарского плена. Тоже хотят воевать.

— Честь им и слава!

Все пошли гуськом, след в след, опираясь на рогатины: впереди старик, нагонявший на татар метель, за ним прибывшие рязанцы, завернутые в овчины, — все здоровые, широкие, коротконогие, с медвежьими ухватками.

Перейдя замерзшую реку, прибывшие увидели много землянок, в которых, спасаясь от метелей, запрятались русские ратники. Землянки растянулись длинной цепью, едва выделяясь из сугробов снега. Только вьющиеся дымки, проникавшие сквозь волоковые оконца и отверстия в крыше, говорили, что под снегом живут, что там тепло, в горшках кипит похлебка и гуторят кругом русские люди.

4. На Сицких болотах

Князю Васильку не спалось. Он переворачивался с боку на бок, поправлял лисью шубу, которой прикрывался. Он лежал на полу, на ворохе сена, с краю, близ двери. Возле него спали его дружинники, и храп несся со всех углов. Из двери дуло, в щели жалобно свистел ветер.

Князь думал: «Что делать в такой великой народной беде?» — и черные думы, одна тяжелее другой, отгоняли сон.

«Что здесь готовит дядюшка, князь Юрий? Не ждет ли он, пока татары сами уйдут? Тогда он, сильнейший князь Северной Руси, поставит здесь новый стольный город, такой же пышный, как его Владимир. Уже не раз говорил он, что следует соорудить и клети, и закрома, и водяные мельницы, запрудив в трех местах реку. «Народу-де ратного прибывает больно много, и не разумнее ли самим молоть зерно?..» А там, за лесами, пылают погосты, рыщут татары и рубят всех, кто только попадется в их жадные руки... Я долго жить здесь не буду. Если князь Юрий не начнет воевать, уйду с моими ростовскими ополченцами в леса близ больших дорог. Буду ловить татар и добираться до их злого змея, хана Батыги...»

Князь поднялся, ощупью в темноте нашел повешенные на горячей печи холщевые онучи, обернул ими ноги, сверху намотал шерстяные обвертки и подвязал кожаные лапти. Надел полушубок, туго затянул ремень с прицеп-

ленным мечом и толкнул дверь. В избе все продолжали крепко спать.

Молодой месяц едва светил с правой стороны на беззвездном небе. Ветер хлестал в лицо колючим снегом. Князь пошел вдоль лагеря. Скоро рассвет. На белом снегу резко выделяются бревенчатые новые избы, землянки, засеки. Тихо в боевом лагере. Все спит. Враг далеко. Кто забредет в жестокие морозы в такую трущобу! Ни оклика, ни стука, ни скрипа шагов. Князь присел на бревенчатой кладке, и тоска сжала его сердце.

«О русская земля! — думал князь.—Лежишь ты, прекрасная, родная, привольная, раскинувшись на снежных полях, в лесных чащах. Не огородилась ты горами высокими, реками широкими. Только лесные буераки да сила мужицкая — вся твоя защита. Эх! Кабы со всех погостов сбежались мужики! Кабы повел их в бой старый Илья Муромец! Отогнали бы мы всех коварных ворогов, как раньше отгоняли. А сейчас ворвался к нам он, змей злобный и немилостивый, пробрался в самую глубину русской земли, расколол ее на мелкие клочки и грызет, гложет и рвет...»

Впереди скользнула тень. Всадник... Князь застыл и вглядывается. Кому сейчас дело, кому забота бродить среди ночи по лагерю? Не князь ли Юрий? Нет! Конь высокий, стройный, половецкий. Всадник не русский. Как он попал сюда? Не татарин ли? Князь Василько опускает ладонь на рукоять меча и бросается вперед. Конь прыгает в сторону. Всадник мчится через поляну, к лесной просеке, и скрывается среди густых елей.

«Татарин! Лазутчик!..»

Василько хотел бежать к князю Юрию, но с другой стороны показался новый всадник.

«Опять враг? Нет, его не упущу...»

Всадник все ближе. Конь поджарый, стройный, идет спокойно. Всадник натянул повод.

— Кто едет?

— Гонец из Владимира. К великому князю Юрию Всеволодовичу.

— Попал куда надо. Давно ли ты из Владимира?

— Давно. Уже дней пятнадцать. Пришлось кружить. Татары грозят отовсюду. Раза три от них отбивался. Только добрый конь выручал.

— Что слыхать о Владимире?

— Я выехал — Владимир еще стоял. А в пути уже ходили слухи, что Владимир пал и сожжен, — небо три дня было красным от пожаров!

— Сейчас перед тобой здесь проехал всадник на добром коне. Я его окликнул, а он ускакал.

— Наш не ускакал бы! Это татарин... соглядатай! Татары близко — и охнуть не успеешь, как навалятся.

— Пойдем скорее к князю... Как звать тебя?

— Торопка, сын Савелия Дикороса, из Перунова бора.

5. В сторожевом дозоре

Князь Василько Ростовский после беседы с князем Юрием поручил Торопке отправиться в сторожевой дозор, на перекрестке дороги, ведущей от Сити к городу Мышкину.

— Твой конь, что ветер легкий, — сказал князь Василько. — Если покажется татарский разъезд, ты быстро прискачешь сюда, чтобы мы во-время поднялись.

В лощине под высоким яром среди наваленного грудами хвороста тихо потрескивал небольшой костер.

Дозорные огородились хворостом и лесинами, чтобы ночью татары не приметили огня. За яром стеной наступал густой вековой бор. Он тянулся далеко на север, как говорили охотники — до самого Студеного моря. Сквозь этот бор можно ходить только звериными тропами, зная приметы и заговоры. Эти тропы веками прокладывало зверье и лесные чудища, лешие и кикиморы. А если отступить вправо или влево от тропы, сразу провалишься в болото по плечи...

У костра лежали четыре молодца, — из тех, кому ни дождь, ни снег, ни буря-завируха, ни ведьмино заклятие — всё нипочем! Разостлав еловые ветви, из ветвей же сделали косой навес. Завернутые в обрывки овчины и звериные шкуры, они беспечно слушали завывание зимней вьюги. На углях жарили тонкие ломти конины. На сучьях рядом была растянута рыжая шкура коня.

Все четверо дозорных — молодцы-удальцы, узорочье рязанское — ускользнули из-под Рязани от татарских арканов и стали сами, своей четверкой воевать сторонниками в лесах, вылавливая отставших татар. Услыхав, что князь Юрий Всеволодович Владимир-Суздальский собирает где-то на верхней Волге войско, они прибежали к

нему на охотничьих лыжах. По его приказу, они были поставлены сторожевыми дозорными на этом яру, на глухой дороге.

Князь дал им доброго коня, чтобы в случае тревоги быстро сообщить лагерю. Только не выделил для коня корма: «Добывайте себе сами запас, как знаете!» А кругом ни стога, ни болотных камышей! Поэтому дозорные решили положиться на свои верные ноги и легкие прочные лыжи, а коня съели.

Дозорные рассказывали друг другу о подвигах богатырей, о чудесах кудесников и колдунов. В этот дозор попал Торопка и, косясь на рыжую шкуру коня, боялся, как бы и его гнедой не попал в такую же беду.

— Как-то, — рассказывал один, — идут по лесу мужики и видят: плетется маленький горбатый старичок и тащит в лес вязанку дров в десять раз его больше. «Зачем, стар человек, в лес дрова тащишь? Дров-то кругом сколько хошь!..» — «Значит, так нужно, я родную землю спасаю. Я на татар с поленьями воевать иду». — «Как же ты, чудной, воевать поленьями будешь?» И вдруг в этот миг налетели татары. Тут горбатый старичок рассердился, сбросил вязанку на землю и стал дровами кидать в татар. Бросит полено — воин встает, бросит второе — войско наступает. В трубы играют, в барабаны бьют, мечами машут. Набросились молодцы на татар и всех, как косой, скосили... Верные люди говорили, пришел тот горбатый старичок на Сить воевать с татарами.

— А еще пришел сюда один мужик, — рассказывал другой дозорный.—Борода у него длинная, а усы у него как у сома: он их за уши закручивает. Так он хвалился, что может бурю, и дождь, и вёдро, и ростепель заговорами призывать. Ему все мурии, и белые и черные, послушны. «Призову, говорит, муриев, они татар заморозят, снегом засыплют, — тут им и смерть придет». А русских людей крестьянских мурии не тронут, потому заклятия подходящие знают. А звать этого ведуна Барыба.

Долго оставаться в дозоре Торопке не пришлось: увидел он через просеку, что вела к реке Сить, вдали черный дым.

— А ведь это Боженки горят! — всполошились мужики. — Не привалила ли татарва?

Оставив ратников в дозоре, Торопка поспешил к боевому стану.

6. Страшная весть

В избе попа Вахрамея, склонившись над старым потемневшим дубовым столом, опустив голову на ладони, сидел князь Юрий. Он вцепился пальцами в полуседые вьющиеся волосы. Перед ним лежал пожелтевший лоскуток бумаги, видно в спешке вырванный из священной книги. Князь который уже раз перечитывал неровные строки, написанные большими буквами княгиней Агафьей.

«Сокол ты мой ясный, княже Юрий! Куда улетел ты от своей лапушки-лебедушки? Злые татаровья в огромном множестве обложили город со всех сторон. Смерть грозит и мне, и нашим детям, и всему люду. Одна надежда, что ты прилетишь и всех врагов раскидаешь. Молюсь спасу пречистому, чтобы дал он мне радость еще раз увидеть твои милые очи. А как богу будет угодно, так и сбудется. Приезжай!..»

Поп Вахрамей, прижимая к груди потемневший медный крест, старался утешить и ободрить князя. Тот его не слушал, вспоминал последний миг прощанья на крыльце, бледные дрожащие губы, быстро катившиеся по щекам слезы и горячие руки, обнимавшие его...

Послышались крики со двора:

— Где князь?

Князь Юрий очнулся, прислушался.

— Скорее скажите князю: татары близко!

Князь поднялся, опрокинув скамью, и бросился из избы. Дверь осталась открытой. Клубы холодного тумана ворвались в сени.

Поп Вахрамей дрожащими руками натянул просторную шубу; не найдя пояса, туго подпоясался валявшейся веревкой для дров, взял в руки большой медный крест и сказал растерявшейся попадье:

— Да хранит тя господь, матушка Олимпиадушка! Мое место теперь там, с воинством. Видно, сейчас будет смертный бой...

Семеня слабыми старческими ногами, он скрылся в синих сумерках.

Князь Юрий прибежал в свою новую избу.

— Аргун! Проворней! Кольчугу, красные сапоги! Да поскорее, Аргун! Седлать гнедого!

Князь метался, срывая с деревянных гвоздей оружие.

Старый слуга помогал надеть поверх полушубка кольчугу. Дружинники вбегали, слушали приказы князя и спешили обратно. Со двора доносились крики.

Дружинник втолкнул в избу посиневших от холода двух голых мужиков. Те упирались.

— Взгляни, великий князь! Вот удалые сицкари. Татары их раздели, а они ускользнули, как ужи.

— Честь им и слава! — сказал князь Юрий. — Аргун, выдай им шубы и чоботы!

Дружинник торопился досказать:

— Сицкари следили за татарами. Видели, как отчаянно бился воевода Дорожа, пока не упал. Татары близко, поди сейчас тут будут.

Князь Юрий вышел из избы. Дружинники туже подтягивали подпругу высокого гнедого коня. Князь поднялся в седло, правой рукой в перстатой рукавице[1] натянул повод. Вдел на левую руку ремень небольшого круглого щита. Золоченый шлем глубже надвинул на брови.

— Эй, соколики, готовы ли?

Дружинники сбегались со всех сторон, ведя в поводу коней. В разных концах боевого стана звонко пели боевые рожки, выли трубы и трещали маленькие барабаны.

7. Битва

Пишет Хаджи-Рахим:

«...О вечное небо, ты все еще заставляешь меня быть очевидцем потрясающего ужаса, переживать бессильное, бесполезное сострадание!

Я видел ужасную битву, в свирепый мороз, на льду замерзших болот. Я видел, как десятки тысяч полных зверской ярости татар напали на несколько тысяч урусутских крестьян, из которых ни один не сдался в плен, а все резались мечами и ножами и рубились топорами с отчаянной отвагой, как отбиваются и грызутся до последнего вздоха волки, окруженные охотниками... Я все это видел и не умер, и все еще живу...»

Темник Бурундай приказал всему отряду быть наготове, чтобы выступить по первому призыву боевых рож-

---

[1] Перстатые рукавицы — древнее название перчаток.

ков. Предстоял опасный набег на боевой стан урусутов, готовых к схватке и защите. Всадники не отходили от своих коней и, привязав повод к поясу, лежали всю ночь в снегу, свернувшись у передних копыт своего коня, как кошки. Под утро, когда задребезжали призывы рожков, кони заиндевели и казались серебряными.

Огромный конный отряд двинулся тропотой, переходя, где было возможно, в скачку. И тогда казалось, что земля стонет и трещит под копытами многих тысяч коней.

Впереди тянулась извилистая замерзшая река.

Монголы, засучив правый рукав, вытащили из ножен мечи и положили на правое плечо. Всадники вынеслись на широкую снежную поляну с диким ревом.

— Кху-кху монголы! Уррагх, уррагх!

Справа тянулся невысокий, но густой болотистый лес. Отдельно выступал холм с десятком засыпанных снегом сосен. Слева, по другую сторону реки, у самого берега рассыпалось русское селение с множеством старых серых изб и старой церковью с высокой колокольней. Там же на берегу выстроились новые белые избы.

Оба берега были загорожены засеками из наваленных бревен, елок, пней с длинными корнями и валежника, чтобы коням было невозможно перебраться через них.

Русские выбегали из домов, одевались на ходу и спешили к новой белой избе, над которой развевалось золотое княжеское знамя. Только после появления передовых монголов запели боевые рожки, завыли трубы и затрещали барабаны.

Вскоре возле церкви показался великий князь Юрий, красивый, сильный, с большой черной бородой, в серебряной кольчуге и золотом сверкающем шлеме. Он ехал на высоком гордом коне. За ним неотступно следовали три всадника. Средний держал знамя, расшитое золотом.

Монголы помнили твердый приказ джихангира: не останавливаться ни перед какими препятствиями. Один отряд бросился влево, спустился на лед реки, поднялся на другой берег и двинулся дальше на избы. Другой отряд помчался вправо, вдоль всех засек, обогнул их, тоже спустился вниз к реке и схватился на льду с русскими воинами.

Русские сбегали с другого берега навстречу монголам. Главная схватка разгоралась на льду. Лед не вы-

держал тяжести, и воины стали проваливаться. Даже в воде они продолжали драться.

Князь Юрий со своей дружиной в несколько сот человек быстро спустился вниз на реку и поднялся на правый берег. Дружинники бросились навстречу монголам. Они искусно владели длинными и тяжелыми мечами, и не раз от удара их меча разлеталась в куски татарская сабля.

Если бы князь Юрий с дружинниками пробивался сквозь татарские ряды, держась тесно, плечо к плечу, они могли бы проложить себе путь в лес. Но дружинники бились врассыпную, бросаясь то вправо, то влево и отдаляясь друг от друга. Постепенно они рассеялись в огромной татарской массе. Золотое знамя русского князя долго реяло впереди, стремительно передвигалось вместе с бросавшимися в схватку воинами, потом стало колебаться и наконец упало. Рядом упал пронзенный стрелами и копьями великий князь Владимир-Суздальский.

Темник Бурундай находился на высоком холме, заросшем соснами. Длинный, худой, с желтым неподвижным лицом, верхом на спокойном чалом коне, начальник татар, казалось, равнодушно наблюдал, как схватывались, резались, метались из стороны в сторону всадники и пешие воины.

Заметив, что золотое знамя князя заколебалось и упало, Бурундай дико закричал:

— Вперед за мной!

Он бросился со своей охранной сотней вниз с холма. Его нукеры пробились к тому месту, где упал князь Юрий, надеясь захватить его еще живым в плен. Но здесь было навалено столько раненых и убитых, что отыскать сразу тело князя было не легко. Наконец его нашли и узнали по серебряной кольчуге и красным сапогам.

Князь Юрий был уже мертв.

Бурундай остановил коня, сошел в залитый кровью снег и сам маленьким острым ножом, не торопясь, отрезал голову князя Юрия. Он продел тонкий сыромятный ремень сквозь уши и крепко привязал голову к хвосту своего чалого. Бурундай вытер запачканные кровью пальцы о полу шубы и, садясь в седло, сказал:

— Теперь Бату-хан не может более меня укорять, что я и мои нукеры не стараемся возвеличить монгольское имя: голова урусутского князя на хвосте моего коня!

— Но не на хвосте коня Бату-хана! — заметил один старый нукер. — Остерегайся! Джихангир тебе этого не простит!

Торопка приблизился к боевому стану как раз в разгар отчаянного боя. Татары носились по полянам и по обоим берегам реки, кричали, рубили кривыми клинками. Русские отбивались рогатинами и топорами и сами нападали.

Торопка заметил князя Василька. Он был крайним левым в первом ряду полка ростовских ратников. Они быстро приближались несокрушимым валом, с топорами и мечами в руках.

На них помчались татары, пытаясь сбить их натиском коней. Ростовцы, тесно прижавшись друг к другу, прорубались в татарской массе и направлялись вперед к лесу.

Торопка заметил, что силы равны. Русские ратники оправились от первого натиска татар и сами их теснили. Татары отлетали, быстро поворачивали коней и снова нападали. Впереди мужественно бился князь Василько. Торопка поспешил к нему.

Русские уже стали одолевать, но из просеки показались новые отряды конных татар. Они вылетали из лесу беспрерывным потоком. Это были тумены «бешеных» Субудай-Багатура и «синих непобедимых» Батыя. Метнув черные арканы, они захватили князя Василька. Он пытался отбиться мечом. Аркан обвил его шею и свалил с ног. Татары, торжествуя, поволокли его по снегу [1].

Торопка бросился на помощь князю Васильку. Сильный удар налетевшего коня сбросил его на землю. Он

---

[1] Летописи говорят, что князь Василько Ростовский был приведен татарами в их лагерь, где они его угощали, хвалили за его мужество и уговаривали поступить в войско Батыя. Василько отказался от какой-либо еды вместе с врагами и заявил, что служить у Батыя не будет. Тогда ханы приказали за дерзкие, неуважительные речи подвергнуть князя Василька мучительной казни. Василько мужественно, без стона перенес все страдания и смело встретил смерть.

поднялся, пробежал еще несколько шагов, скользя в крови и прыгая через трупы. Новый удар по голове окончательно сбил Торопку. Он свалился между убитыми татарами и русскими и несколько мгновений слышал еще крики. Затем на него рухнул убитый конь. Шум битвы затих... Торопка потерял сознание.

8. Роковой день

1238. Юрий II (великий князь Суздальский или Владимирский)... при реке Сити был разбит, пал на поле битвы вместе со знатнейшими людьми. Судьба России была решена на 2½ столетия.

К. Маркс, Хронологические выписки

Бату-хан примчался к месту битвы впереди тумена «синих непобедимых». Напрасно его уговаривал Субудай-Багатур:

— Вспомни своего мудрого деда. Он никогда не скакал впереди войска в поисках славы храбреца. Он всегда ехал позади своих железных непобедимых туменов, искусно ими управлял и посылал подмогу туда, где надо было нанести решительный удар. Вспомни участь молодого неразумного дяди твоего, беспечного хана Кюлькана. Он захотел отличиться удалью, поскакал впереди своего войска и получил стрелу в горло...

Бату-хан недовольно ответил:

— Я не хочу, чтобы темник Бурундай вырвал у меня великую победу.

«Непобедимые» Батыя примчались к берегам Сити, когда силы начали колебаться. Русские дружинники бились упорно. Бурундай не мог собрать своих рассеявшихся всадников, чтобы мощным ударом сломить противников.

Два новых тумена решили исход великой битвы. Русские стали отступать, скатываться с крутых берегов реки, отходить в лес. У них не оставалось сил, чтобы противостоять свежим татарским отрядам. Пало золотое знамя, был убит князь Юрий, и захвачен в плен смелый и опытный князь Василько. Русские, усталые, измученные, бились каждый, как мог. Но храбрость воинов и беззаветная их жертва оказались бесполезными..

Батый поднялся на холм и наблюдал оттуда за хо-

дом отчаянной схватки. Татарские воины проносились с криками, набрасываясь на дружинников, бешено рубились. Звон мечей и треск ломающихся копий, вскрикивания и стоны тяжело раненных сливались в страшный гул.

Темник Бурундай, сойдя с коня, медленно поднялся на холм. Приблизившись к коню Бату-хана, мрачный, угрюмый Бурундай припал на одно колено и поцеловал копыто. Повернувшись, Бурундай взял из рук нукера, следовавшего за ним, небольшой стальной щит с золотым узором, на котором лежала голова великого князя Владимир-Суздальского, и поднял щит над головой.

Бату-хан смотрел вдаль, словно не замечая Бурундая.

— Почему горит дом урусутского бога? — недовольно спросил Бату-хан. — Я приказал щадить и оберегать урусутских шаманов, чтобы они не колдовали против нас, а молились за великого кагана монголов.

Бурундай молча продолжал стоять на одном колене, держа над головой щит. Бату-хан перевел взгляд на голову князя. Лицо, залитое темной кровью, с черной бородой и вьющимися полуседыми волосами, казалось спящим. Бату-хан резко наклонился и потрогал уши отрезанной головы.

— Уши продраны!.. Ты мне подносишь подарок, который сам уже таскал на хвосте коня? Ты хочешь посмеяться надо мной?.. Уходи!

Бату-хан ударил рукой по щиту, голова упала, покатилась по откосу холма и застряла в снегу. Бурундай, худой и долговязый, согнувшись вдвое, с желтым злобным лицом, мелкими почтительными шажками отошел в сторону.

Свита Батыя с любопытством следила: что дальше сделает джихангир, как он проявит свой гнев? А Бату-хан с каменным, застывшим лицом продолжал спокойно наблюдать за окончанием боя.

Монголы добивали последних ратников, которые продолжали отчаянно сопротивляться, будучи окружены со всех сторон. Битва кончилась.

Бату-хан проехал вдоль русских укреплений, заваленных трупами воинов и коней, переправился на другую сторону реки, к селению Боженки, и остановился возле пожарища на месте сгоревшей церкви, желая здесь от-

дохнуть. Нукеры разыскали в доме убитого попа мороженого барана и, проткнув его деревянным вертелом, сжарили целиком над углями.

Субудай-Багатур сидел возле Бату-хана на конской попоне, указывал на небо и бормотал:

— Урусутские шаманы все-таки очень сильны и нам вредят. Пора нам выбраться из этих лесных трущоб.

— Прежде я возьму Новгород! — ответил Бату-хан.

К утру следующего дня подул ветер, разогнал серые тучи. На ясном небе показалось солнце. Теплые золотистые лучи скользили по снежным полянам, всюду заструились ручейки воды, снег делался рыхлым. Татарские кони стали проваливаться по колено.

Несколько черных грачей опустились на засыпанные снегом трупы. Татары снимали малахаи, почесывали бритые затылки и нюхали воздух:

— Теплый ветер повеял из монгольских степей... Смотри, черная птица прилетела, на хвосте весну принесла.

Зазвенели частые удары в медные гонги, призывая к сбору. Татары, ругаясь, что их лишают добычи, прекращали грабеж, поворачивали коней и вскачь направлялись к дымящемуся пожарищу на месте бывшего селения, туда, где около уцелевшей белой избы подымался на шесте блистающий медью и золотом бунчук джихангира.

Сотники поспешно собирали отряды:

— Идем на богатый Новгород! Скорее прочь отсюда! Болота начинают таять, кони будут проваливаться. Скорее — или мы все тут погибнем!

Татары быстро становились привычным строем по десяткам и сотням. Некоторые на арканах тащили за собой захваченных русских коней.

Вскоре бунчук джихангира заколебался и поплыл впереди охранной сотни. Бату-хан ехал на вороном коне, суженными глазами всматриваясь вперед, в просеку векового бора. За ним следовал старый Субудай-Багатур, и приближенные ханы, и темники. Сзади потянулись вереницы татарских воинов.

9. После битвы

Горячий шершавый язык лизал лицо... Тихое повизгивание и настойчивый короткий лай... Кто это? Тороп-

ка медленно приходил в себя. Первая мысль испугала его: «Собака-людоед! Она слизывает кровь, а затем начнет грызть лицо!»

С трудом Торопка вытащил придавленную руку и схватил собаку за горло. На шее обрывок веревки: пес перегрыз веревку и прибежал искать себе нового хозяина.

Торопка силился подняться, но тяжелая туша отдавила ноги — это привалился убитый конь. Левая рука тоже чем-то надавлена. Может, это судьбина?..[1] Он лежит среди покойников, и пришел его черед. Испить бы! Торопка вытягивает зажатую руку и достает горсть мокрого снега. У снега вкус крови.

Где он? Вспоминаются последние мгновения: скачущие татары, удар по голове, падение... Это поле битвы... Почему такая тишина? Наверху темное небо и серебряный тонкий полумесяц. Тусклый, слабый свет едва озаряет снежную равнину; невдалеке притихший лес и высокие старые ели.

Стон... Отчетливый человеческий стон. Откуда?.. Точно русская земля плачет над своими сынами, павшими на этом кровавом поле.

Где же татары? Они никогда не оставляют раненых, а добивают их...

Торопке хочется крикнуть, позвать на помощь, да боится — услышат вороги...

Долго бьется Торопка, наконец выбирается из-под навалившейся на него туши и, измученный, садится на боку павшего коня. «Что же делать? Куда девались татары? Где наши? В какую сторону ушли? Теперь главное — пойти в лес, где стоит привязанный голодный конь. Его надо вывести и лесными тропами пробраться домой назад, в Перунов бор. Где отец? Погиб, наверное? Не разыщешь его!»

Торопка встает. С трудом шагая через лежащие тела, пробирается вперед. Ноги, отдавленные тяжелым конем, еще плохо слушаются, но Торопка все же заставляет себя итти.

Он склоняется над неподвижными, уже запорошенными снегом телами... Видит молодое, красивое, бледное, как воск, лицо. Это мальчик... Нет... Глаза, се-

---

[1] Судьбина — смерть.

рые, с длинными ресницами, спокойно смотрят в небо. На застывших мертвых глазах искрятся белые снежинки. На щеках мелкие веснушки, красивый рот полуоткрыт, точно шепчет ласковые слова.

— Какое знакомое лицо! Да это Вешнянка!.. Как ты сюда попала? И тебя сразила кривая сабля татарина!

Торопка опустился на колени около неподвижного тела... Вот лежат еще девушки в мужской одежде. И они бились с татарами за родину!

Осторожно наклонился Торопка и коснулся губами мертвого лица. Вешнянка!.. Вспомнилась ее ласковая улыбка и грустные речи при прощании.

— Вешнянка! — шептал Торопка. — Скажи хоть одно слово, последнее, прощальное! Ты обещала дождаться меня! И вот дождалась встречи на этом мертвом поле!..

Он еще раз коснулся ледяных губ, потрогал руки, холодные и жесткие. «Бедняжка!..» Затих и задумался...

Вдруг заунывные звуки песни пронеслись в тихом морозном воздухе, звуки скорбной песни, которую он не раз слышал дома, в Перуновом бору, на кургане, где теснились родные могилки.

Пел женский голос, тонкий и высокий, к нему пристал второй голос, низкий и грудной. Потом оба голоса слились вместе, и к ним присоединились другие голоса.

Тонкий голос жалобно пел:

Укатилось красное солнышко
За горы оно да за высокии,
За лесушки оно да за дремучии,
За облачки оно да за ходячии,
За часты звезды да подвосточныи...

Покидат меня, победную[1] головушку,
Со стадушком оно да со детиною[2],
Оставлят меня, горюшу горе-горькую,
На веки-то меня да вековечные!..

Второй, низкий голос продолжал:

Подходила скорая смерётушка,
Она крадчи[3] шла, злодейка-душегубица,
По крылечку ли шла она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль каликой она шла да перехожею.

---

[1] Победный — бедный, жалкий.
[2] Детина — собирательно, вместо «дети».
[3] Крадчи — крадучись.

Потихоньку она да подходила
И черным вороном в окошко залетела;
Скрытно садилась на крутоскладно изголовьице
И впотай[1] ведь взяла душу со белых грудей.

Пошатываясь от слабости, Торопка подошел к певшим женщинам. Они сидели полукругом, а в середине на снегу лежали трупы ратников. Большинство сидевших женщин были одеты по-мужски. Возле них на снегу лежали топоры и рогатины. Женщины замолчали. С удивлением и любопытством смотрели они на подходившего Торопку.

— Здравы будете! Можно ли здесь положить еще одну девушку?

— Иди, иди к нам. Ты откуда?

— Из-под Рязани...

— Поболезнуем и поплачем о ней. Вместе с нашими семеюшками[2] похороним, как уж сможем, без домовины.

Две женщины встали, пошли за Торопкой. Они помогли перенести Вешнянку, положили ее рядом со своими покойниками. Торопка сидел на снегу и слушал, а женщины продолжали петь то вместе, то по очереди:

Ты расти, моя тоска, травой незнаемой,
Процветай да всяким разныма цветочками.
Мимо людушки бы шли да любовалися,
Шли бы старые старушки — порасплакались,
Стогодовы старики да поужахнулись...

10. Остановка близ Игнач-креста

Переменившийся ветер повеял теплом. Ночью и все утро не переставая шел сильный дождь. Глубокие снега стали быстро таять. Монгольское войско упорно продвигалось в сторону богатого Новгорода. Но к полудню итти уже стало невозможно. Кони часто проваливались по брюхо в рыхлый снег.

Наступившая внезапно ростепель обращала дороги в бурные потоки. Кони падали. Всадники, подымая их, выбивались из сил. Проводники из пленных урусутов говорили, что дальше дорога будет еще хуже, что на пятьдесят дней езда по дорогам прекратится, пока поднявшаяся в реках вода не утечет в море.

[1] Впотай — тогда, в то время.
[2] Семеюшка — муж.

W.B.

Бату-хан был в ярости. Он собственноручно зарубил одного проводника, который громко смеялся, широко раскрывая рот, при виде тонущих в болоте воинов.

Джихангир говорил:

— Для смелого и упорного нет преграды. Проводники нарочно завели нас в эти болота, чтобы погубить, но мы будем сильнее и хитрее их. Мы доберемся до Новгорода, где войско обогатится и насытится вдоволь.

Воины стали наконец громко роптать. На одном перекрестке, где стоял высокий деревянный крест, войско приостановилось. Всадники сходили с коней, чтобы дать им передышку. Субудай-Багатур посоветовал призвать шаманку Керинкей-Задан.

Она подъехала на небольшой черной лошади, обросшей за время морозов длинной лохматой шерстью. Увидев Бату-хана, шаманка спрыгнула в снег и стала бить в бубен, плясать и выкрикивать слова молитвы.

— Скажи мне, мудрая Керинкей-Задан, — спросил Бату-хан, — итти ли мне вперед? Спроси у небожителей!

Керинкей-Задан с куском медвежьей шкуры на плечах и в колпаке с нашитыми птичьими головами, приплясывая, забегала по снегу и вдруг бросилась к одинокой сосне посреди поляны.

Шаманка ловко вскарабкалась на верхушку сосны и стала приговаривать:

— Боги, скажите, где удача, где гибель Бату-хана?

Приговаривая так, шаманка раскачивала сосну. Монголы закричали:

— Берегись! Слезай скорее!

Сосна все сильнее накренялась и вдруг повалилась. Шаманка упала в снег, пробила лед и погрузилась в мутную воду. Открылось черное трясинное окно. Шаманка барахталась, засасываемая черной вязкой топью.

— Арканы! Бросайте арканы! — кричал Субудай-Багатур.

Он отстегнул аркан, ловко бросил его левой рукой. Конец не достал до шаманки. Субудай стал снова наматывать аркан и направил коня ближе к гибнувшей Керинкей-Задан. Саврасый осторожно шагал, погружаясь в снег по колено. Субудай снова бросил аркан, и конец его хлестнул по голове тонувшей шаманки. Она ухватилась за аркан рукой, но продолжала тонуть в черной грязи. Конь Субудая сделал еще шаг и вдруг провалил-

ся по грудь. Субудай пытался соскочить с коня и откинулся назад; лед трещал, конь быстро опускался, бился, ударял ногами и вязнул еще больше.

Монголы вопили:

— Непобедимый тонет! Скорей на помощь!

Несколько монголов с разных сторон с опаской подползли к тому месту, где бился старый полководец. Черные арканы мелькнули в воздухе и захлестнули поднятую руку Субудая, два аркана упали на его шею. Монголы напрягались изо всех сил, вытягивая своего начальника. Арканы натянулись. Субудай кричал:

— Спасите коня! Спасите моего саврасого!

Монголы выволокли Субудая на дорогу. Его конь провалился по шею, голова с бешено ворочавшимися, полными ужаса глазами, фыркая, еще несколько мгновений подымалась над болотом. Саврасый издал отчаянный, точно человеческий крик. Наконец голова исчезла. Никаких следов не осталось от двух жертв жадного болота. Только круглый бубен белел на поверхности черного окна, где скрылась шаманка.

Монголы с трудом удерживали вымазанного грязью Субудая. Он порывался назад к коню:

— Саврасый! Ты всегда меня выручал из беды! Ты всегда был моим мудрым советником! Как я тебя оставлю, саврасый! Проклятая урусутская земля!

Старые монголы, сойдя с коней, обступили тесным кольцом Субудай-Багатура, навалившись, пригнули его к земле и убеждали:

— Сиди здесь и больше туда не смотри. Здесь проклятое место! Здесь урусутские черные мангусы искали кровавой жертвы. Они проглотили смелую Керинкей-Задан, они сгубили твоего коня. Мы должны остановиться здесь и повернуть назад. Видишь этот большой деревянный крест? Урусуты ставят их на могилах своих шаманов. Здесь уже погибло немало путников. Скажи джихангиру, что не хотим мы богатств Новгорода. Повернем назад. Наши кони преданно послужат тебе. Выбирай любого!

Субудай-Багатур тряхнул плечами, отбросил монголов и встал. Не оглядываясь на болото, он подошел к коням, сел на ближайшего и подъехал к Бату-хану. Тот стоял, держа в поводу своего коня, и кормил его коркой черного хлеба.

Субудай-Багатур сошел с коня и сел на корточки у ног Бату-хана. Тысячники окружили их тесной толпой. Все молчали, жадно прислушиваясь, что говорят начальники. Бату-хан сказал:

— До сих пор ничто не могло удержать меня. Я с моим войском прошел пустыню, переплыл Итиль и другие реки. Теперь урусутские злые мангусы грозят погубить всех моих воинов, когда реки разольются и обратят дороги в озера. Я поворачиваю назад. Мы идем в кипчакские степи!

— Назад, в наши степи! — закричали монголы.

Радостный клич пронесся по всему войску, растянувшемуся вдоль черной разрытой дороги.

11. Затушить костер неповиновения!

Татарское войско несколькими потоками двинулось в кипчакские дикие степи. По пути татары захватывали и уничтожали города, грабили и сжигали села, убивали жителей. Так были разрушены Торжок, Тверь, Волочок, Дмитров и другие города. Не рассчитывая селиться здесь, татары ничего не щадили, ничего не жалели. Пусть помнят татарскую силу!

Кормов не было. Татарские кони исхудали и дохли. Им приходилось передвигаться по размытым, вязким, топким дорогам. Встречные реки раздулись после обильной снежной зимы. Когда бродов нельзя было найти, татарам приходилось перебираться вплавь. Ослабевшие кони тонули, не справляясь с быстрым многоводным течением.

Для огромной татарской орды нехватало ни сена, ни зерна. Голодные, отощавшие, с выпиравшими ребрами, кони с трудом тащили сани.

Приходилось бросать огромные обозы награбленного добра. По дорогам валялись покинутые сани, нагруженные шубами, засохшими окровавленными одеждами, мешками, полными всякой всячины. Все оказалось брошенным, когда дружная весна разразилась небывало многоводной ростепелью.

Часть татарских войск задержалась возле крепости Козельск, сторожевого поста русских на степной границе.

Татарскими войсками у Козельска начальствовал Гуюк-хан. Осада Козельска затянулась. Жители отчаян-

но дрались, делали ночные вылазки, убивали отдыхавших татар и смело отражали все попытки их взобраться на крепостные стены.

Гуюк видел, что татарские отряды проходили мимо, отправляясь в кипчакские степи. Его воины тяготились трудной осадой, стремясь поскорее уйти из русских болот в приволье Дикого поля. Гуюк решил снять осаду. Об этом узнал Батый и сейчас же примчался. Он обложил город тесным кольцом своих воинов. Тумен Субудай-Багатура загородил отступление отряду Гуюка и погнал его обратно к стенам Козельска.

Защитники города упорно бились с врагами. Татары сорок девять дней стояли под Козельском и ничего не могли поделать с упрямыми урусутами. Никакими уговорами, обещаниями или угрозами не могли они поколебать стойкости жителей. Наконец под ударами стенобитных машин пали стены Козельска. Горожане пошли в ножи. Они дрались с бешенством отчаяния. Четыре тысячи татар пали в один день. Рядом с ними полегли защитники Козельска. Бату-хан приказал вырезать всех без жалости, не оставив ни женщин, ни младенцев.

— Могу болгусун! [1] — сказал он. — Надо стереть этот злой город с лица земли! Если я оставлю без наказания этих дерзких разбойников, то здесь будет тлеть постоянный костер неповиновения и тайных заговоров. Тогда и булгары, и мордва, и Рязань, и Ульдемир, и прочие сто городов — все начнут точить ножи, чтобы ударить меня в спину, когда я поведу войска дальше на запад. Пусть знают злобные урусуты, что ни один город не останется без наказания за сопротивление священной моей власти, утвержденной Чингиз-ханом. Если урусуты хотят дышать и жить, они должны мне почтительно покориться!..

На месте шумного, оживленного города Козельска остались груды золы и каменных обломков.

После Козельска, не задерживаясь более ни на один день, Бату-хан повел войско в кипчакские степи.

Позади оставалась разгромленная русская земля.

Бату-хан сказал:

— Страна урусутов никогда не залечит своих ран! Никогда не возродится! Такова моя воля!

---

[1] Злой город (по-монгольски).

12. Опять степи!

Пишет Хаджи-Рахим: «Лучшее благо — немедленное! Высшее счастье человека — иметь юрту близ светлого ручья на своей родине! А кто без конца скитается по чужим странам, тот погибает без снисхождения...»

Монгольское войско непрерывным широко разлившимся потоком продвигалось на юг, через кипчакские степи. Солнце, ослепительное и горячее, раскрыло свои бирюзовые дверцы и смотрело с небес на широкую равнину, по которой ехали всадники, довольные и веселые, распевая песни, бесконечные и однообразные, как степные дороги. Истощенные кони, взлохмаченные, с выступившими ребрами, шли усталым шагом и жадно тянулись к пробивавшейся свежей траве.

В степной долине, окруженной старыми курганами, был поставлен золотисто-желтый шатер джихангира.

Около входа в шатер стоял, почтительно преклонив колено, большой тучный Ли Тун-по, великий строитель стенобитных и камнеметных орудий. Китаец был в просторной шелковой одежде, расшитой золотыми драконами, в маленькой синей шапочке с длинным павлиньим пером. Рядом стоял нарядный нукер Мусук-Тайши[1]. Объявленный братом седьмой звезды, он блистал алмазами и на пестром индийском тюрбане, и на золотом поясе, и на кривой дамасской сабле — всё милостивые подарки Бату-хана.

Джихангир во главе сотни нукеров подъехал к шатру. Он легко спрыгнул с коня и бросил беглый взгляд на стоявших у входа. Лицо его оставалось невозмутимым.

— Я вызвал тебя, великий строитель Ли Тун-по. Исполни мое желание. Под охраной этого храброго воина ты поедешь на реку Итиль, к тому месту, где переправилось мое войско. Там находится заколдованная гора Урака. Ты проедешь вниз по реке и осмотришь ее берега. Выбери место, где наиболее достойно построить мой походный дворец.

— Слушаю и повинуюсь! — отвечал Ли Тун-по.

— Там, на границе запада и востока, на скрещении великих путей народов, мой дворец будет сердцем и го-

---

[1] Мусук как брат молодой жены джихангира получил звание тайши — царевича.

ловой вселенной. Мои приказы, как быстрые стрелы, полетят во все страны. Я буду сажать своих баскаков в городах покоренных народов. Моей воле подчинятся все земли севера и запада... К моим словам будет прислушиваться сам великий каган в далеком Каракоруме... Я выполню порученный мне план «священного правителя»: я закончу начатое им покорение вселенной.

— Так будет! — сказал подошедший Субудай-Багатур. — С крыши золотого дворца на Итиле ты набросишь аркан на шею вселенной и затянешь его могучей рукой!

Бату-хан остановил холодный взгляд на загорелом мрачном лице Мусука.

— Я назначаю тебя начальником сотни, которая должна охранять строителя Ли Тун-по. Когда он выберет место для постройки дворца и возведет первую сторожевую башню, отправь ко мне гонца. Я тогда сам приеду.

— Понимаю и повинуюсь! — сказал Мусук, опустив глаза.

— Выезжайте немедленно! Сегодня! — добавил Бату-хан и вошел в шатер. За ним последовало несколько приближенных темников.

Юлдуз-хатун, в шафранной одежде, расшитой золотыми цветами, встретила Бату-хана с почтительной покорностью. Она опустилась на колени, пала ниц и поцеловала шагреневый красный сапог Бату-хана. Китаянка И Ла-хэ подняла шатавшуюся от слабости Юлдуз и помогла ей дойти обратно до замшевых подушек.

Бату-хан опустился возле Юлдуз на ковер. Вошедший баурши подал ему серебряный поднос, прикрытый зеленым шелковым платком. Бату-хан высыпал на ковер драгоценности, отобранные в русских городах: серьги, ожерелья, браслеты, жемчужные головные повязки. Китаянка поочередно брала в руки каждую вещь и показывала своей госпоже. Юлдуз смотрела равнодушно и говорила:

— Благодарю тебя, великий джихангир. Все очень красиво. Я недостойна твоей милости!..

Лицо Юлдуз, набеленное, с длинными нарисованными до висков темносиними бровями, оставалось грустным и потухшим. Она оживилась, только увидав небольшое

серебряное зеркальце. Она взяла его и внимательно посмотрела в блестящую полированную поверхность.

— Вот какой я стала теперь! Раньше, когда я целые дни ходила с ягнятами в степи, у меня был золотистый загар...

— Ты больна? — спросил ласково Бату-хан. — Чем я могу развлечь тебя? Скажи! Я все для тебя сделаю!

— У меня лишь одна просьба. Для тебя она ничтожна... В твоем отряде едет старик. Из-за его неприятного лица я часто слабею. Прикажи, чтобы он уехал обратно на свою родину. Тогда моя душа станет спокойной.

— Если у этого старика черный глаз и он на тебя призывает болезни, я прикажу его утопить в ближайшей луже. Как имя этого старика? Где найти его?

— Нет, нет! Не делай ему зла. Будь великим, будь щедрым! Подари ему четырех коней, покрытых коврами, но прикажи, чтобы он немедля уезжал с ними на родину в Сыгнак. Зовут его Назар-Кяризек. Он сопровождает непобедимого Субудай-Багатура и заботится о его походном петухе.

— Субудай-Багатур, сделай это! — сказал Бату-хан.

— Внимание и повиновение! — ответил Субудай-Багатур. — Желание Юлдуз-хатун для меня закон!

13. Цена предательства

В шатер, где отдыхал джихангир, вошел князь Глеб. Он остановился у двери и окинул всех пытливым взглядом. Бату-хан казался довольным; Субудай-Багатур мрачнее суровым, чем всегда. Князь Глеб согнулся, подполз к Бату-хану, поцеловал перед ним землю. Бату-хан смотрел в сторону. Князь Глеб ждал на коленях.

Наконец Бату-хан взглянул на него:

— Что ты хочешь, коназ Галиб?

— Ты великий! Ты щедрый! Помоги своему верному рабу...

— Что тебе нужно? — повторил Бату-хан нахмурившись.

— Ослепительный! Я преданно служил тебе во время твоего великого похода. Теперь непобедимое твое войско возвращается в степи...

Князь Глеб замолчал, стараясь заглянуть в неподвижное лицо джихангира.

— Так о чем же ты просишь?

— Прикажи мне снова служить тебе!

Бату-хан молчал. Князь Глеб продолжал смелее:

— В цветущих твоих степях я тебе не нужен. Но на русской земле я буду тебе очень полезен... Будь милостив! Назначь меня в Рязань твоим баскаком[1]. Вспомни мою преданную службу...

Князь Глеб, ожидая поддержки, взглянул на Субудай-Багатура. Тот сидел равнодушно, смотря в землю немигающим глазом.

Бату-хан заговорил:

— Кто предает свою родину, тот человек неверный. Он изменит и господину.

— Я был верен тебе! — в отчаянии воскликнул князь Глеб. — Я оказал тебе важные услуги. Я узнал, где находился лагерь великого князя Юрия Суздальского...

— Так...

— Вспомни, я сам, добровольно пришел к тебе!

— А куда тебе было итти? Урусуты прогнали тебя, половецкие степи стали покорны мне.

— Но...

Бату-хан повернулся к Субудай-Багатуру.

— Мой мудрый советник! Ты обещал рассказать о борьбе моего великого деда с храбрым Ван-ханом.

Точно проснувшись, Субудай-Багатур поднял голову и взглянул пристально на молодого джихангира. Он начал ровным, спокойным голосом:

— Бессмертный воитель, твой славный дед воевал с владыкой караитов[2] Ван-ханом. Могучее и сильное племя было покорено. Но смелый Ван-хан не сдавался. Собрав последних храбрецов, он защищался, как барс. Это был настоящий враг! Твой великий дед уважал его храбрость.

— Что же было дальше?

— Воины Чингиз-хана были непобедимыми, нельзя было противиться им. Ван-хан был окружен. Он потерял последних нукеров и бежал с двумя слугами.

Бату-хан слушал внимательно и кивал головой. Князь Глеб обводил всех диким взглядом.

---

[1] Баскак — начальник области или города, посылаемый татарским ханом главным образом для сбора податей.

[2] Караиты — одно время самое сильное татарское племя в Центральной Азии.

— Славный Ван-хан спасся?

Субудай-Багатур засопел.

— Нет, Ослепительный! Желтоухие собаки, его слуги, предали его. Во время сна они подкрались к своему господину, убили его и принесли его голову великому Чингиз-хану.

Все молчали. Субудай-Багатур продолжал:

— Подлые собаки ждали милости великого воителя. Но он разгневался: «Когда Ван-хан был могущественным и сильным, вы служили ему! Когда он в несчастье доверился вам, вы воспользовались его горем!..» И мудрый Чингиз-хан приказал сломать предателям спину...

Бату-хан медленно повернулся:

— Ты слышал?..

Князь Глеб уцепился за ноги джихангира. Бату-хан оттолкнул его.

— Ты говоришь, ты служил мне? За это тебе давали золото. А за предательство следует наказать.

Бату-хан покосился на серое, помертвевшее лицо Глеба.

— Достойный человек не боится смерти.

— Ослепительный! Прости... сжалься!.. — бормотал князь Глеб.

— Хорошо... живи!

Князь Глеб стал целовать красные сапоги Бату-хана.

— Уходи! — сказал резко джихангир. — Арапша! Прикажи нукерам увести коназа Галиба из лагеря в степь.

— Куда же я пойду? — закричал князь Глеб. — Возьми меня с собою!..

Бату-хан отвернулся. Два нукера вытащили отбивавшегося Глеба. Арапша с неподвижным, холодным лицом опустил за ним тяжелый дверной полог [1].

14. Топорики постукивают!..

В марте в Перуновом бору было безлюдно и тихо.

На месте сгоревших изб разгромленного татарами погоста остались одни глиняные печи и груды черных, обугленных обломков. Только несколько крайних к озеру избенок сиротливо прижались друг к другу. Там

[1] По летописным сведениям, князь Глеб долго скитался в половецких степях. К концу жизни он сошел с ума. Дата смерти его неизвестна.

ютились оставшиеся в живых ребятишки. Их пестовали жена Звяги, еще более исхудавшая, и две бездомные старухи. Они каждый день проверяли в озере мережи и приносили линей и карасей. Тем все и кормились да еще коржиками, испеченными из мякины и толченой сосновой коры.

Весеннее яркое солнце растопило снега, завалившие вековые леса. Вокруг Перунова бора нельзя было ни пройти, ни проехать. Только птицы налетали дружными стаями, свистели, перекликались; пестрые дятлы долбили стволы и вскрикивали: «Чок-чок!»

В начале апреля сбеги на лодках переехали озеро. Они говорили вполголоса, точно боялись, что их услышат татары:

— Много татар еще бродит по дорогам, но главная сила их ушла в Дикое поле. Теперь последние отряды их потянулись туда же... А мы хотим к вам пристать. Здесь жито сеять... Не откажите! Тут нам любо: и от больших дорог подальше, и тихо, и рыбка в озере поплескивает... Наши яровые взойдут, и никто нашего хлебушка не отберет.

Когда спали весенние воды, подсохли дороги, стали прибывать еще сбеги. С ними приплелись также первые кони, заморенные, взъерошенные, но они приволокли сохи и бороны.

В Перуновом бору стало веселее. Застучали топоры, перекликаясь с малиновками, дятлами и грачами; длинными рядами вырастали белые срубы из еловых лесин. Прибежали откуда-то лохматые собаки и тявкали и днем и ночью.

О татарах было все менее слышно. Мужики судили и рядили: что дальше будет? Все думали, что татары отхлынут в Дикое поле, как раньше делали половцы, и назад на Русь не вернутся.

Раз пришла высокая, худая, как скелет, женщина. Она подталкивала едва живую, такую же отощавшую корову. Все кости ее выпирали. Бабы окружили рыжую корову, покачивали головой, указывая на высохшее вымя, висевшее, как тряпка.

Женщина опустилась около развалившейся печи крайней избы. Сидела долго и неподвижно, не отвечая на участливые расспросы баб. Она очнулась, только когда

подошла с ребенком на руках жена Звяги. Ее она окликнула:

— Соседка! Аль не признаешь меня?

Только по голосу жена Звяги догадалась:

— Да ты, никак, Опалёниха?

Обе женщины, обнявшись, плакали навзрыд.

— Где твоя краса девалась, Опалёниха? — причитывала одна.

Другая всхлипывала:

— А где твой семеюшка? Поди, лежит где-нибудь под ракитой?

Они расспрашивали о всех ушедших с погоста на ратное дело, но ничего толком не могли рассказать.

— Савелия, говорят, убили под Угличем, Ваулу видели среди сторонников под Суздалем. Торопка лихим удальцом стал, да и его, поди, уложила татарская стрела.

В мае на погост прибрел Торопка, целый и невредимый; только он вырос и стал костлявый, — давно не ел. Стал он всех расспрашивать про своих родителей: живы ли они? Где искать следов их? Рассказал про себя, что был у него лихой татарский конь, да погнались за ним встречные басурманы. Перепрыгнул конь овраг, сорвался, сломал ноги, а сам Торопка едва спасся, заполз в валежник; его татары и не нашли.

В тот же день приехал на половецком коне Лихарь Кудряш. Узнав от Торопки о гибели Вешнянки, он бросился с коня на землю и долго бился и кричал. Старухи над ним причитывали, отливали водой, а Лихарь твердил:

— Для кого мне теперь жить? Все мне опостылело!..

Потом он долго лежал тихо, точно думал что-то. Встал и спокойно и твердо сказал Торопке, сидевшему рядом на земле:

— Послушай, малец! Вот что я узнал. Татарская сила ушла, но в больших городах остались татарские отряды — за нашими мужиками присматривать, чтобы мы не ворошились. Новый князь Рязанский Ингварь только-что прибыл из Чернигова в Переяславль. Теперь он там будет княжить, а не в сожженной Рязани. Он собирает дружину. Я обещал князю привести надежных молодцов.

Кругом стояли ребятишки и, засунув пальцы в рот,

дивились на Лихаря, на его половецкие пестрые шаровары и узорный колпак.

— Видишь, ребята малы. Их еще надо поднять и прокормить. А отцы все в боях полегли. Теперь сперва мы будем с татарами разговоры разговаривать и дружбу вести, как покоренные... а потом... рассчитаемся!.. Так сам князь Ингварь дружинникам говорил.

— Я пойду с тобой! — решил Торопка.

Оба вскоре покинули Перунов бор.

Направляясь просекой, в притихшем перед грозой зеленом бору они долго слышали, как на погосте перестукивали топоры и кричали бабы, укладывая лесины на новые срубы.

Лихарь остановился и указал рукой в сторону Перунова бора:

— Топорики постукивают!.. Русь-то... снова строится!..

15. На далекой родине

Старый Назар-Кяризек уехал из орьги Бату-хана вместе с толпой раненых кипчаков и уйгуров, желавших вернуться на свою родину. Они поехали обратно тем же путем, по которому пришел Бату-хан, и к началу осени прибыли в Сыгнак.

Женщины Сыгнака и окрестных кочевий давно уже стояли на дорогах, идущих с запада, поджидая своих близких.

Старая Кыз-Тугмас, жена Назара-Кяризека, тоже стояла возле своей юрты вместе с маленьким сыном Турганом и четырьмя невестками. Они напряженно всматривались в загорелые до черноты лица подъезжавших всадников.

К юрте подошел величественной плавной походкой высокий желтый верблюд; за ним следовали четыре оседланных коня, покрытых коврами. Кыз-Тугмас не узнала своего мужа Назара-Кяризека. Он важно сидел в кеджавэ в нарядном парчевом халате, бобровой круглой шапке и походил на посланника неведомой страны. В руках он держал длинноногого петуха.

Вдруг мальчик Турган воскликнул:

— Да это тату! А братьев нет!

Кыз-Тугмас и четыре невестки подняли отчаянные, пронзительные крики, от которых сбежались все обитатели кочевья. Всех поразили пустые седла на четырех

конях и привязанные сверху мечи сыновей Назара-Кяризека.

Невестки бросились к коням, обняли их за шею и с горьким плачем повели к своим юртам. Кыз-Тугмас упала на сухую землю, скребла ее ногтями, рвала на себе седые волосы.

— Мои сыновья! Где мои сыновья?! Кто мне вернет их?!

Назар-Кяризек спустился на землю и торжественно сказал жене:

— Да живет твоя сереброкудрая голова после твоих четырех сыновей-удальцов! — И старик закрыл глаза парчевым рукавом.

Кыз-Тугмас приподнялась и спросила:

— А где мой сын Мусук? Ты слышал ли о нем?

Назар-Кяризек молчал, точно что-то вспоминая. Затем он провел рукой по седой бороде.

— Имя моему сыну Мусуку я дал, а долгую жизнь пусть ему даст аллах!

Подошли соседки, подняли Кыз-Тугмас и отнесли ее в юрту. Они старались утешить ее, как могли: пели жалобные песни, рвали на себе одежды и царапали щеки, оплакивая четырех кипчакских удальцов-богатырей, погибших в великом походе на запад.

Вечером после плова, для которого сварили длинноногого петуха, Назар-Кяризек сидел на конской попоне у двери старой юрты. Вокруг теснились кипчаки и жадно слушали рассказ Назара-Кяризека о диковинных народах, живущих за великой рекой Итиль, покоренных молодым монгольским полководцем Бату-ханом, сыном Джучи, внуком «священного воителя» великого Чингиз-хана.

* * *   * * *   * * *

Выдержка из «Путевых записок» Хаджи-Рахима:

«...Возвращением в кипчакские степи закончился поход великого джихангира Бату-хана для завоевания земель булгар, урусутов, буртасов и других северных народов.

Но этим не ограничились грозные замыслы молодого полководца, внука Чингизова. Пробыв три года в кипчакских степях и поправив истощенных походом монгольских коней, Бату-хан со своей огромной ордой предпринял новое, еще более потрясающее нашествие на запад — сперва на златоверхий урусутский город Кивамень, а затем дальше, на вечерние страны, принеся им ужас и смятение...

Однако обо всем этом мною написано в другой книге, к которой я отсылаю любознательного читателя, пожелав ему мирной и долголетней жизни, без тех страданий, которые приносит народам пожар бушующей войны».

* * *

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Завещание Чингиз-хана

Часть вторая. Батый двинулся на запад

Часть третья. Монголы идут на Русь

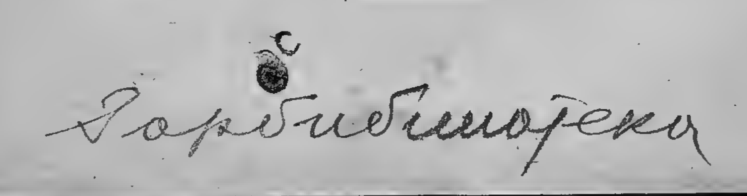
Часть четвертая. Первые схватки с монголами

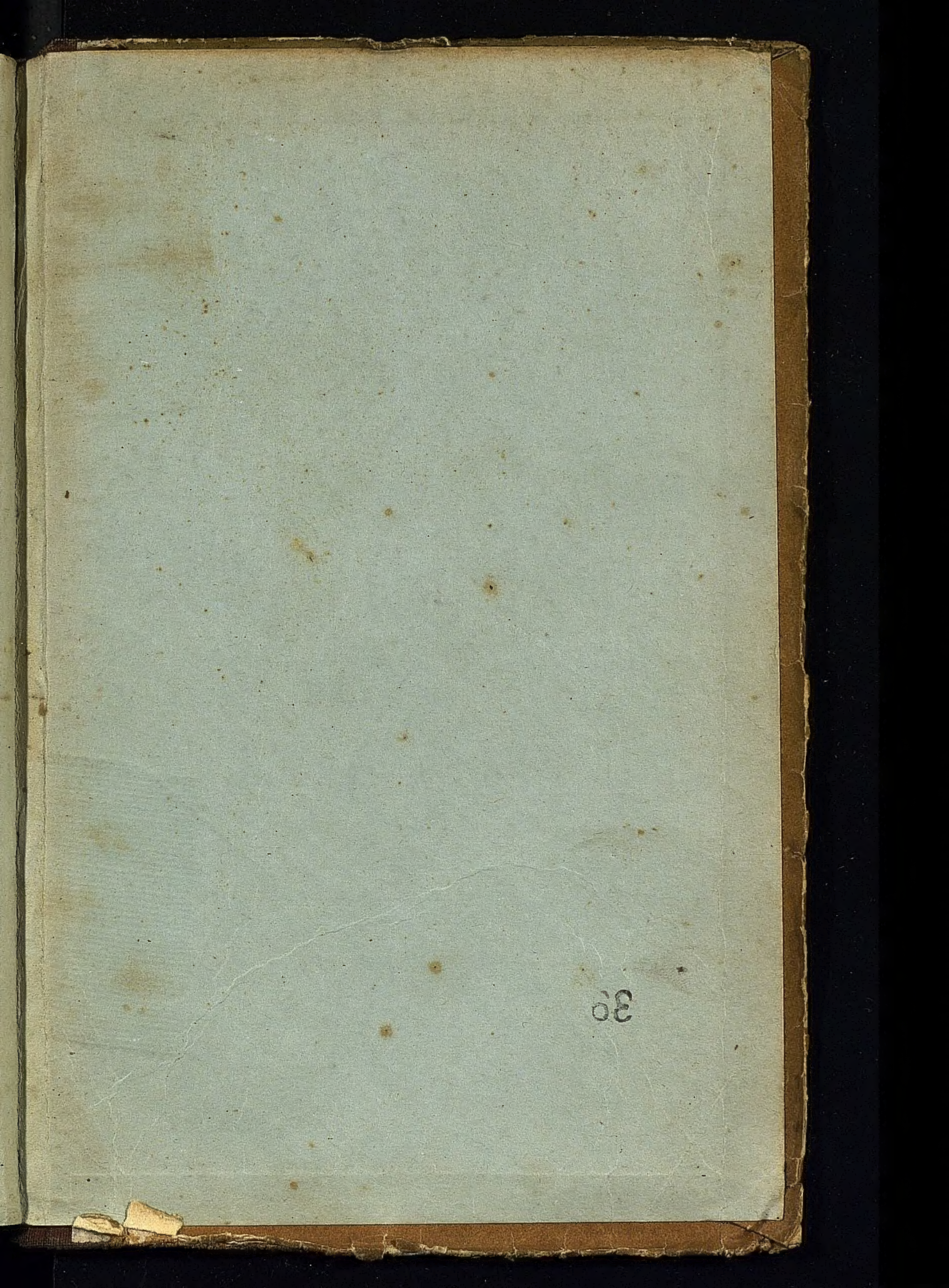
Часть пятая. Рязанская земля горит

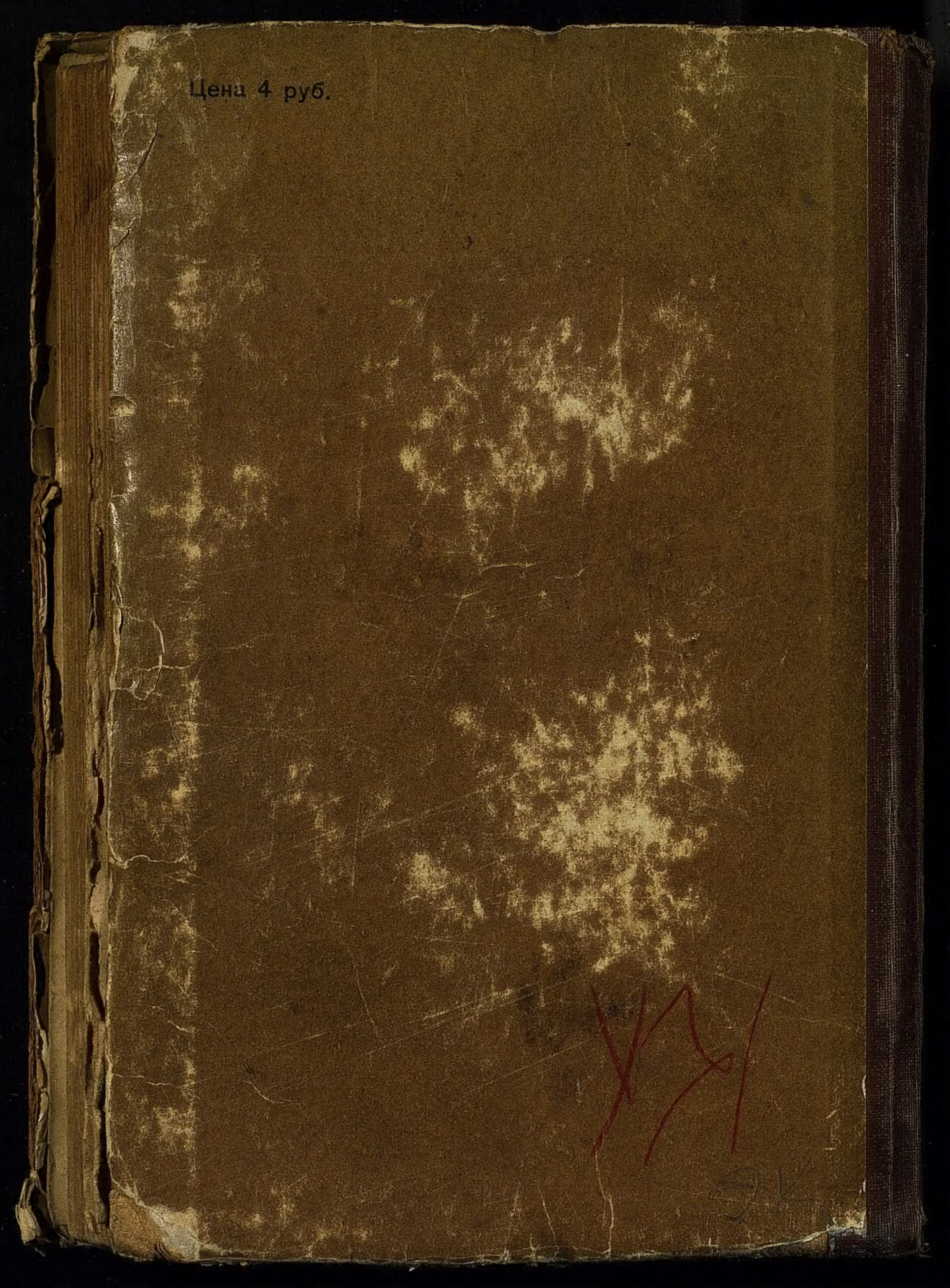
Часть шестая. Черная туча над русской землей

Часть седьмая. Евпатий Неистовый

Часть восьмая. Монгольский разгул






Цена 4 руб.